

АНДРЕЙ ГРИГОРЕНКО

А когда мы
вернемся...

А КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

АНДРЕЙ ГРИГОРЕНКО

АНДРЕЙ ГРИГОРЕНКО

ФОНД КРЫМ
НЬЮ ЙОРК 1977

АНДРЕЙ ГРИГОРЕНКО

А КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ...

№ 1

Обложка работы Ф. Юртера

**ФОНД "КРЫМ"
НЬЮ ЙОРК 1977**

AND WHEN WE RETURN...

by **ANDREW P. GRIGORENKO**

Copyright © 1977 by Andrew P. Grigorenko
All rights reserved

CRIMEA FOUNDATION
24 Greene Drive Commack, N. Y. 11725, U.S.A.
Manufactured in the U.S.A.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
А КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ	5
I. Прощай, Крым	6
II. Ташкент. Год 1962	10
III. Право на образование	26
IV. Первые университеты	28
V. Ташкент — Москва	31
VI. Вопросы антропологии	32
VII. Не ночуйте у знакомых!	34
VIII. "Дело Григоренко"	36
IX. Вне стен Ташкентского КГБ	45
X. В стенах Ташкентского КГБ	48
XI. "Шесть дней"	51
XII. Тридцатая годовщина	86
XIII. Когда кончается лагерный срок?	94
XIV. Суд скорый	120
XV. После суда	138
Вместо эпилога	162

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. Информация № 115 представителей крымско-татарского народа о работе, проделанной ими в г. Москве с 20 ноября 1975 г. по 5 декабря 1975 г.	163
2. Материалы пресс-конференции 3 декабря 1975 г., Москва	171
а) Заявление для печати и радио. Зинаида и Петр Григоренко, 29 ноября 1975 г.	171
б) Сообщение из Крыма	177
в) Ко всем, кому дороги жизнь и достоинство человека. З. Григоренко, Р. Джемилев, А. Сахаров, В. Хаирова, П. Григоренко	178

г) Обращение родных Мустафы Джемилева	180
д) Справка специалиста о длительном голодании	181
е) Рассказ Хаировой Васфие	182
3. Обращения в защиту Мустафы Джемилева на Западе	183
4. Открытое письмо матерей и жен политзаключенных	185
5. Обращение к руководителям коммунистических и рабочих партий, к коммунистам, социалистам, демократам и всем честным людям Земли	188
6. Экстренное информационное сообщение крымских татар для зарубежной прессы, телевидения, радио (с тремя фотографиями разрушенных крымской милицией домов). Апрель-май 1976 г.	190
7. Обращение ко всем людям доброй воли и мировой общественности. Июль 1976 г.	193
8. Документ Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта Европейского совещания в "деле Джемилева"	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, последовательно раскрывающая перед читателем акты вопиющего беззакония властей по отношению к крымско-татарскому народу, является первым капитальным трудом одного из борцов за права человека – Андрея Григоренко – и первым печатным изданием Национального Центра Крымских татар.

Акт жестокого злодеяния, совершенный над одним из населяющих Советский Союз малых народов, а именно над крымскими татарами, с целью полного духовного его уничтожения, не имеет себе примера в истории Человечества. Непостижима уму беспричинная трагедия, искусственно созданная и сопровождаемая в нарушение всех законов безумными репрессиями, которая продолжается вот уже целых 33 года. Непостижима уму потому, что она совершается по ту сторону "железного занавеса" в XX веке над имеющим богатую историю культурным народом, в то время когда по эту сторону "железного занавеса" многим, еще не сложившимся в нации этническим группам предоставляется право на самоопределение.

Чтобы облегчить читателю понять сущность трагедии крымских татар, о чем повествуется в данной книге, нам думается будет полезно краткое освещение предшествующих трагедии явлений.

Руководители советского государства вплоть до второй мировой войны, беспримерно эксплуатируя населяющие СССР народы, щедро тратили народные деньги на создание пятых колонн и на воспламенение революционных пожаров в других странах и оправдывались перед своими народами, уверяя их в том, что в условиях враждебного капиталистического окружения они вынуждены пойти на всякие жертвы для усиления обороноспособности страны.

Путив в ход машину беспощадного террора, физически уничтожив командный состав армии и руководителей промышленности, они денно и нощно вдальблывали в головы подневольных народов, что уже созданы самая мощная в мире тяжелая промышленность и военная индустрия; всеми средствами пропаганды убаюкивали народы, беспрестанно повторяя: "чужой земли не хотим, но ни одного вершка своей земли никому не отдадим", "наши границы священны", "никакой враг не посмеет сунуть свое свиное рыло в наш советский огород", "врага будем бить на его земле", "каждый советский воин равен десяти солдатам любого врага". Даже в песнях пели: "любимый город может спать спокойно".

Это было подлым обманом народов. Это была подлинная измена родине. Ибо с первого же дня войны выяснилось, что советское государство ни военной индустрии, ни вооружения и даже ни военного снаряжения не имело. Остановить вооруженного высокой техникой врага на мобилизованных в колхозах клячах и старых подводах, имея местами одну винтовку на десять солдат и выставляя дышла подвод вместо орудийных стволов, никакой возможности не было.

Началось позорное бегство. Никакая команда "За Сталина вперед" не помогала. Заградительные отряды специальных войск, выставляемые для предотвращения отступления, беспощадно уничтожали свои же отступающие войска. В этих условиях прибывающие на фронт мобилизованные трудящиеся в надежде самосохранения массами сдавались в плен.

Об "одном вершке земли" и "о советском огороде" было забыто. Руководители государства с невероятной быстротой область за областью оставляли врагу; "любимые города" и села с обманутым населением, состоящим из женщин, стариков и детей сражающихся на фронтах солдат, оставались на произвол судьбы. Враг не только посмел нарушить "священные границы", но, огнем и мечом сметая все на своем пути, дошел до Ленинграда, Москвы, Волги и Кавказских гор.

Самому неграмотному человеку было ясно, что изменниками были не обманутые и брошенные на растерзание врагу народы, а обещавшие им мирную, спокойную жизнь и изменившие им высшие руководители государства.

Если бы существовало правосудие, понесли бы жестокое наказание настоящие изменники, но так как все узды правления были у них в руках, то они козлами отпущения сделали многочисленные народы Крыма, Кавказа и Поволжья, свалив всю вину на отцов, жен и детей сражавшихся против врага граждан этих национальных меньшинств.

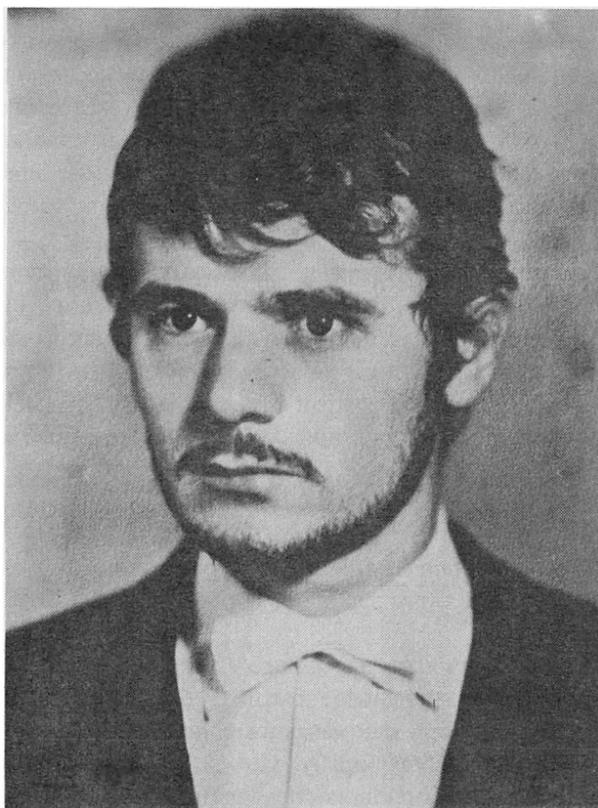
Эта незаслуженная кара коснулась также и крымских татар. Их не только обвинили в измене, не только заклеили позором проклятья, но в жутких, нечеловеческих условиях до последнего человека депортировали в дальние, в климатическом отношении невыносимые края Советского Союза, одновременно разрушив и уничтожив все относящееся к их национальной культуре.

Руководители компартии и советского государства, решив завершить полное уничтожение крымско-татарского народа, не только выселили их с родины – Крыма, не только уничтожили их культурные памятники, не только придали их истории превратный вид, не только сожгли относящиеся к крымской истории и культуре старые рукописные и новые печатные книги, но также пошли на отрицание его существования, лишив их самоназвания и запретив упоминание о крымских татарах в печати и переписях населения.

Но всякое давление встречает сопротивление. Так злодеяния против крымских татар зародили борьбу народа за право на существование.

В этой книге, на примере одного из бесстрашных, мужественных борцов за национальное бытие – Мустафы ДЖЕМИЛЕВА рассказывается о том, как началось сопротивление, как оно вылилось во всенародную борьбу, как закалялись сила воли, бесстрашие и героизм борцов за справедливость, за правое дело, за торжество свободы личности, нации и человечества.

Национальный Центр Крымских татар

Мустафа АБДУЛДЖЕМИЛЬ.

”А КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ ...”

Один из самых достоверных источников информации о событиях в СССР — ”Хроника Текущих Событий” нелегально издающийся в СССР и в последующем переиздающийся Нью Йоркским издательством ”Хроника — пресс”, в 41 выпуске сообщила о переводе **Мустафы Абдулджемиль (Джемилева)** из следственной тюрьмы г. Омска в лагерь строгого режима (Учреждение 267), находящийся в Хасанском районе Приморского Края СССР.

Казалось бы, что такое событие, как перевод одного из многочисленных советских заключенных из тюрьмы в лагерь, само по себе мало интересно и, быть может, вовсе недостойно серьезного внимания. Чем же объяснить, что уже в течение многих лет внимание независимого общественного мнения Советского Союза пристально следит за судьбой **Мустафы Абдулджемиль**, а такие общественные деятели как Нобелевский лауреат академик **Андрей Сахаров**, бывший генерал и политический заключенный **Петр Григоренко**, писатели **Лидия Чуковская** и **Лев Копелев**, историк **Александр Некрич**, и целый ряд других, хорошо известных и в СССР и за его пределами лиц, обращались с многочисленными призывами в его защиту?

Кто же такой **Мустафа Абдулджемиль**?

Чем объяснить, что его имя стало своего рода символом нестигаемости и человеческого достоинства, а одновременно и иллюстрацией дружбы народов в советском понимании?

Автор этих строк не собирается делать каких-либо выводов или заключений, а просто как человек, знающий **Мустафу** в течение доброго десятка лет, намерен рассказать о его обычной и в то же время необычной жизни.

1. ПРОЩАЙ, КРЫМ

”А когда мы вернемся на Родину
в Крым,
Будет свадьба в родном ауле”.

(Крымская народная песня "Порт Артур" о горьком прощании с угоняемыми на фронт парнями времен русско-японской войны. Запрещена к исполнению в настоящее время.)

13 ноября 1943 года в селе Боской Крымской АССР родился мальчик Мустафа. Быть может, совсем не пришлось ему заметить, что окружающий мир был занят весьма серьезным делом — люди истребляли себе подобных — шла Вторая Мировая Война. И тем более не предполагал ни Мустафа, ни его отец, сражавшийся в рядах Советской Армии за освобождение своей Родины от оккупации нацистской Армией, что Гений Всех Времени и Народов среди баталлий самой кровопролитной войны, когда-либо случавшейся на Земле, найдет время, чтобы проявить ”отеческую заботу” о маленьком народе крымских татар, к которому по рождению ”имел несчастье” принадлежать маленький Абдулджемиль.

Да и поняла ли мать Мустафы что-нибудь, когда на рассвете 18 мая 1944 года, в ее дом ворвались солдаты в форме той армии, которую с таким нетерпением ждали в период нацистской оккупации, и не вдаваясь в долгие объяснения приказали собираться, подтверждая серьезность ”приглашения” наставленными на детей автоматами. Да и что могла понять женщина с четырьмя маленькими детьми на руках, муж которой был где-то далеко на фронте, да к тому же плохо понимающая русский язык. Даже сегодня, когда прошло более 30 лет с этого дня, она не может ничего рассказать, так как рыдания прерывают ее рассказ.

Заметил ли кто в СССР и в остальном мире об исчезновении с их национальных территорий больше десятка малых народов Кавказа, Крыма и Поволжья в небывало короткий срок? Время, предоставляемое на сборы, исчислялось ровно 20 минутами. Операция по созданию "крымской ривьеры", "без местных аборигенов", разработанная в кабинетах руководства нацистской Германии, оказалась осуществленной в "по стахановски" короткий срок, и даже без применения газовых камер.*

Уже на рассвете того же 18 мая 1944 года потянулись на восток переполненные стариками, женщинами и детьми эшелоны. Откормленные конвоиры, преподававшие своим "подопечным" уроки русского языка в виде отборной брани, и лай конвойных овчарок, были единственным свидетельством о существовании окружающего мира для стиснутых живых и мертвых обитателей "теплушек". Несмотря на то, что смертность от недостатка пищи и воды достигла устрашающих размеров, конвой не разрешал не только похоронить кого-либо, но даже просто вынести все трупы в один вагон, а живых перевести в другой. Только после долгого пути, когда эшелоны наконец оставили за собой Европейскую часть СССР, было разрешено сбросить трупы прямо на железнодорожное полотно. Ни о каких похоронах речь даже не шла. Люди не могли покинуть своей движущейся тюрьмы в течение всего многомесячного этапа. И спать, и пользоваться "туалетом" приходилось в том же вагоне, в котором даже сесть зачастую не представлялось ни малейшей возможности.**

* — Создание "крымской Ривьеры без аборигенов" было начато немецкими оккупационными властями. До войны в Крыму проживало три религиозных общины, родным языком которых был крымский язык — это крымские татары, исповедующие ислам; караймы, исповедующие до талмудный иудаизм; крымчаки, исповедующие иудаизм. Кроме того, на полуострове проживали крымские евреи, которые были первой жертвой нацистского геноцида. Самобытная религиозно-этническая группа — крымчаки — были практически полностью уничтожены во время массового расстрела в каменоломнях в окрестностях города Карасубазара (ныне Белогорск). Крымские же татары и караймы подверглись частичному истреблению. По советским данным за период оккупации было сравнено с землей и уничтожено население 140 крымско-татарских аулов (газета "Ленин Байрагы", орган ЦК КПУз, ВС и СМ УзССР, 18 сентября 1976 года). Количественных данных об уничтоженных по этническому признаку крымских татарах и караймах не имеется.

** — Спустя много лет, устроенная самими крымскими татарами

Каким чудом **Махфуре Мустафаева** довезла своих детей, в том числе и **Мустафу**, до далекой Средней Азии, каким образом умудрилась сохранить их до возвращения с фронта мужа, остается только удивляться.

Но война закончилась. Бывшие фронтовики и орденосцы "воссоединились" со своими женами и детьми, одновременно превратившись из солдат и офицеров победоносной армии в "ссылных спецпоселенцев".*

С одним из таких "поселков-спецпоселений", затерявшимся в Среднеазиатских пустынях, и связаны первые собственные впечатления **Мустафы**.

Окончание войны принесло вскоре и "законодательное разъяснение" удивительного исчезновения Крымской АССР. 30 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ "О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР".** Вот полный текст этого указа:

"Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик *постановляет*:

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР."

Если верить сообщениям тогдашних советских газет, то "тру-

перепись, показала, что за время депортации погибло 46,2% нации, преимущественно старики, женщины и дети. Официальная советская концепция склонна считать эту цифру "клеветнической". По официальной точке зрения, носящей характер голословного утверждения (подробнее см. в книге "Шесть дней", которая готовится к печати), эта цифра равняется 20% нации.

* — Исключение было сделано для дважды Героя Советского Союза, летчика **Аметхан-Султана**, но он был ограничен в передвижении по территории Советского Союза. В частности, он был лишен права посещать Крым. **Аметхан-Султан** погиб при испытании новой модели истребителя, вблизи города **Жуковского**.

** — Впоследствии Указом от 19 февраля 1954 года (Ведомости Верховного Совета СССР, 1954, № 4) Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР, что позволило властям раздуть рознь между украинцами и крымскими татарами ссылками на то, что якобы украинцы препятствуют восстановлению Крымской автономии.

Лауреат Нобелевской премии Мира академик Андрей САХАРОВ.

Петр ГРИГОРЕНКО и Зинаида ГРИГОРЕНКО.

дящиеся Крыма с радостью восприняли” это изменение административного статуса полуострова.

Но время шло. В отличие от многих своих сверстников **Мустафа** приходилось в первую очередь усваивать правила, о которых не каждому взрослому приходилось слышать. Буквально с первых же шагов необходимо было понять, что мир заканчивается сразу же за поселком и пересечение этой черты карается людьми в погонах либо расстрелом на месте, либо, в лучшем случае, двадцатью пятью годами еще более строгой изоляции в каком-то страшном месте, которое взрослые называют загадочным словом ”лагерь”.

Надо было усваивать и истину, что люди в погонах могут легко вмешаться в жизнь любого спецпоселенца и что даже обычные люди, которые иногда приходят из неведомого мира, тоже признают превосходство над ними людей в погонах, но сами себя считают более важными, чем спецпоселенцы.

Становясь старше, **Мустафа** часто слышал от неспецпоселенцев, что он и народ, к которому он принадлежит, сплошные предатели. Позже такую же характеристику давали его народу в школе. На уроках истории его учили, что в Крыму его народ никогда не был коренным, а только угнетал местное население, состоявшее по словам учителей из русских, что крымские татары всегда жили только разбоем и работорговлей. В появившихся в большом количестве ”исторических романах” рассказывалось все о том же, что и на уроках, с добавлением описаний невиданных злодеяний крымских татар против ”крымских подпольщиков”. Из этих романов порой казалось, что немцев в Крыму и в помине не было.

Звонящая злоба окружающего мира прерывалась только грустными песнями на родном языке, да романтическими легендами далекого края, омываемого никогда не виденным морем. В легендах и песнях был другой мир, в котором скакал на коне смелый богатырь Алим, наводивший страх на богатых и защищавший бедных и слабых, или прекрасная девушка Арзы, попавшая в гарем турецкого султана, не смогла смириться с неволей и разлукой с Родиной, а бросившись в море превратилась в русалку и вернулась в родной Мисхор.* О многочисленных горьких

* — Наиболее южная точка Крыма.

страницах в жизни края, о бесчисленных захватчиках, приходивших и с севера и с юга, о вынужденном оставлении обжитых долин, чтобы затем возвратиться к ним и возродить к новой жизни.

Так прошло детство и наступила, пришедшая несколько рано, зрелость и взрослые заботы. Семья жила трудно и Мустафа рано вынужден был начать самостоятельно зарабатывать свой хлеб. Но мысли о том, что же правдиво в этом мире: старые ли легенды его народа или то, что во все рупора твердила официальная пропаганда, не оставляли его.

После XX съезда КПСС режим спецпоселения был снят, но фактическое неравенство и невозможность выехать за пределы Средней Азии остались.

Раздумья привели Мустафу Абдулджемиля к книгам, а затем и к идейному столкновению с общественным лицемерием и конформизмом.

II. ТАШКЕНТ. ГОД 1962.

Где-то в середине 60-х годов начавшая пробуждаться в СССР независимая общественная мысль обратила наконец внимание и на проблему крымских татар. Сведения об этой проблеме были в то время в достаточной степени скудны. Официальная пропаганда настолько затуманила само существование такой нации, что, например, я, как и большинство людей, принадлежащих к моему поколению, полагали, что этот народ уже фактически не существует. Однако в один прекрасный день старый житель Крыма, по национальности украинец, рассказал мне одну из крымских легенд в ее первоначальном виде,* а на вопрос о том, куда же подевался этот поэтический народ, с грустью сказал: "Обиде-

* — В настоящее время в СССР издана книга "Легенды Крыма" (Издательство Крым — Симферополь, 1967 года). Однако все легенды подвергнуты обработке, направленной к оправданию современного статуса полуострова и депортации его коренных обитателей. В ряде случаев взамен подлинных легенд под тем же названием помещены современные, бездарные подделки. Примером такого замещения может служить "Легенда об Аю Даге" и ряд других.

ли их, сынок — выслали в Сибирь. Там они, бедняги, и по сей день мучаются”.

После этого разговора я попытался найти кого-нибудь, принадлежащего к этому народу. Мне повезло и судьба свела меня со многими крымскими татарами, среди которых у меня много близких друзей. Мустафа же стал мне не просто другом, а названным братом. Из разговоров с ним мне удалось многое узнать о судьбе крымских татар. И вот однажды, когда он был у нас дома, мой отец попросил Мустафу описать те события, которые произошли с ним весной 1962 года. Мустафа выполнил эту просьбу. Вот это письмо.

Григоренко Петру Григорьевичу.
г. Ташкент, Ноябрь 1968 г.

Многоуважаемый Петр Григорьевич!

Я с удовольствием исполню Вашу просьбу и расскажу о том, что произошло у нас в 1962 году. Но мой рассказ не будет достаточно исчерпывающим, потому что я не во все был посвящен. К тому же прошло много времени и кое-что затерлось в памяти. Лучше, конечно, мог бы все это изложить кто-нибудь из тех, оплатившихся тогда своей свободой, товарищей. Ведь им приходилось знакомиться и с материалами дела.

Мой же рассказ будет основан лишь на личных воспоминаниях и впечатлениях.

Моя весна 62-го года

В 1962 году, кажется, в конце февраля, в отделе редких и старинных изданий Ташкентской публичной библиотеки им. А. Навои, где я рылся в книгах, содержащих сведения по истории Крыма и крымских татар, я познакомился как-то с двумя молодыми людьми моей национальности, которых в библиотеке интересовала та же тема. После непродолжительной беседы они предложили мне собрать материалы по истории нашего народа и через две недели выступить с краткой лекцией перед небольшой, человек 30-40, аудиторией соотечественников. Не пускаясь в расспросы о подробностях, я принял это предложение, предупре-

див, однако, что мои познания в этой области весьма скромные. Меня подбодрили, говоря, что на первый случай моих знаний, судя по беседе, вполне достаточно.

В назначенный день я явился в назначенное место, имея при себе конспект, страниц в восемь ученической тетради, с кратким изложением основных этапов истории крымских татар.

... На длинных скамейках в непросторной комнате сидели человек 25 молодых ребят и девушек, преимущественно студентов и рабочих из близлежащего района города. Шли жаркие споры, читали стихи на русском и татарском языках, возмущались неравноправным положением крымских татар, обсуждали проблемы возвращения на Родину.

Выступавшие критиковали существовавшие порядки, допускали совсем нелестные эпитеты в адрес "верного ленинца" — Хрущева.

И мне дали слово, я зачитал свой конспект. Пренебрегая скромностью, скажу — выступление мое было встречено с большим восторгом. Никто в жизни меня до этого так внимательно не слушал. Мне долго аплодировали, каждый просил дать переписать конспект.

Конечно, молодым людям, которые в официальной литературе читали о своих предках как о каких-то варварах, предателях и всегда побеждаемых доблестными русскими, было приятно услышать "новость" о том, что прославленный русский царь Петр I был крепко бит в 1711 году у реки Прут турецко-татарскими войсками, что крымские татары не раз наводили порядки в самой Москве или о том, что у крымских татар еще полтысячелетия тому назад было высшее учебное заведение.

Потом почти до утра обсуждали предложенную кем-то идею создать молодежную организацию крымских татар для борьбы за свои права. В принципе эта организация должна была быть "подлинно ленинской", формы борьбы должны были быть только конституционными. Предполагалось, что через некоторое время, когда организация станет массовой, следует обратиться в соответствующие инстанции и попросить разрешения на ее официальное существование. Хотя вряд ли кто-нибудь всерьез верил в возможность получить подобное разрешение, никто против такой постановки вопроса не возражал. Каждый, видимо, думал как я: "Что делать дальше, будет видно по ходу дела".

Тут же поручили одному, выразившему на то свое согласие, товарищу составить проект программы и Устава организации, текст клятвы для вступающих в нее членов.

В заключение распределили среди присутствовавших районы, на первый случай г. Ташкента и Ташкентской области, где кому следует вести "разъяснительную работу" среди крымских татар. Мне достался небольшой районный центр, расположенный недалеко от Ташкента. Кроме того, я должен был установить количество работающих на своем предприятии крымских татар и по возможности привлечь их внимание к национальным проблемам.

Собрание это продолжалось с 7 часов вечера до утра. До меня, оказывается, было уже два таких собрания.

Через две недели, как и договорились, мы встретились снова в том же самом доме. Были и новые люди.

Выслушали отчеты товарищей о ходе выполнения взятых ими на себя обязательств по выявлению количества крымских татар на предприятиях и в учебных заведениях города и привлечению их к затеянному нами делу. Мне отчитываться было не в чем. На предприятии, где я работал, я не смог найти ни одного крымского татарина. Позднее я узнал, что там все-таки работали восемь человек крымских татар. Такое малое количество их на предприятии, где работают десятки тысяч людей, объяснялось тем, что предприятие это было *военизированным и выпускало самолеты*. А крымские татары, как свидетельствует советская официальная литература, народ не надежный, способный на измену. Эту цифру — 8 человек — мне назвал позднее зам. председателя КГБ при СМ УзССР в ответ на мое утверждение, что крымских татар дискриминируют, принимают на работу не во все предприятия. Причем, эту цифру он назвал не порывшись в бумагах, сказал по памяти даже о занимаемых ими должностях, невольно давая тем самым убедиться, что хотя кое-кому из крымских татар и оказано такое "доверие", все они находятся под бдительным негласным надзором "стражей государственной безопасности".

Потом велись дискуссии в основном вокруг уже составленных проектов программы и Устава организации, содержания клятвы и сделанной кем-то формы намечаемого билета члена организации.

Организацию по первоначальному замыслу было принято на-

звать "Союз крымскотатарской молодежи". На собрании к нему было добавлено еще выражение: "по возвращению на Родину".

Устав был составлен, насколько помню, почти по принципу КПСС.

Первоочередной задачей в проекте программы выдвигалась необходимость вести в широком плане разъяснительную работу для поднятия национальной сознательности и политической активизации крымских татар. В ближайшее время намечалось организовать сбор подписей под петицией к правительству с ходатайством рассмотреть вопрос крымских татар и вернуть их на Родину — в Крым, собрать с населения деньги для отправки делегации крымских татар (в Москву).

Образец намечаемого членского билета представлял из себя фотографию с изображением Крымского полуострова и чуть выше том сочинений Ленина.

Потом решили проголосовать за принятие и утверждение всего этого. Некоторые предлагали внести кое-какие изменения в проекты Устава и программы. Но подавляющее большинство проголосовало "за" без оговорок. Лично я голосовал за принятие без изменений как Устава, так и программы. Только я несогласен был с формой членского билета. Я предлагал заменить в фотографии том сочинений Ленина Уставом ООН или Всеобщей Декларацией Прав Человека.

В организации предполагалось иметь несколько отделов: отдел связи, финансовый, исторический и даже особый отдел, в функции которого должно было войти наблюдение за тем, чтобы в организацию не проник провокатор. Я очень хотел попасть в особый отдел, но мою кандидатуру отклонили и поручили руководить историческим отделом, т.е. группировать вокруг себя любителей истории, заниматься изучением и составлением истории крымскотатарского народа, писать полемические статьи против ее фальсификаторов, организовывать сборы произведений устного народного творчества.

Когда почти все уже было согласовано и договорено, попросил слова один из новичков. Звали его Велит Газиев. Возраст его был несколько старше среднего возраста присутствовавших. Он категорически был против клятв, Устава, программы и членских билетов, назвал все это ненужной мишурой. И вообще идею об организации он назвал авантюрой, которая может свести всех в тюрьму.

— Пересажая всех, как бы много нас ни было, — кричал он.

— Власти, которые могут содержать под стражей одновременно миллионы заключенных, как-нибудь найдут место и для 400 тысяч крымских татар, если вы считаете, что нас поддержит весь наш народ. Смогли же они выслать всех нас, да и не только нас, поголовно со своей Родины. Так действовать нельзя!

Кроме того, он говорил, что наша затея может быть использована властями для новых наступлений на права нашего народа в целом, как новый аргумент в подтверждение бытующего в официальных кругах мнения будто бы враждебности крымских татар советской власти, что этой организации непременно приклеют ярлык "антисоветской" или "антикоммунистической", даже если она будет более коммунистической, чем сама КПСС.

— Да вы где живете?! Спуститесь с небес на нашу грешную землю! — насмеялся он над нами.

Сам он ничего конкретного взамен не предлагал, и на вопрос: "Как же, по-твоему, надо действовать?" — отвечал, что надо подумать.

Его выступление внесло некоторый разлад в среду присутствовавших; появилось несколько его сторонников, которые начали поговаривать, что, может быть, следует повременить с принятием Устава и прочего. Еще Велит добился согласия большинства на то, чтобы немедленно уничтожить всякие записи, списки и впредь не вести никаких протоколов собраний. Я лично о нем подумал тогда как о трусе и паникере, которого больше не следует допускать на наши собрания.

Под конец собрания было решено считать, что ни Устав, ни программа, ни клятва и ни образец членских билетов пока не приняты, считать, что организация пока не существует. Договорились встретиться через две недели.

Собрание закончилось в 8 утра, и я сразу вместе с одним товарищем уехал в "свой" район, где я "шефствовал" и где уже была небольшая (11 человек) "ячейка" поддерживающих нашу затею молодых людей. Таких "ячеек" было уже несколько — в ВУЗах, на заводах, районах и даже в другой области.

Вернулся я в Ташкент через день и услышал печальное известие. Оказывается, в тот же день, 8 апреля утром, через некоторое время по окончании собрания, сотрудниками КГБ были произведены несколько арестов. Были арестованы:

Омеров Марат, работавший сменным мастером на Ташкентском тракторосборочном заводе.

Годженев Рефат — студент физического факультета Ташкентского университета.

Умеров Сейт Амза — единственный тогда среди крымских татар студент юридического факультета того же университета.

Асанов Ахмед, хозяин дома, где проводились наши собрания, работавший шофером.

В их домах были произведены обыски, изъяты кое-какие записи, стихи; из печки в доме Ахмеда были выгреблены разорванные, но не сожженные протоколы наших собраний. Эти клочки бумаг были в КГБ аккуратно склеены и использовались потом как основные обвинительные документы.

Товарищи были растеряны, взволнованы, хотя внешне старались казаться хладнокровными. Все считали, что это дело рук какого-то предателя; начались взаимные подозрения. Кто-то предлагал расклеить в городе листовки с протестами против арестов.

Через три дня после ареста товарищей мы решили провести у здания КГБ демонстрацию протеста. Собрались мы утром в 10 часов у этого здания на улице Ленинградской, человек 50, подумали и решили, что надо сначала поговорить с ними "по-хорошему".

Нас принял сам председатель КГБ при СМ УзССР генерал Наймушин. В огромном, застеленном коврами кабинете на высоком кресле сидел крупный человек, окруженный телефонами со световой сигнализацией, и попивал чай.

Первые слова, которые сказал нам генерал после того, как мы заняли стоявшие у стен стулья, были:

— Так, так... Значит теперь уже не боитесь и в КГБ заходить! А вдруг мы вас отсюда больше не выпустим?! Хо-хо-хо!...

Это он так шутил.

Недалеко от генерала за длинным отдельным столом и на диване у стены сидели чины поменьше, которые ему во всем поддакивали; особенно один сидевший за длинным столом подполковник-армянин, который на все слова генерала усердно кивал головой и тоже что-нибудь добавлял.

Разговаривал с нами генерал развязно, грубо осекая тех, кто ему противоречил.

— Как же! Знаю и чечен и крымских татар, — говорил, развалившись в кресле. — Знаю, за что их выслали. Вы знаете, что там творилось? Какое там было сплошное предательство! Я был в Чечне, и в Крыму. У меня до сих пор еще в плече чеченская пуля — врачи вынуть не могут. Так что...

Он долго доказывал нам, что мы неблагодарные люди, потому что "несмотря на все" государство дало нам право на труд, на отдых, на образование, избирательное право, а мы, неблагодарные, вместо бесконечных благодарностей партии и правительству участвуем в национальных антисоветских сборищах, выдвигаем какие-то необоснованные требования; доказывал, что Крым — это исконная земля русских и что у нас нет никаких оснований требовать возвращения туда.

Нас он, можно сказать, вообще не слушал. Помню, я начал ему говорить, хотя это, правда, было не к месту, насчет того, что печатается многочисленная литература по истории Крыма, где содержатся оскорбления в адрес нашего народа и что это разжигает межнациональную рознь... Генерал, не дав мне досказать фразу, махнул рукой, приказывая сесть на место, и обрубил:

— А вы не читайте историю Крыма. Она вам ни к чему. Читайте историю СССР в целом, и для вас это достаточно".

Вообще мы пришли туда не подготовленные, каждый надеясь друг на друга. Да и шутка генерала, наверное, оказала свое воздействие. Так что в основном говорил он. Притом, когда кто-нибудь из наших просил слова, в первую очередь подполковник-армянин спрашивал его фамилию, место работы или учебы, еще какие-нибудь подробности насчет личности желающего высказаться и записывал. А это, естественно, сковывало ребят, наталкивало на размышления о возможных последствиях.

И генерал без помех развивал свое красноречие:

— ... Мы заняты важными государственными делами. Мы разоблачаем вражеских агентов и их пособников. А вы своими действиями помогаете им, отвлекаете наши силы... Хотите, мы вам сейчас покажем продукцию, конфискованную у разоблаченных нами евреев-взяточников? — глаза генерала посветлели, и по его знаку несколько человек принесли 15-20 небольших стеклянных ящичков с золотыми часами, кольцами, драгоценными камнями.

— Это еще мизерная часть, которую мы приготовили для выставки, — самодовольно усмехался генерал.

— Вы нас неправильно поняли, товарищ генерал, — говорит через некоторое время один из наших — студент Ташкентского университета Эскандер Ибраимов. — Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать Ваши мемуары и глазеть на отобранное Вами у кого-то добро. Мы пришли спросить о судьбе наших товарищей, которых Вы незаконно арестовали...

Генерал переменялся в лице, вскочил с места, и по его знаку начали быстро уносить ящички с драгоценностями. Сузив глаза, он начал рычать:

— Мы могли бы пересадить вас всех, да пожалели. За такое дело несколько лет назад мы вас всех бы расстреляли, потому что ваши действия на руку врагам. Среди вас, я вижу, есть люди, которых мы напрасно пожалели!...

— Положим, не из жалости Вы оставили нас на свободе, а из боязни большого шума, — отпарировал кто-то из наших.

— Да будь у Вас возможность, Вы бы всех крымских татар пересадили. Это видно по Вашим словам, — поддержал его другой, кажется, Баев Гомер.

— Мы как раз пришли сказать, что арестованные Вами люди такие же, как и мы участники этого дела, а не руководители, как Вы их хотите представить, — добавил Эскандер.

Дальше генерал ничего вразумительного не говорил, а только угрожал персонально каждому, кто что-либо выкрикивал. А подполковник с трудом успевал записывать фамилии бросающих реплики.

Ушли мы оттуда злые. При выходе Эскандер со словами: "Я не хочу оставлять здесь свой автограф" вырвал у дежурного список вошедших на прием, поданный нами при входе в здание КГБ по их требованию, и разорвал. Дежурный КГБ, пораженный по всей вероятности невиданным за этими мрачными стенами нахальством посторонних посетителей, растерянно глядел на сопровождающего нас к выходу офицера.

Годженев Рефат и Асанов Ахмед пробыли в заключении долго. Их освободили за "недостаточностью обвинительных материалов".

Оставшимся в подвалах КГБ Марату и Сеит Амзе было предъявлено обвинение по ст. ст. 60 и 61 УК УзССР, т.е. в созда-

нии антисоветской организации, антисоветской агитации и пропаганде. А нас допрашивали в качестве свидетелей.

Меня допрашивали три дня, обычно с утра до ночи без перерыва на обед. Допрашивал капитан Коршунов, иногда вместе со старшим лейтенантом Лизовским.

Спрашивали о том, кто и что говорил на собраниях, о степени нашего знакомства друг с другом, кто является "организатором", имеются ли у нас связи с чеченцами и ингушами... Были и вполне идиотские вопросы, вроде:

— С какими иностранными государствами собирались наладить связь?

— Как и где собирались достать оружие?

— Кого из руководителей страны собирались убить?... — и тому подобное.

Но в основном меня спрашивали по поводу моего выступления по истории крымских татар. Их интересовало, откуда я взял те или иные исторические события для своего конспекта, от кого я перенял "националистические взгляды", с кем из крымских татар старшего поколения я близко знаком; требовали, чтобы я указал, кому передал или где спрятал свой конспект.

Содержание этого конспекта они знали почти полностью. И вообще они знали почти все, о чем мы говорили на собраниях. Это дало нам повод предположить, что среди нас был осведомитель КГБ, вооруженный карманным магнитофоном. Долгое время подозревали одну девушку легкого поведения, тем более, что через некоторое время после этих событий ее приняли в КПСС. Были против нее еще кое-какие улики, но достаточных доказательств у нас не было и мы ограничились тем, что в дальнейшем не допускали ее в свою среду.

В значительной мере следствие воспользовалось и нашей чрезмерной разговорчивостью с ними. Всерьез полагая, что КГБ заблуждается насчет наших истинных намерений, ребята старались рассказать все, что знали, и усердно доказывали на допросах свою правоту, думая, что следователи, убедившись в чистоте наших помыслов и обоснованности наших претензий прекратят дело и освободят товарищей. Но следователи в наших показаниях выискивали лишь моменты, которые могли бы служить обоснованием заготовленного обвинения, пускаясь при этом и на произвольное толкование наших показаний. Например, ска-

занные мной в какой-то связи слова о том, что я очень высоко ценю организаторские способности Омерова Марата и считаю его наиболее сознательным и честным товарищем, были использованы как мое признание того, что Марат является руководителем организации.

Широко использовался метод натравливания допрашиваемых друг на друга.

— Вот здорово! Марат назвал тебя дурачком и вон что про тебя наговорил, а ты стараешься его выгораживать, — помню гнусно хихикал капитан Коршунов.

Тон следователя при допросе зависел от того, нравятся ему ответы "свидетеля" или нет. Со мной тактично разговаривали в основном только пока вопросы касались моих анкетных данных. Дальше зачастую площадная ругань, угрозы, оскорбления, правда, без рукоприкладства.

— Встать! Сволочь! В тюрьме сгною, националист! — брызгая слюной, кричал Коршунов. — На том месте, где ты сейчас сидишь, побывали сотни агентов, прошедших курсы разведшкол США и Германии. И то они начинали разговаривать у меня как миленькие. А ты, соплик, строишь из себя героя. Я тебя так заставлю запеть, что ты свой голос не узнаешь!

И это только за то, что я не мог вспомнить того, чтобы Сеит Амза на собрании говорил о необходимости крымским татарам в своей борьбе перенять кое-что из "алжирского метода".

Но более всего меня угнетала скука допроса. Следователь задает какой-нибудь вопрос или несколько вопросов сразу, выслушивает ответ и начинает писать. Пишет по меньшей мере полчаса, а то и добрых два-три часа подряд. Потом дает на подпись "свидетелю" свою писанину, которая лишь отдаленно напоминает имевший место диалог между следователем и допрашиваемым, т.е. протокол содержит много того, чего "свидетель" не говорил. Если "свидетель" отказывается подписывать это, ссылаясь на неточности протокола, указывает моменты, которые следует изменить или исключить, следователь начинает кричать, материться и угрожать обычно тем, что "засадит" по статье 161 или 162 УК УзССР, т.е. за отказ от дачи свидетельских показаний или дачу заведомо ложных показаний.

Но если и это не помогает, следователь вновь садится за стол и урча оскорбления, заново переписывает свои труды, причем не

принимая полностью во внимание сделанных замечаний. Может переписать все несколько раз подряд, но опять-таки не внося существенных изменений в свои измышления.

И у "свидетеля" появляется желание со словами: "На, сука, подавись!" подписать все, что он подносит, даже если там содержится явный поклев на самого себя.

Во второй день допроса, часов в 10 вечера, я говорю Коршунову:

— Послушайте, последняя закусочная в городе закрывается в 11 часов. Если вы намерены отпустить меня сегодня домой, отпустите сейчас, чтобы я мог хотя бы поужинать. Ведь я не обедал, как вы.

— Сейчас, — говорит Коршунов, — подпиши вот это и ты свободен. — И подает листов 20 протокола допроса.

Я ознакомился с ними и ответил, что подписать их не могу, ибо подобных показаний не давал; указал, какие там допущены неточности.

— Ну, что ж, гад! Не будет тебе ужина! Будешь ждать, как я это перепишу, — говорит Коршунов и опять берется за ручку.

Правда, я ему не подписал и переписанные листы, потому что он по сути там ничего не изменил. Но ушел я оттуда часа в два ночи. Пришлось до своего жилища добираться пешком, т.к. городской транспорт уже не работал.

В последний день допроса разговаривали со мной очень ласково, убеждали, что я связался "с этими националистами" лишь по своей молодости; разговаривали на "Вы". Насколько я запомнил, монолог капитана Коршунова выглядел так:

— ... Будь Вам не 18 лет, а чуть больше, я уверен, Вы не стали бы с ними связываться. Ведь я вижу, Вы толковый парень. Вам с ними не по пути. Это в основном отпрыски расстрелянных в свое время вредителей. Взять хотя бы к примеру этого Амзу... И ими тоже руководили люди постарше, т.е. те, из-за которых вас, собственно, и выслали. Но Вы об этом, я знаю, не знали. Ну, что было, то прошло! Может, я погорячился при допросе, извините уж, — такая работа! Устраивайте свою жизнь, поступайте в институт. Мы Вам в этом мешать не будем, а может быть, даже поможем. В кое-чем, может быть, попросим помощи у Вас мы. Надеюсь, мы еще много будем встречаться, но уже, как друзья. Сотрудничая с нами, Вы и своему народу можете при-

нести пользу. Ведь чем больше у вас будет людей, сотрудничающих с нами, тем больше будет доверия Вашему народу...

Короче, вербовал в стукачи.

Комплименты я ему посоветовал приберечь для женщин, а насчет будущих встреч "как друзья", я сказал, что это будет возможным, если товарищи будут освобождены и если он покинет это заведение и займется производительным трудом, например, поступит на завод слесарем.

Обменявшись злобными взглядами, мы расстались.

После этих допросов некоторые из ребят были исключены из своих учебных заведений, другие уволены с работы.

Из медицинского института был исключен Кубединов Сейран, который на собраниях читал свои стихи. (Позднее по неизвестной причине он утонул в озере парка им. Победы в Ташкенте).

Из Ташкентского университета отчислили Ибраимова Эскандера. Собственно, его прямо исключить не могли. Помню, организовали собрание группы студентов, где он занимался, с участием трех сотрудников КГБ (в том числе Лизовского) и представителей университетской администрации и поставили на рассмотрение вопрос об "аморальном поведении" Эскандера, выразившимся в участии его в "антисоветских и националистических сборищах". На это собрание посторонних не пускали, и я с группой его друзей слушал стоя за дверями.

Выступил представитель КГБ, который представил наши собрания слушателям как чуть ли не совещания махровых злодеев и врагов советской власти, "где велись речи даже о вооруженной борьбе". Потом начали зачитывать свои речи комсомольские "вожаки" и некоторые студенты, которые Эскандера "клеймили позором". Дали слово и самому _____ который отлично отпарировал все нападки на наши собрания, в нескольких словах описал нынешнее положение крымских татар. Потом опять выступил представитель КГБ и заявил, что его надежды на то, что Эскандер исправится, подорваны, потому что он не только не просит прощения за содеянное, а даже набрался наглости и защищает "эти преступные сборища", клеветает на советскую действительность. Студенты молча выслушали все эти речи, но когда вопрос о его исключении был поставлен на голосование, большинство студентов проголосовало "против". И попытка исключить Эскандера "демократическим путем" провали-

лась. Но потом началась такая травля со стороны администрации, что он сам был вынужден покинуть университет. Учился он тогда на четвертом курсе механико-математического факультета.

А меня уволили с работы. Заместитель директора по кадрам Хакимов вызвал меня к себе в кабинет через день после окончания моего допроса и говорит:

— Если хотите, пишите заявление по собственному желанию. Иначе мы уволим по неприятной для вас статье.

— По какой, например? — поинтересовался я.

— Например, за пьянку на работе или за кражу продукции завода.

— Но ведь я и по праздникам-то не всегда пью и самолеты ваши вроде не воровал! — удивился я.

— Ничего, организуем, — успокоил он меня.

И я "подобру-поздорову" подал заявление о том, что я хочу по собственному желанию уволиться с завода.

10 августа 1962 года начался судебный процесс над Омеровым Маратом и Умеровым Сеит Амзой по обвинению в создании антисоветской организации "Союз крымско-татарской молодежи" и руководстве ею, в антисоветской агитации и пропаганде.

В частности, Марат обвинялся в составлении программы и устава организации, текста клятвы для вступающих в нее членов. Заодно на суде ему напомнили, что еще в 1957 году он выступал на одном собрании, где допускал националистические высказывания.

Сеит Амза был обвинен как один из руководителей организации и в том, что на собраниях читал свои антисоветские и националистические стихи. Ему также напомнили его старые "грехи". Оказывается, еще в армии у него было обнаружено одно стихотворение, которое расценивалось как националистическое. Стихи его у меня не сохранились, но я помню, как следователь доказывал мне, что они националистические, а следовательно, антисоветские, приводил выдержку, которая заканчивалась надеждой на тот день, "когда татарин молодой поведет коня в Учан-Су на водопад".

Учан-Су — это название водопада в Крыму. Ну, а так как Амза намекает на возвращение крымских татар в Крым — это и есть самая что ни на есть националистическая пропаганда, пото-

му что он тем самым "будоражит" народ, который "укоренился" на новом месте.

Дело слушалось Верховным Судом Узбекской ССР. Процесс был закрытый. Многих товарищей, в том числе и меня, допрашивали на суде в качестве свидетелей.

Каждый "свидетель", входя в зал суда, в первую очередь, не обращая внимания на энергичные протесты прокурора и судьи, здоровался на татарском языке с подсудимыми, поздравлял Марата с днем рождения (Марату в эти дни исполнилось 25 лет, он был на 2 года старше Сеит Амзы). Все "свидетели" говорили, что они в одинаковой мере с подсудимыми принимали участие во всем, а посему они вовсе не свидетели, а участники.

— Так что, если вы считаете их преступниками, то такой преступник и я. И мое место рядом с ними, — говорил, например, рабочий Юсупов Ремзи.

Эта наша позиция очень нравилась адвокатам, защита которых была основана на том, что виновны многие, а почему-то только двое — подсудимые. Мы, конечно, просили адвокатов о другой форме защиты, но они на это не согласились. И они еще считались одними из лучших адвокатов в Узбекистане. О таких адвокатах, как Золотухин Б.А., С.В. Каллистратова, Д.И. Каминская мы тогда еще не слышали.

Процесс длился четыре дня.

— Судебными приговорами вы не заставите нас разлюбить свою Родину — Крым! — бросил судьям Марат в последнем слове.

Верховный Суд именем Узбекской ССР приговорил Омерова Марата к четырем годам, а Умерова Сеит Амзу к трем годам лишения свободы с содержанием в лагерях строгого режима.

В последний день процесса, когда конвой уводил их из здания суда в тюремную машину, девушки бросали под ноги осужденным цветы. В стороне стояли сотрудники КГБ и фотографировали этих девушек в связи с их таким "крамольным" поведением.

Вот, пожалуй, все, что я могу рассказать об этом по памяти. Можно было бы рассказать несколько полнее, если бы я заглянул в свои записи, которые вел тогда. Но после моего ареста в 1966 году мои товарищи срочно, до визита сотрудников КГБ, произвели в моей квартире "обыск", изъяли все мои записи и

куда-то спрятали. А когда я через полтора года освободился, эти товарищи были уже в тюрьме. Так что в ближайшее время этими записями я воспользоваться не могу. Но если Вас интересуют какие-нибудь подробности, Вы все-таки напишите. Постараюсь что-нибудь предпринять.

Пишите по адресу моих родителей на мое имя:

Уз. ССР, Сыр-Дарьинская область,
г. Гулистан, ул. Октябрьская, 16
Джемилеву Мустафе.

* * *

Р.С. Содержали Марата и Сеит Амзу в лагерях Мордовии; недалеко от Потьмы, в том же лагере, куда позднее попали Синявский и Даниэль, где они, кстати, с ними и увиделись. Отбыли они свой срок день в день. Здоровье Сеит Амзы не пошатнулось, но волосы его были седые. Марат вернулся ужасно худой и с язвой желудка.

Дальнейшая жизнь участников событий тех дней сложилась по-разному. Большинство из них, разумеется, приняло и принимает активное участие в усилившемся в 1964 году национальном движении. Из тех товарищей находятся сейчас в заключении:

Абдулгазиев Энвер, 1941 года рождения, инженер. Арестован после известных Вам чирчикских событий 21 апреля 1968 года и осужден к полутора годам лишения свободы как один из организаторов "массовых беспорядков" и за распространение документов, якобы содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Баев Гомер, 1938 года рождения, инженер-механик. Арестован 29 августа 1968 года в г. Симферополе. Проживал он в последнее время в г. Новороссийске (ул. Красина, 30). Против него ведется расследование по ст. 62 УК УССР, т.е. по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации. Он выпускник Ташкентского института инженеров ирригации, т.е. того же института, откуда был исключен я в 1966 году. Так что я знаю его очень хорошо. Он был среди нас одним из убежденных марксистов;

Хайров Изет (Изет Хайри) – 1938 года рождения, инженер-

физик. Арестован 13 сентября 1968 года в г. Ташкенте. Обвиняется в составлении документов, якобы порочащих советский строй. О каких документах идет речь, я думаю, Вы знаете. Это документы, обращения, заявления и протесты граждан крымско-татарской национальности с требованием возвратить крымских татар на свою национальную Родину — в Крым и восстановить их национальное равноправие, а также документы общедемократического движения в стране, брошюра академика А. Сахарова и др.

Судебные процессы ожидаются днями.

Для защиты Баева Гомера мы хотели привлечь Д.И. Каминскую. Но оригинальная практика нашего судопроизводства этого, видимо, не допустит, так как для защиты человека, обвиняемого по его статье, как Вы знаете, требуется особый допуск, выдаваемый органами КГБ.

Изет Хайри при аресте предупредил свою жену, чтобы адвоката не нанимали. Он будет защищаться сам.

Мустафа Абдулджемиль.

III. ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ

Осенью 1962 года Мустафа поступил в Ташкентский Институт Инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. Учеба протекала вполне успешно, но прекратить интересоваться историей своего народа он не мог. Выбор технического университета был для Мустафы в значительной степени вынужденным, так как гуманитарное образование для лиц, которыми когда-либо интересовалось КГБ, находится за семью запретами. Если же учесть еще "нежелательную национальность" и то, что "советская историография" представляет сомнительную научную ценность, то выбор Мустафы окажется вполне понятным.

Однако занятия историей, которым он посвящал свободное время, довольно скоро, видимо, не устроили "компетентные органы". Странное увлечение историей студента Джемилева решил рассмотреть ректорат и партийно-комсомольский актив института. Официальная повестка этого компетентного заседания была достаточно красноречива: "Персональное дело Мустафы

Джемилева в связи с его участием в националистических собраниях, написание "Краткого исторического очерка тюркской культуры Крыма в XIII—XVIII веках" и отказе вступить в комсомол". Нетрудно догадаться, что никакого разбора по существу не было, и каждый из "критиков" занимался пережевыванием трех обвинений, выдвинутых уже в самой повестке дня, не добавляя и йоты какой-либо иной информации.

Видимо, это обвинение было настолько шатко, что никакого окончательного решения на этом заседании "актива" принято не было, а "персональное дело" затянулось с марта до сентября. Однако к сентябрю "дело Джемилева", по всей вероятности, рассмотрели более компетентные "товарищи". 29 августа, после выступления на митинге крымско-татарской молодежи в городе Гулистане, на Мустафу напала милиция и безо всяких объяснений избила. Несколькими же днями спустя ректорат института издал приказ об отчислении Мустафы Джемилева из института за ..." академическую неуспеваемость".

Джемилев пытался опротестовать незаконное решение ректората. В пользу восстановления Джемилева выступила также значительная часть студентов института и даже официальный адвокат института Никанович. Но все попытки оказались тщетны. И, быть может, для большей убедительности окончательности решения, 29 сентября без предъявления ордера Джемилев подвергли личному обыску на улице, а 30 сентября, в его отсутствие было совершено вторжение в его квартиру и произведен незаконный обыск и изъятие денег и документов.

Тогда Мустафа Абдулджемиль принял решение обжаловать все непрекращающиеся репрессии в высших инстанциях СССР и вылетел в Москву.

После длительных хождений по всевозможным приемным, Джемилев наконец добился получения решения о незаконности отчисления из института в Отделе высшего образования при Министерстве сельского хозяйства СССР. Но в тот момент, когда он выходил из здания Министерства, его безо всяких оснований задержала московская милиция и доставила в тюрьму. Правда, продержали его не слишком долго и спустя несколько дней, без какой бы то ни было судебной процедуры, отправили под вооруженным конвоем обратно в Среднюю Азию, где его отпустили из-под стражи.

Привезенное решение Министерства о незаконности отчисления Джемилева из института не возымело действия на ректорат или же Министерство успело получить "компетентный совет" и негласно отменить свое первоначальное решение. Во всяком случае в институте Мустафу не восстановили, а 31 декабря 1965 года органы прокуратуры возбудили против него уголовное дело по обвинению "в уклонении от призыва на действительную службу в Советскую Армию". Прокуратура объявила, что фактом уклонения является поездка Джемилева в Москву с одновременной ссылкой на его задержание московской милицией. Под стражу он заключен не был, но ему было запрещено покидать пределы города Ташкента. Однако этим дело не ограничилось.

9 января 1966 года Ташкентская милиция предприняла попытку, методом провокации, сострять Джемилеву обвинение в краже. Милицейский агент пытался подложить Мустафе Джемилеву в карман ручные часы, когда он возвращался домой в городском автобусе. Однако провокация провалилась, и милиция ликвидировала свой просчет... арестом Джемилева по обвинению "в мелком хулиганстве" и продержала его под арестом 15 суток.

IV. ПЕРВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Судебный процесс "по обвинению Мустафы Джемилева в уклонении от очередного призыва в армию" (ст. 70, часть 1 УК УзССР соответствует ст. 80 УК РСФСР) четырежды откладывался и состоялся только 12 мая 1966 года. Дело рассматривалось судебной коллегией Ташкентского городского суда. Мустафа Абдулджемиль явился в суд добровольно. В процессе заседания факты выдвинутых прокуратурой обвинений не подвергались какой-либо проверке и, более того, истинные причины привлечения Джемилева к уголовной ответственности почти не были завуалированы. Абдулджемиль осуществлял защиту сам, достаточно доказательно выявив несостоятельность обвинения. В своем последнем слове он остановился на истинных причинах выдвинутых против него обвинений. Вот, что он сказал в частности:

" Сотрудники КГБ взбешены тем, что мы собираем ста-

тистические данные о погибших на местах ссылки крымских татар, что собираем материалы против садистов-комендантов, которые издевались над народом в годы сталинщины и которые в соответствии с Уставом Нюрнбергского Трибунала должны предстать перед судом за преступления против человечности...

В результате преступления 1944 года я потерял тысячи и тысячи своих братьев и сестер. И об этом надо помнить! Помнить так же, как о крематориях Освенцима и Дахау. Помнить, чтобы это больше никогда не повторилось. Помнить и в корне изживать нацистскую и шовинистическую гадину, порождением которых явились эти преступления. Но это кому-то не нравится ...

Я надеюсь, что вы, вынося приговор по делу, будете руководствоваться только законом и справедливостью, заклейте позором виновных независимо от занимаемого ими положения и закроете тем самым в какой-то мере пути к произволу и официальной подлости. Если вы проявите страх перед преступными элементами из КГБ — это будет означать торжество и поощрение зла, олицетворением которого являются эти мерзавцы.”

Однако суд не принял во внимание никаких доводов, и Мустафа Абдулджемиль был приговорен к полутора годам заключения в исправительно-трудовой колонии общего режима и взят под стражу в зале суда.

Приговор был оставлен без изменения, и Мустафа Джемилев был помещен в лагерь ИТК № 9 УИТУ МООП УзССР, расположенный на окраине Ташкента, где содержалось еще несколько крымских татар, осужденных за участие в национальном движении в разное время и на разные сроки.

Лагерная администрация во главе с начальником лагеря Габриэляном, старшим оперуполномоченным Ситниковым и более мелкими чинами сразу же принялась за "перевоспитание" Абдулджемиля и других его соотечественников. Основная задача "перевоспитания" состояла в вымогательстве у заключенных письменного заявления с отказом от участия в национальном движении, сопровождавшемся шантажом, карцером и угрозами продлить срок заключения. Джемилева многократно заключали в помещение камерного типа (ПКТ) за отказы дать такую подписку. Вот один из образчиков обоснованности такого наказания:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о водворении заключенного в штрафной изолятор
или в одиночную камеру
и наложении других взысканий

1967 года августа 11 дня. Я, начальник ДПНК ИТК № 9 УИТУ
МООП УзССР лейтенант Головенко, рассмотрев материалы о на-
рушении режима заключенным Джемилевым, №, и заслушав
его личные объяснения (или рассмотрев письменное объясне-
ние), —

Н а ш е л :

Заключенный Джемилев систематически распространяет лож-
ные измышления о советском общественном и государствен-
ном строе среди заключенных, а также проводит националисти-
ческую агитацию среди крымских татар за возвращение в Крым
и представления автономии. Тем самым разлагает дисциплину
среди заключенных. Высказывает прямо в беседе недовольство
политикой правительства.

На неоднократные беседы не реагирует: заявляет, что будет
проводить "борьбу". Подписку писать отказался. Ведет себя вы-
зывающе. Дальнейшее содержание Джемилева в зоне нецелесо-
образно и вредно. Беседа с Джемилевым происходила совмест-
но со ст. оперуполномоченным 1 отд, УИТУ майором Акимо-
вым.

Руководствуясь Инструкцией по организации и осуществле-
нию режима в исправительно-трудовых колониях МООП Узбек-
ской ССР, —

П о с т а н о в и л :

Заключенного Джемилева Мустафу за совершенный проступок
водворить в ШИЗО до прихода начальника ИТК.

Головенко

Прошу начальника ИТК строго наказать Джемилева.

Ст. оперуполномоченный
ст. лейтенант — *Ситников*
11 августа 1967 года

Водворить в ШИЗО на 5 суток б/в на работу за антисоветскую пропаганду.

Начальник ИТК —
—Габризян

На давление и придирки администрации Джемилев был неоднократно вынужден отвечать голодовками протеста, что в значительной степени подрывало его здоровье.

V. ТАШКЕНТ — МОСКВА

В конце 1967 года Мустафа Абдулджемиль освобожден из заключения. Но на свободе его ожидали другие испытания. Институт, в котором он учился до заключения, категорически отказал в восстановлении даже в отдаленном будущем, а устроиться на работу было также невозможно. А в январе 1968 года стало достоверно известно о том, какие силы преградили Джемилеву доступ к высшему образованию.

22 января 1968 года был вызван на допрос в КГБ другой участник национального движения крымских татар и видный участник движения в защиту прав человека в СССР, Решат Джемилев. Проводивший допрос Решата майор КГБ Свалов, между прочим, цинично и откровенно заявил:

”Мустафа больше не будет учиться в институте. Потому, что если я допущу, чтобы его восстановили в институте, мне самому будут неприятности от начальства. И вообще, для нас спокойнее, если такие как Мустафа и Сервер не будут иметь высшего образования. *С интеллигенцией нам бороться труднее, чем с чернорабочими* (разрядка моя — А.Г.) Так пусть они будут чернорабочими.”

Но только этим не ограничилось. Постоянная слежка, а одновременно и подготовка к новому процессу против Мустафы Джемилева продолжались.

Всего лишь через несколько дней после выхода Мустафы на волю — 27 ноября 1967 года, в Ташкенте начался суд над группой крымских татар. Все обвиняемые были признаны виновными и осуждены на различные сроки заключения, а кроме того, суд вынес частное определение о возбуждении против Джемиле-

ва уголовного дела по обвинению ”в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй.”

Затем следуют один за одним обыски на его квартире — один 7 июля, а второй — 13 сентября 1968 года ”с целью отыскания и изъятия литературы и документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй”.

Однако угрозы не испугали Мустафу и он принимает свое избрание постоянным народным представителем крымских татар для ходатайства перед советскими властями о разрешении проблемы возвращения в Крым для своего народа.

VI. ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИИ

1968 год был годом памятным для всех, живущих в так называемом ”социалистическом лагере”. В этот год чешский и словацкий народы попытались изменить свою судьбу, что могло иметь далеко идущие последствия для остальных стран Восточной Европы.

Для живущих в СССР этот год ознаменовался подъемом общественного мнения — появлением регулярно выходящего теперь уже девять лет органа Правозащитного Движения СССР — ”Хроники текущих событий”. 1968 год был также годом наибольшего количества протестов советских людей по поводу нарушений прав человека в СССР. В последующие годы наблюдался некоторый спад количества так называемых ”подписантов” и только теперь, в 1976 году, количество ”подписантов” превысило соответствующую цифру, достигнутую в 1968 году.

В мае 1968 года, в канун 24-й годовщины депортации крымских татар из Крыма, перед зданием ЦК КПСС на Старой площади в Москве, должна была состояться многотысячная демонстрация с участием представителей крымских татар и московских участников Правозащитного Движения. Однако власти предприняли экстраординарные меры для предотвращения этой манифестации.

Накануне дня демонстрации по городу Москве была устроена милицейско-кагебешная облава на татар. Гостиницы вблизи

**Разгон народного гулянья 21-го апреля 1968 года (день режде-
ния Ленина) в городе Чирчике Ташкентской области.**

Выставки достижений народного хозяйства СССР, где преимущественно остановились представители крымских татар, были оцеплены, и все лица татарской национальности а также подозреваемые в такой национальной принадлежности,* были задержаны и доставлены в несколько милицейских спецприемников. В самый день намечавшейся демонстрации облава продолжалась. В этот день задерживали также и лиц иной национальности, приближавшихся к Старой площади. Милиция проверяла документы, а в некоторых случаях опознавала по фотографиям. Таким образом был задержан и мой отец, и ряд моих московских друзей, и я сам. Попал в облаву и Мустафа Абдулджемиль. Задержанные крымские татары спустя сутки были под охраной этапированы в Среднюю Азию, а лица иных национальностей после менее или более длительного пребывания в милиции отпущены.

Несколько дней спустя часть народных представителей вернулась в Москву. Вернулся и Мустафа.

В 1968-69 гг. Абдулджемиль проводит много времени в Москве. Он внимательно следит за событиями в Чехословакии, подписывает письма в защиту несправедливо гонимых в СССР, протестует против оккупации Чехословакии. Мустафа своим участием в Правозащитном Движении выходит далеко за рамки чисто национальной борьбы за интересы своего народа. Его занимает проблематика прав человека во всех ее аспектах и в праве отдельной личности, и в праве различных групп, и в праве различных религиозных и этнических меньшинств.

Прекрасное знакомство с особенностями положения этнических меньшинств делает его человеком, сыгравшим немалую роль в нахождении общего языка между разными этническими группами и нациями в СССР, а равно этих групп с Движением в защиту прав человека в СССР, что отнюдь не представляется таким простым в сложной системе воспитанного веками взаимного недоверия между столь разнородными составляющими советской империи.**

* – Как стало известно позднее, среди задержанных были не только граждане СССР иных национальностей, но даже два венгерских туриста, задержанных вблизи гостиницы "Алтай".

** – Сложность взаимоотношений между различными религиозными

VII. НЕ НОЧУЙТЕ У ЗНАКОМЫХ!

Тем временем круг преследований все сужался.

Вскоре после похорон писателя Алексея Костерина, одного из зачинателей Правозащитного Движения в СССР, у нас на квартире был произведен обыск. Причиной обыска послужили похороны Костерина, вылившиеся в демонстрацию протеста против попрания элементарных человеческих прав в СССР. Формально обыск проводился Узбекской прокуратурой, но с участием доброго десятка сотрудников Московского КГБ во главе с генералом КГБ — Враговым. Накануне обыска Мустафа и Решат Джемилевы остались у нас на ночлег и утром были задержаны в нашей квартире.

Поздно вечером, когда обыск еще продолжался, Мустафа был допрошен в Московском КГБ. Вот протокол этого допроса:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА свидетеля Джемилева Мустафы

19 ноября 1968 года

г. Москва

Начало в 20 час. 00 мин. — конец в 21 час 00 мин.

” На поставленные вопросы Джемилев Мустафа показал:

Из Москвы, из дома Костерина поступила телеграмма, в которой сообщалось о смерти Костерина. Кто именно послал эту те-

и этническими составляющими СССР — вопрос, требующий специальных исследований. Здесь для краткой справки можно указать, что в СССР официально признано наличие более, чем *сти* наций и этнических групп, почти все они населяют собственную национальную территорию или имели таковую до депортации. Все нации, имеющие статус ”союзных республик”, имели в сравнительно близком прошлом независимую государственность. Независимую государственность имели также нации, не обладающие в настоящее время статусом ”союзных республик”. В частности, крымские татары лишились государственной независимости в XVIII веке, а тувинцы, например, в середине XX века — в октябре 1944 года. По языковым группам эти народы делятся на славянскую (самая большая), тюркскую, фино-угорскую, балтийскую, кавказскую, персидскую и ряд других более мелких. В религиозном плане на территории СССР представлены все мировые религии: Христианство, Ислам, Буддизм, Иудаизм и ряд более мелких, в том числе и тотемических.

леграмму, кто конкретно получил ее в Ташкенте — говорить не буду. Я не скажу, кто меня направил, но только скажу, что был направлен в Москву принять участие в похоронах писателя Костерина, который много помогал нашему, крымскотатарскому народу.

14 ноября 1968 года я участвовал в похоронах Костерина. У кого на квартире я ночевал по прибытии в Москву, отвечать отказываюсь, и вообще показания давать не желаю и подписывать протокол не буду.

Когда сегодня пришли на квартиру к Григоренко с обыском, то я был на этой квартире, т.к. ночевал там. Этот человек сочувствует движению нашего народа за возвращение в Крым.

Я принимал участие в движении крымских татар, чтобы добиться возвращения в Крым и поскольку это движение на мой взгляд является законным, то о своих действиях рассказывать не желаю, отвечать на вопросы, с какого времени принимаю участие в этом движении, отказываюсь.

Я подписал целый ряд документов в адрес партийных и государственных органов, в которых поднимаются вопросы возвращения крымских татар в Крым и другие вопросы. Если предъявят мне эти документы в подлиннике с моей подписью, то я не откажусь от этих документов, т.к. полностью с ними согласен, одобряю их и поэтому подписал.

Мне предъявлены отпечатанные на машинке копии документов "Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры", "В Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Генеральному прокурору СССР" от имени 16 представителей крымскотатарского народа, в котором указана в числе других и моя фамилия. Пока нет оригиналов этих документов с моими подписями, то я по копиям не могу сказать, именно этот документ я подписал, а на память я не могу знать соответствуют ли они подписанным мной оригиналам.

И вообще, еще раз заявляю, что поскольку все документы крымских татар, в том числе и предъявленные мне, не являются антисоветскими, то я никаких показаний по вопросу составления этих документов, их распространения давать не желаю и не буду.

По документам, которые были изъяты из квартиры Хаирова Иззета, пусть отвечает за них сам Хаиров. Я отказываюсь отве-

чать, кем написан документ под названием "Обзор фальшивок и опровержительных документов", который изъят на квартире у Хаирова, т.к. выше я уже объяснил мотив, почему не желаю давать показания по вопросам, которые мне ставятся.

Протокол допроса прочитан, записан правильно, но Джемилев Мустафа отказался от подписи."

Следователь
по особо важным делам
при прокуратуре УзССР,
советник юстиции —

Б. Березовский

Следователь
по особо важным делам
КГБ при СМ УзССР—
капитан —

Абушаев.

(Том 15 л.д. 122-125 — фотокопия; подлинник протокола находится в деле № 109 по обвинению Хаирова И. и других в томе 13 л.д. 67-69).

VIII. "ДЕЛО ГРИГОРЕНКО"

Но в этот раз власти ограничились только коротким задержанием и Абдулджемиль продолжает выполнять обязанности народного представителя в Москве. Тем временем КГБ готовится к разгрому правозащитного движения. Готовятся аресты и суды. Одним из таких судов явился Ташкентский процесс над десятью крымскими татарами (Ролан Кадыев и др.). Около *трех тысяч* крымских татар обратились с письмом к моему отцу — **Петру Григоренко** - с просьбой выступить общественным защитником на этом процессе.

В начале мая мой отец вылетел в Ташкент. Узнав о его приезде, власти срочно отложили уже намеченный процесс и посчитали, что Ташкент самое удобное место для ареста Петра Григоренко, которого они считали главным лидером всех оппозиционных сил в СССР.

7 мая 1969 года на квартире врача Дильшата Ильясова был арестован мой отец. Мустафа присутствовал при аресте. После окончания обыска и ареста Григоренко за Джемилевым была установлена слежка, вынудившая его обратиться со следующим заявлением:

*Генеральному прокурору СССР
гр. Руденко
от гр. Джемилева Мустафы
Копия: Редактору газеты "Ленин байрагъы"*

З а я в л е н и е

7 мая с.г. в г. Ташкенте, после 4-часового обыска в квартире гражданина Ильясова Дильшата, был арестован известный общественный деятель П.Г. Григоренко. Во время обыска и ареста Григоренко присутствовал и я. Я был подвергнут личному обыску, и у меня были изъяты паспорт и блокнот с различными записями, в большинстве адресами моих близких и знакомых. Выйдя из квартиры Ильясова, я заметил усиленную слежку за квартирой и за всеми, кто посещал эту квартиру. Не ошибусь, если скажу, что весь квартал был оцеплен агентами КГБ. На следующий день слежка еще больше усилилась. Выйдя из квартиры Ильясова, где я ночевал, я заметил сразу 6 агентов, которые на некоторой дистанции шли за мной, по обе стороны и спереди меня. Если я садился на какой-либо транспорт, они быстро садились на следовавший также за ними автомобиль "Волга" темно-зеленого цвета, номер ТНГ 06-49. Когда агенты увидели, что я их всех заметил, слежка приняла откровенную и наглую форму. Агенты КГБ шли рядом со мной и цинично разглядывали. В 12 часов на остановке у бара "Эски-Джува" я попытался сесть в такси. Рядом сел и агент КГБ. Тогда я решил сесть в другое такси. Агент также быстро пересел в это же такси. Я вновь вышел из машины и заявил, что не поеду с этим гражданином. Тогда агент КГБ начал громко материться и говорить, что будто бы я его оскорбил. Таксист и сидевший с ним рядом гражданин, которые*

* — То есть оба.

также оказались агнетами КГБ, присоединились к его голосу и почти хором начали сыпать в мой адрес оскорбления, угрожать, что доставят меня в милицию якобы за оскорбление. Я быстро покинул стоянку такси и направился пешком к Комсомольской площади. За мной медленно следовало такси, которое я пытался нанять. Агенты бросали в мой адрес оскорбления, пытаюсь тем самым спровоцировать инцидент. У здания Министерства культуры Узбекской ССР я бросил в почтовый ящик конверт. У почтового ящика остановились двое агентов, и я ясно слышал, как они говорили, что конверт надо изъять. Я вошел в здание министерства и поднялся на третий этаж, где расположена редакция газеты "Ленин байрагы" — орган КП Узбекистана на крымскотатарском языке, где я и пишу это заявление.

Кабинет, где я пишу заявление, "охраняется" двумя агентами КГБ, что могут подтвердить сотрудники газеты.

Сейчас я выйду из кабинета. Ответственность за возможную провокацию полностью лежит на Вас, гражданин прокурор.

8 мая 1969 года
14 час. 30 мин.

Мустафа Джемилев

Ответа на это заявление Мустафа не получил. Власти собирались ответить широкими репрессиями, а "дело Григоренко" превратить в большой показательный процесс. 19 мая последовал второй арест по "делу Григоренко" — в Москве был арестован видный участник Правозащитного движения в СССР Илья Габай.

По всей вероятности власти серьезно полагали, что Движение за права человека будет деморализовано арестом моего отца. Параллельно КГБ прибегло и просто к уголовному давлению на участников Движения. Так, в частности, на следующий день после ареста отца на меня напали на станции метро "Парк культуры" в Москве хорошо мне знакомые агенты КГБ и нанесли несколько ударов в области печени, сопровождая удары угрозами сбросить под поезд в том случае, если я не прекращу попыток организовать кампанию в защиту отца. Благодаря вмешательству во-время подоспевших моих друзей Генриха Алтуняна, Владимира Гершуни и других, я избежал сильных увечий. В тот

же день я направил решительный протест Председателю КГБ Андропову, в котором заявил, что в случае моей гибели, а равно обвинений меня в хулиганстве — ответственность несет только КГБ.

Одновременно ряд участников Движения стали настаивать на необходимости обратиться в ООН и к мировой общественности и создать Комитет защиты Прав Человека в СССР. Но с этой идеей не все согласились, а после ареста Габая, в порядке компромисса между двумя мнениями, была создана Инициативная группа защиты прав человека в СССР. Вот в эту группу и вошел **Мустафа Абдулджемиль**. Первым действием Инициативной группы было следующее письмо:

*В Комитет прав человека
Объединенных Наций*

1. Мы, подписавшие это письмо, глубоко возмущенные непрекращающимися политическими преследованиями в Советском Союзе, усматривая в этом возвращение к сталинским временам, когда вся наша страна находилась в тисках террора, обращаемся в Комитет прав человека ООН с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права.

2. Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направляемые в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно показывали, надежда эта истощилась.

3. Поэтому мы обращаемся в ООН, полагая, что защита человеческих прав является святой обязанностью этой организации.

4. В этом документе мы будем говорить о нарушении одного из самых основных прав человека — права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными средствами.

5. На политических процессах в Советском Союзе часто можно услышать фразу: "Вас судят не за убеждения".

6. Это глубоко неверно! Нас судят именно за убеждения. Когда нам говорят, что нас судят не за убеждения, то на самом деле хотят сказать следующее: можете иметь какие угодно убеждения, но если они противоречат официальной политической доктрине, не смейте их распространять.

И действительно, аресты и суды, о которых мы будем говорить, происходят всякий раз, когда люди, имеющие оппозиционные взгляды, начинают их распространять.

7. Но распространение убеждений является естественным продолжением самих убеждений. Поэтому в статье 19 Всеобщей декларации прав человека сказано: "Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".

8. Таким образом, хотя формальным моментом для преследований является распространение убеждений, на самом деле людей судят за сами убеждения.

9. Судят их по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй, с умыслом (ст. 70 УК РСФСР), или без умысла (ст. 190-1 УК РСФСР) подрыва советского строя. Никто из людей, осужденных на известных нам политических процессах, не задавался целью оклеветать советский строй или, тем более, действовать в целях его подрыва. Таким образом, на всех этих процессах людей осудили вымышленным обвинением.

10. Мы сошлемся на несколько примеров, которые стали предметом широкой гласности как в Советском Союзе, так и за его пределами.

11. Процесс Синявского и Даниэля, которых осудили за опубликование за границей художественных произведений, критикующих советскую действительность.

12. Процесс Гинзбурга и Галанскова, осужденных за опубликование литературного журнала "Феникс-67" и "Белой книги" о процессе Синявского и Даниэля.

13. Процесс Хаустова и Буковского, организовавших демонстрацию протеста против ареста Гинзбурга и Галанскова.

14. Процесс Литвинова, Ларисы Даниэль и других за демон-

страцию против ввода советских войск в Чехословакию: важным моментом этих двух последних процессов является то обстоятельство, что их участникам вменяли в вину содержание лозунгов.

15. Суд над Марченко, формально осужденным за нарушение паспортного режима, что, кстати, не было доказано на суде; фактически же осужденный за книгу "Мои показания" о положении заключенных в послесталинские годы.

16. Суд над И. Белгородской за попытку распространения письма в защиту Марченко.

17. Процесс Гендлера, Квачевского и других в Ленинграде, которых осудили за распространение книг зарубежных изданий.

18. Процессы над людьми, выступающими за национальное равноправие и за сохранение национальной культуры.

19. На Украине – процесс в Киеве в 1966 году, на котором было осуждено более 10 человек; процесс Черновола во Львове, осужденного за книгу о политических процессах; и многие другие процессы.

20. Процесс над крымскими татарами, борющимися за возвращение на Родину, в Крым; за последние годы прошло около 20 политических процессов, на которых осуждено более ста человек; на днях в Ташкенте состоится новый и самый большой политический процесс, на котором предстанут 10 представителей крымских татар.

21. Процессы в Прибалтийских республиках, в частности, процесс Калниньша и др.

22. Процессы над советскими евреями, требующими права на выезд в Израиль; на последнем процессе в Киеве инженер Б. Кочубиевский был осужден на три года.

23. Процессы над верующими, требующими права на свободу вероисповедания.

24. Все эти политические процессы в силу их незаконности происходили с грубейшими нарушениями процессуальных норм, прежде всего, гласности, а также беспристрастности судебного разбирательства.

25. Мы хотим также обратить Ваше внимание на особенно бесчеловечную форму преследований: помещение в психиатрические больницы нормальных людей за политические убеждения.

26. В последнее время произведен ряд новых арестов. В кон-

це апреля этого года арестован художник В. Кузнецов из г. Пушкина Московской области, которого обвиняют в распространении "Самиздата", то есть литературы, не публикуемой советским издательством.

27. В эти же дни в г. Риге арестован И. Яхимович, бывший председатель колхоза в Латвии, обвиняемый в написании писем, протестующих против политических преследований в Советском Союзе.

28. В начале мая арестован бывший генерал-майор П.Г. Григоренко, один из наиболее известных участников движения за гражданские права в Советском Союзе, выехавший в Ташкент по просьбе около 2000 крымских татар в качестве общественного защитника на предстоящий процесс над 10-ю крымскими татарами.

29. И, наконец, 19 мая этого года в Москве арестован Илья Габай, преподаватель русской литературы, через несколько дней после того, как у него на обыске были изъяты документы, содержащие протесты советских граждан против политических репрессий в Советском Союзе. (Весной 1967 года И. Габай отсидел 4 месяца под следствием за участие в демонстрации Хаустова и Буковского).

30. Эти последние аресты заставляют нас думать, что советские карательные органы решили окончательно пресечь деятельность людей, протестующих против произвола в нашей стране.

31. Мы считаем, что свобода иметь и распространять независимые убеждения окончательно поставлена под угрозу.

32. Мы надеемся, что все сказанное в нашем письме, дает основание Комитету защиты прав человека поставить на рассмотрение вопрос о нарушении основных гражданских прав в Советском Союзе.

33. Инициативная группа по защите гражданских прав в СССР:

- Г. Алтунян, инженер (Харьков),
- В. Борисов, рабочий (Ленинград),
- Т. Великанова, математик,
- Н. Горбаневская, поэтесса,
- М. Джемилев, рабочий (Ташкент),
- С. Ковалев, биолог,
- В. Красин, экономист,

А. Лавут, биолог,
А. Левитин-Краснов, церковный писатель,
Ю. Мальцев, переводчик,
Л. Плющ, математик (Киев),
Г. Подьяпольский, научный сотрудник,
Т. Ходорович, лингвист,
П. Якир, историк,
А. Якобсон, переводчик.

34. Обращение поддерживают:

З. Асанова, врач (Бекабат Уз. ССР); Баева Т., служащая;
С. Бернштейн, литератор; Л. Васильев, юрист; Ю. Вишневская,
поэтесса; А. Вольпин, математик; О. Воробьев, рабочий
(Пермь); Г. Габай, педагог; Е.Е. Гайдуков, математик; В. Гер-
шуни, каменщик; З.М. Григоренко, пенсионер; А. Григоренко,
ст. техник; Р. Джемилев, рабочий (Краснодарский край);
Н. Емелькина, служащая; Л. Жугиков, рабочий; А. Калинов-
ский, инженер (Харьков); А. Каплан, физик; С. Карасик, инже-
нер (Харьков); Л. Кац, служащая; Ю. Ким, учитель; Ю. Кисе-
лев, художник; В. Кожаринов, рабочий; Л. Корнилов, инженер;
В. Лапин, литератор; А. Левин, инженер (Харьков); Т. Левина,
инженер (Харьков), Д. Лифшиц, инженер (Харьков); С. Мюге,
биолог; В. Недобора, инженер (Харьков); Л. Петровский,
историк; С. Подольский, инженер (Харьков); В. Пономарев,
инженер (Харьков); В. Ракитянский, физик; И. Рудаков;
Л. Терновский, врач; Ю. Штейн, кинорежиссер; В. Черновол,
журналист (Львов); И. Якир, служащая; С. Винтовский, сту-
дент.

Появление Инициативной группы, видимо, несколько озада-
чило власти и вынудило их несколько затормозить репрессии.
Однако полностью отказаться от их проведения КГБ и руковод-
ство КПСС вовсе не собиралось. В июне был продлен срок ла-
герным судом писателю **Анатолию Марченко** — автору книги о
современных лагерях "Мои показания". В эти же дни из Москвы
были высланы и представители крымско-татарского народа, а
Мустафа Абдулджемиль даже взят под стражу и этапирован в
город Гулистан. В знак протеста **Джемилев** объявил голодовку,
о которой свидетельствует следующая справка:

Справка

21 июня 1969 года

г. Гулистан

Начальник следственного отдела прокуратуры Сырдарьинской области А. Ким по поручению прокурора области в 15 час. дня сего числа в здании Гулистанского ГОВД в кабинете начальника отделения милиции. На допрос был вызван Джемилев Мустафа.

На вопрос, по какой причине он объявил голодовку, заявил, что это он сделал в знак протеста против беззаконий в отношении его, т.к. против него в целях расправы заведено уголовное дело.

На предложение снять голодовку Джемилев Мустафа заявил, что это он сделает в том случае, когда отменят незаконное постановление о заключении его под стражу и когда будут привлечены к ответственности лица, повинные в злоупотреблении властью. Он категорически отказался снять голодовку.

Джемилев Мустафа также отказался давать какие-либо показания по делу и заявил, что впредь он никаких показаний давать и никаких документов подписывать не будет. Это пояснил также по той причине, что и объявление голодовки.

Все мои попытки внушить о необходимости снять голодовку и давать показания по делу к положительным результатам не привели и Джемилев Мустафа от снятия голодовки и от дачи показаний отказался.

Начальник следотдела прокуратуры
Сырдарьинской области

На этот раз власти решили временно отступить и предложили Мустафе освобождение в обмен на подписку о невыезде. Абдул-джемиль давать такую подписку отказался, но согласился дать письменное обязательство явиться по первому требованию. После дачи этой подписки он был освобожден из-под стражи.

Угроза нового заключения отнюдь не лишила Мустафу гражданского мужества, о чем ярко свидетельствует его подпись под

заявлением группы советских граждан в связи с *первой годовщиной оккупации Чехословакии войсками Варшавского пакта*:

”21 августа прошлого года произошло трагическое событие: войска стран Варшавского пакта вторглись в дружественную Чехословакию.

Эта акция имела целью пресечь демократический путь развития, на который встала эта страна. Весь мир с надеждой следил за послеянварским развитием Чехословакии. Казалось, что идея социализма, опороченная в сталинскую эпоху, будет теперь реабилитирована. Танки стран Варшавского договора уничтожили эту надежду. В эту печальную годовщину мы заявляем, что мы по-прежнему не согласны с этим решением, которое ставит под угрозу будущее социализма.

Мы солидарны с народом Чехословакии, который хотел доказать, что социализм с человеческим лицом возможен.

Эти строки продиктованы болью за нашу родину, которую мы желаем видеть истинно великой, свободной и счастливой.

И мы твердо убеждены в том, что не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы.

Т. Баева, Ю. Вишневская, И. Габай, Н. Горбаневская, З.М. Григоренко, М. Джемилев, Н. Емелькина, В. Красин, С. Ковалев, А. Левитин (Краснов), Л. Петровский, Л. Плющ, Г. Подъяпольский, Л. Терновский, И. Якир, П. Якир, А. Якобсон.”

Но гражданское мужество не относится к числу ”добродетелей”, утверждаемых ”Моральным Кодексом Строителей Коммунизма”. 11 сентября 1969 года за Мустафой Абдулджемиль захлопнулись ворота тюрьмы КГБ города Ташкента. КГБ сделало его третьим и последним, арестованным по ”делу Григоренко”.

IX. ВНЕ СТЕН ТАШКЕНТСКОГО КГБ

Арест Мустафы Абдулджемиля вызвал волну протестов демократической общественности СССР. Первое известное группо-

вое выступление в его защиту — это письмо 15 представителей крымских татар:

В Политбюро ЦК КПСС

11 сентября 1969 года в г. Гулистане арестован **Мустафа Джемилев**, который в течение ряда лет является активным участником нашего движения за восстановление конституционных и национальных прав крымско-татарского народа.

В его доме (без его присутствия) неоднократно делались обыски. Изымались документы национального движения крымско-татарского народа, адресованные в партийные и государственные инстанции, а также к общественности страны.

Мы обращаемся в Политбюро ЦК и к прогрессивной общественности с просьбой пресечь произвол и беззакония, творимые против граждан, требующих восстановления справедливости.

Свободу Мустафе Джемилеву!

Свободу всем, кто борется за равенство людей и равенство наций!

Аметов, Сейтумеров, Джелялова, Халаджи-ева, Аппазова, Солядимова, Мустафаева, Ибатулаева, Алимшаева, Аппазова З., Аблаев, Шемсудинова, Бекирова, Хаджиметова, Хаджиметов.

24 сентября 1969 года
Узбекская ССР

Следующим было письмо Инициативной группы защиты прав человека в СССР:

Уважаемый господин Генеральный Секретарь!

В мае этого года мы обратились в Комиссию по правам человека Организации Объединенных Наций и поставили в известность о многочисленных нарушениях прав человека в Советском Союзе. В письме, а также в дополнении к нему, отправленном позже, шла речь о том, что в нашей стране попираются принципы, провозглашенные в ряде статей Декларации прав человека, — прежде всего, шла речь о преследовании людей за убеждения.

Мы не имеем сведений о том, как отнеслась к нашему обращению Комиссия по правам человека. Но в нашей стране это обращение вызвало репрессии по отношению к его авторам: в июне насильственно помещен в психиатрическую больницу ленинградский рабочий Владимир Борисов, в июле арестован Харьковский инженер Генрих Алтунян, в сентябре арестованы известный церковный писатель, в прошлом — узник сталинских лагерей, А.Э. Краснов (Левитин), крымский татарин, рабочий Мустафа Джемилев, и помещен в психиатрическую больницу Олег Воробьев.

Других авторов письма вызывают в Комитет Государственной Безопасности на допросы по поводу нашего обращения в ООН, рассматривая его как особо опасное государственное преступление.

Между тем, в разных концах страны продолжают репрессии против инакомыслящих.

Мы просим Вас использовать Ваш высокий авторитет Генерального Секретаря ООН и Ваше личное влияние и выступить против нарушений прав человека в нашей стране, а также содействовать тому, чтобы этот вопрос был поставлен на обсуждение в Комиссии по правам человека ООН.

Молчание международных правовых организаций развязывает руки вдохновителям дальнейших репрессий.

Просим информировать нас о предпринятых Вами шагах.

Инициативная группа:

Татьяна Великанова, Наталья Горбаневская, Виктор Красин, Александр Лавут, Юрий Мальцев, Леонид Плющ, Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович, Петр Якир, Анатолий Якобсон.

Поддержавшие:

Зампира Асанова, Татьяна Баева, Ирина Белогородская, Леонид Васильев, Кирилл Великанов, Юлия Вишневская, Илья Габай, Владимир Гершуни, Людмила Гинзбург, Зинаида Григоренко, Андрей Григоренко, Александр Даниэль, Решат Джемилев, Юрий Диков, Надежда Емелькина, Александр Есенин-Воль-

тин, Борис Ефимов, А. Калиновский, В. Кузнецова, Людмила Кушева, Владимир Латин, Аркадий Левин, Владимир Милашевич, Леонид Пинский, Владимир Пономарев, Иван Рудаков, Елена Строева, Юлиус Телесин, Леонард Терновский, Юрий Титов, Вячеслав Чернопол, Юрий Штейн, Ирина Якир, Владимир Ракитянский, Тамара Левина, Роксана Урбан.

Кроме того был целый ряд индивидуальных и коллективных писем в различные инстанции, в частности, письмо 386 крымских татар в защиту Джемилева на имя Брежнева, Руденко и Комиссию по правам человека при ООН, датированное 10 декабря — Днем Прав Человека.

Советские власти хранили молчание.

Х. В СТЕНАХ ТАШКЕНТСКОГО КГБ

Тем временем в стенах Ташкентского КГБ велось следствие. Возглавлял расследование "специалист по крымскому вопросу" старший следователь по особо важным делам Ташкентской прокуратуры, старший советник юстиции Березовский. Через руки этого следователя прошло большинство "дел" крымских татар. Березовский имеет большой опыт работы по политическому сыску. Свою деятельность он начинал еще в сталинские времена младшим следователем МГБ, но со временем выдвинулся. Однако и по сей день этот "специалист" практикует методы следствия, формально объявленные руководством КПСС незаконными: "следственный конвейер" и "ночной допрос".

Понимая перспективы, ожидающие "подозреваемых", Мустафа сразу же при аресте объявил голодовку. Он требовал прекращения ни на чем не обоснованного обвинения и, кроме того, передал на волю заявление, в котором он отказывался от услуг советских адвокатов. Свое заявление Абдулджемиль мотивировал тем, что поскольку он невиновен, а власти все равно собираются его судить, то он не хочет подвергать опасности административных преследований честных адвокатов. Что же каса-

ются адвокатов казенных, то они выполняют на политических процессах только роль "второго прокурора", в точности следуя указаниям КГБ.

Однако невзирая на высокую "квалификацию" ташкентских следователей Березовского, Абушаева, Наврузова, а также их московских коллег Образцова, Мочалова, харьковских — Бабушенко, Колпака и целого ряда других, "дело Григоренко" не приобретало наперед заданного "показательного вида".

Еще до ареста Мустафы у КГБ появилась мысль прикрыть несостоятельность дела помещением главного обвиняемого в "психушку". Однако ташкентская судебно-психиатрическая экспертиза не признала моего отца невменяемым. Врачебная порядочность расстроила планы КГБ.

Еще в течение некоторого времени КГБ не оставляло попыток довести дело до конца в первоначально задуманном виде. Дела обвиняемых то объединялись, то разъединялись, пока наконец 6 октября "дело Григоренко" было окончательно отделено от "дела Габая и Джемилева". Безотказный институт судебной психиатрии им. Сербского выдал КГБ требуемый "диагноз", на основании которого Ташкентский суд без разбора дела по существу отправил Петра Григоренко в "специальную психиатрическую больницу Министерства Внутренних Дел СССР", где он провел в одиночном заключении более пяти лет.

По "делу Габая и Джемилева" следствие тянулось до 27 ноября 1969 года. По этому "делу" в качестве свидетелей было допрошено *семьдесят пять* человек, проживающих в разных городах СССР. Переписка следователей, прокуроров и других должностных лиц охватила почти всю территорию СССР. Обвинительное заключение по "делу", переданное в суд, занимает около *сорока* машинописных листов. Материалы дела помещены в *двадцать томов*, не считая пакета с вещественными доказательствами, и составляют около *шести тысяч* листов. Одна только опись "материалов дела" занимает *сто сорок* страниц машинописного текста.

О характере этих материалов можно судить по взятым совершенно произвольно названиям этих материалов:

— Том I. Протокол обыска на квартире Ильи Габая 19 ноября 1968 года, 7 стр.;

— Том I. Письмо следователя Березовского от 9 августа

1969 года начальнику особого отдела КГБ при СМ СССР по дважды Краснознаменному Балтийскому флоту контр-адмиралу Тихонову — г. Таллин;

— Том I . Конверт письма Бодунова прокурору УзССР;

— Том I . А.Д. Сахаров "Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе" — 8 экземпляров;

— Том III. Почти полностью состоит из информации представителей крымских татар в Москве;

— Том IV. Обложка папки-скоросшивателя с записью "Коллективные — 1. Мосархив";

— Том IV. "К провозглашению Крымской АССР" — статья, перепечатанная из советской газеты "Жизнь национальностей" № 23 (121) от 25 октября 1921 года;

— Том IV. Секретный протокол к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года, подписанный фон Рибентропом и Молотовым* ... и так далее, и так далее.

Письма, протоколы обысков, произведенные у разных лиц и в разное время, протоколы допросов**, конверты с адресами, обрывки бумаги с записями и без записей, обложки-скоросшиватели, вырезки из советских газет, Информации представителей крымских татар, первые номера Хроники текущих событий, снова вырезки из газет, да к тому же порой в нескольких экземплярах.

Словом, дело выглядело вполне солидно, если отвлечься от того, что такие "обличительные документы", как вырезки из советских газет и протоколы допросов, сводящиеся в основной

* — Этот секретный Протокол попал в Самиздат уже несколько лет назад. Власти ни разу не предъявили его текст кому-либо в обвинение, но регулярно изымают его при каждом обыске. Протокол касается вопроса о разделе сфер влияния между Третьим Рейхом и СССР, развязавший руки этим державам в аннексии Прибалтийских республик — Литвы, Латвии, Эстонии и Польши.

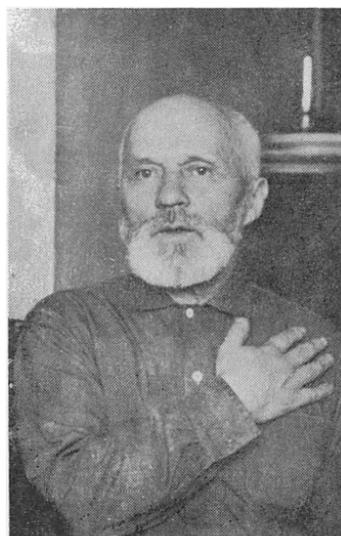
** — Как мне удалось установить впоследствии, часть мотивировок от дачи показаний была изъята из дела. В частности, был изъят большой кусок из моей мотивировки отказываться отвечать на вопрос о национальной и партийной принадлежности, а равно замечания о процессуальных нарушениях во время допроса. Весьма характерно, что в ответ на мой отказ от ответа на вопрос о национальности следователь Образцов с неподдельным удивлением воскликнул: "Андрей Петрович! Но ведь вы же не еврей!" Моя запись в протокол, отмечавшая эту реплику, "исчезла".

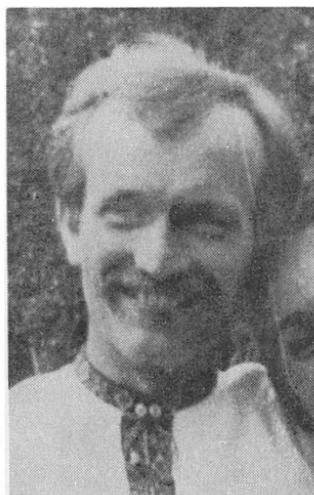
Изет ХАИРОВ.

Ролан КАДЫЕВ.

Священник Сергей ЖЕЛУДКОВ

Вячеслав ЧОРНОВІЛ.

массе к отказу от дачи показаний в виду заведомой неправосудности "дела"*** (на стр. 50), могут свидетельствовать о каком бы то ни было преступлении. Однако дело было принято к судебному производству, несмотря на протесты адвокатов и общественности.

XI. ШЕСТЬ ДНЕЙ

Суд над Ильей Габаем и Мустафой Абдулджемиль проходил в Ташкентском городском суде с 12 по 19 января 1970 года. Подсудимым, несмотря на полностью запланированное судебное заседание и зал, заполненный преимущественно агентами КГБ, удалось полностью опрокинуть выдвинутые против них обвинения.* Мустафе удалось вынудить прокурора Бочарова признаться в том, что государственный обвинитель принимал непосредственное участие в карательных акциях против крымских татар. Тем самым на основании действующего в СССР законодательства (статья 23 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК Союзных республик), Бочаров не имел права выступать в заседании в качестве прокурора, как лицо *заинтересованное*. Кроме того, Мустафа уличил председателя суда в получении записок с указанием как проводить процесс, что нарушало принцип независимости суда (статья 16 УПК РСФСР).

Но заседание продолжалось. Суд не рассматривал факты, за распространение информации, о которых собственно и обвинялись подсудимые. Вместо проверки того, содержатся ли "заведомо клеветнические измышления" в высказываниях подсудимых, суд сводил все к выяснению, кто распространял информацию. Государственный обвинитель в длинной речи приводил столь же длинные цитаты из передовиц советских газет. Вот первая фраза обвинительной речи Бочарова:

"Товарищи судьи! Вы знаете, что существует два мира — две враждебные друг другу идеологии: идеология коммунистическая и идеология капиталистического мира. Первая передовая, ей принадлежит будущее, вторая — идеология загнивающего им-

* — Подробнее см. об этом "Шесть дней" (белая книга по делу И. Габая и М. Джемилева).

перализма. Это реакционная идеология, мешающая развитию общества.”

И далее: ”Товарищ Брежнев Леонид Ильич говорил, что в области идеологии не может быть мирного существования...”

Доказательства клеветы **Бочаров** строил по следующей схеме: ”Или вопрос об отсутствии демократии в СССР. Но это настолько махровая клевета, которую проводили подсудимые **Габай** и **Джемилев**! Вы знаете, что советские граждане имеют право на труд, право на образование, бесплатное лечение, избирательное право.* Все это предоставлено советским гражданам, всем без исключения. Даже в песне поется:

Широка страна моя родная...
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек! **

Эти слова, свидетельствующие о том, что в нашей стране самая демократичная демократия в мире.”

Продолжая в том же духе и обвинив по ходу дела обвиняемых в ”карьеризме”, прокурор потребовал для обоих подсудимых максимальный срок, предусмотренный статьей 190-1 УК РСФСР — три года заключения каждому.

С защитительной речью в пользу **Габая** выступила московский адвокат **Каминская Дина Исааковна**. Ее речь несколько раз была прервана судьей. В своей речи она опровергла все обвинения, выдвинутые против ее подзащитного и на этом основании в конце речи заявила: ”Это дает мне основание и право просить суд об оправдательном приговоре ...”

Абдулджемиль, отказавшийся от услуг адвоката, произносит защитительную речь сам. Вот ее сокращенное изложение:

Прежде чем приступить к существу предъявленного мне обвинения, я должен сказать несколько слов о статье закона, согласно которого мы привлечены к ответственности.

Мы обвиняемся в составлении, подписании и распространении

* — В СССР на избирательных бюллетенях числится имя только *одного* кандидата.

** — Интересная переключка: в книге **Анатолия Марченко** ”Моя показания”, Франкфурт-на-Майне, ”Посев”, в 1969 году эту песню поют в концлагере коллаборационисты времен второй мировой войны.

нии документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в преступлении, предусмотренном статьями 191-4 УК УзССР и 190-1 УК Российской Федерации.

Эти статьи, так же как и статьи об ответственности за организацию массовых беспорядков и надругательство над советскими флагами и гербами, были введены в уголовные кодексы союзных республик специальными указами Президиумов Верховных советов союзных республик более трех лет тому назад, осенью 1966 года.

В отличие, например, от опубликованного летом того же 1966 года Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении ответственности за хулиганство", статьи эти в советской печати не обсуждались и не комментировались. Народу не объявили открыто, почему это вдруг, в преддверии полувекового юбилея советской власти потребовались особые законы, карающие за порочание советского строя и надругательства над советскими флагами и гербами, о каких это массовых беспорядках идет речь.

Зловещий смысл этих нововведений однако очень скоро многим, особенно крымским татарам в Узбекистане, стал ясен.

Через несколько дней после опубликования этих дополнений к уголовным кодексам сотни крымских татар — участников национального движения — были вызваны в райкомы, горкомы и обкомы партии, в отделения КГБ и милиции, где им зачитывали новоопубликованные статьи и требовали расписаться в том, что они ознакомлены с ними. Крымским татарам недвусмысленно дали понять, что любые их собрания и митинги в защиту своих национальных прав будут рассматриваться властями как массовые беспорядки, а их письма и обращения, если в них содержится критика действий органов власти и политики правительства, как документы, содержащие заведомо ложные измышления против советского строя.

Таким образом, стало вполне очевидным, что дополнения эти к уголовным кодексам были введены не для борьбы с мнимыми массовыми беспорядками и клеветниками на советский строй, а для расправы с инакомыслящими, с гражданами, выступающими с критикой правительства и в защиту своих национальных и

гражданских прав. Лишь крымских татар за последние три года было осуждено около ста человек.

Не случайно некоторые наиболее честные представители советской интеллигенции, в том числе академик Леонтович, известный кинорежиссер Михаил Ромм, композитор Дмитрий Шостакович, в лояльности которых к советской власти, я думаю, никто не сомневается, усмотрели в этих указах правительства шаг на пути реставрации в стране сталинизма и подписали обращение в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой отменить их. А всемирно известный советский ученый, один из создателей советской водородной бомбы — академик Андрей Сахаров в своей брошюре "Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе" прямо заявил, что эти дополнения к уголовным кодексам противоречат Конституции СССР, провозглашающей свободу слова, митингов и демонстраций.

Прошло более трех лет со дня опубликования этих дополнений к уголовным кодексам, но до сих пор не разработаны и не опубликованы к ним научно-практические комментарии, которые четко разграничили бы юридические рамки понятия преступлений, предусмотренных этими дополнениями. Нечеткость и противоречивость формулировок статей закона дает возможность карательным органам при помощи чрезвычайно широкого их толкования использовать как инструмент для расправы с любыми проявлениями свободомыслия и оппозиции к политике правительства.

Таков закон, по которому на этом процессе нам предстоит быть осужденными.

Если строго придеживаться буквы этих инкриминируемых нам статей, то обвинение, выдвинутое против нас, вообще не доказуемо.

Закон может карать за измышления и распространения ложных сведений, да и то при наличии признаков заведомости. На практике же следственные органы и суд, как правило, полностью игнорируют проверку описанных в документах фактов, а делают заключения о правильности сделанных выводов и высказанных взглядах. Причем, эталоном оценки взглядов служат взгляды советских руководителей и, соответственно, официальной пропаганды.

Возьмем, к примеру, обвинение в клевете на внешнюю политику КПСС. Это обвинение выдвинуто и против меня, и против Габая. В данном случае мы считаемся клеветниками на советский строй только потому, что ввод войск пяти стран — участниц Варшавского пакта в Чехословакию в отличие, например, от Брежнева называем не актом братской помощи чехословацкому народу, а вооруженным вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Такого же взгляда, кстати, придерживаются очень многие зарубежные коммунистические партии.

Официальная пропаганда объясняет эти взгляды в лучшем случае недостаточностью классового чутья. Пусть даже так. Но ведь недостаточная развитость и даже отсутствие этой животной добродетели — чутья — не является еще уголовно-наказуемым деянием и не может быть причиной тому, чтобы лишить человека его самого дорогого — свободы.

Обвинение ссылается на некоторые выражения, вырванные из контекстов вменяемых нам документов, в которых на основании конкретных фактов подвергается критике политика правительства и содержатся протесты против незаконных конкретных действий органов власти; и не опровергая эти факты какими-либо доказательствами, обвинение называет документы клеветническими. Основными доводами государственного обвинителя были лишь пропагандистские заявления о том, что этого не может быть, потому что советский строй самый справедливый, что только при социализме и советской власти справедливо разрешаются национальные вопросы, только советская демократия самая демократичная и самая мудрая внешняя политика — это политика КПСС.

В свою очередь я, в отличие от прокурора, постараюсь не пускаться в совершенно не относящиеся к делу рассуждения о преимуществах той или иной системы и вновь буду говорить о фактах и событиях, которые послужили причиной написания вменяемых мне документов.

Начну с основного, выдвинутого против меня обвинения — с обвинения в клевете на национальную политику коммунистической партии и советского правительства.

Согласно Устава Международного Нюрнбергского Трибунала — статья 3 пункт "в" — выселение в период войны групп

мирного населения со своих территорий по их национальному, религиозному и этническому признаку квалифицируется как тяжкое преступление — преступление против человечества.

Крымско-татарский народ был поголовно выселен из Крыма постановлением Советского правительства от 18 мая 1944 года, то есть в разгар войны. Основной процент высланных составляли женщины, дети, старики, инвалиды. Взрослое же мужское население было на фронтах войны. То есть в то время, когда воины — крымские татары — проливали свою кровь за советскую страну, советские же солдаты по приказу советского же правительства расправлялись с их детьми, отцами и матерями.

Я знаю историю своей Родины и могу твердо сказать, что за все тысячелетия своей истории древняя Крымская земля не видела подобного вероломства и предательства. Это преступление советского правительства более тяжкое, чем это предусмотрено Уставом Нюрнбергского Трибунала, потому что оно было совершено при отягчающих вину правительства обстоятельствах.

В 1966 году был проведен опрос населения, чтобы установить процент гибели крымско-татарского народа в первые годы после выселения.

Общие итоги показали, что лишь в первые два года после выселения погибло около 46% крымских татар. Это был геноцид — народоубийство. За это преступление согласно Международной Конвенции о геноциде, принятой ООН в 1948 году, преступники должны нести самую суровую ответственность. Но преступники были у власти и продолжали вершить преступления.

Правовое положение крымских татар на местах ссылки вряд ли чем отличалось от положения средневековых крепостных крестьян России, о котором мы знаем по книгам. Произвол и издевательства комендантов над крымскими татарами я видел своими глазами.

Крымскотатарский народ за всю свою многовековую историю не знавший крепостного права, познал его при советском режиме во главе со Сталиным — "гением всех времен и народов" — как называла его тогда низкопробная официальная пресса.

Вопиющие беззакония, нарушение элементарных человеческих прав, откровенный шовинизм сочетались с разнузданной пропагандой о том, что в нашей стране идеальное равноправие

народов, самый справедливый строй и самое мудрое руководство.

Я вынужден говорить об этом, потому что обвинение не только оправдывает нынешнее положение крымских татар, но и пытается оправдать и преступления периода диктатуры Сталина. Оно дошло до такого цинизма, что называет клеветой на советский строй даже напоминание о том, что крымские татары находятся на местах ссылки.

В 1956 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля с нас был снят гласный надзор органов МВД. Но в этом указе оговаривалось, что мы не имеем права возвращаться на свою Родину. То есть режим ссылки был всего лишь заменен режимом высылки. Этот указ с грифом "Без опубликования в печати" за подписью Пегова и Ворошилова был издан через несколько дней после XX съезда КПСС, на котором правительство торжественно заявило о своем намерении исправить допущенные при Сталине несправедливости.

Основываясь на это заявление и обещания правительства, крымские татары начали просить и требовать решения своего национального вопроса — возвращения на Родину и восстановления национальной автономии. Обращались старейшие члены КПСС, участники революции и гражданской войны, герои Отечественной войны, писали бывшие члены правительства Крымской АССР. Тон обращений был самый лояльный и верноподданныческий. Значительное место в этих обращениях отводилось заверениям авторов в своей верности правительству и коммунистической убежденности. И только после этих многочисленных заверений излагалась воля и стремление народа. Но даже за такие обращения власти начали кампанию преследований, так как усматривали в этом недовольство политикой правительства.

С 1961 года начинается полоса судебных расправ над участниками принимающего все более массовый характер национального движения крымскотатарского народа. Людей судят по вымышленным обвинениям в проведении антисоветской агитации и создании антисоветских организаций. Но очень скоро властям предоставилась возможность убедиться в том, что дело не в отдельных националистах и антисоветски настроенных элементах, как это они собирались представить. В Москву народом направ-

ляются многочисленные делегации с обращениями за десятками тысяч подписей трудящихся крымских татар.

На XXII съезде КПСС в октябре 1961 года руководство партии и правительства вновь говорило о беззакониях, перегибах и ошибках периода "культа личности", вновь обещало руководствоваться во внешней и внутренней государственной политике ленинскими принципами. Но осуществление этих "ленинских принципов" в национальном вопросе крымских татар видели лишь в усилении репрессий против участников национального движения, игнорировании права народа на свою Родину.

В марте 1966 года в ЦК КПСС было передано обращение крымскотатарского народа к XXIII съезду КПСС, скрепленное около 130-ти тысячами подписей крымских татар. Вместе с этим обращением, как я уже говорил, были переданы 7 томов данных опроса народа о смертности крымских татар в первые два года после выселения. Мы провели этот опрос не для того, чтобы предъявить счет советской власти и правительству. Мы надеялись, что хотя бы во имя этих тысяч невинных жертв правительство возьмется наконец за справедливое решение нашего вопроса. Надежды наши не оправдались.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе, принявший наших представителей в марте 1966 года, просил их покинуть Москву, обещал, что в ближайшие две-три недели вопрос правительством будет рассмотрен и решен, о чем будет сообщено народным представителям. Но это была ложь, рассчитанная на то, чтобы сотни прибывших в Москву представителей покинули столицу и не испортили бы перед делегациями зарубежных коммунистических партий фасад так называемого "государства всеобщего благосостояния".

Ни после 2-3, ни после 20-30 послесъездовских недель народным представителям ни о каком решении правительства сообщено не было. Зато вскоре в Москве были арестованы трое представителей народа и позднее осуждены по ложному обвинению в разжигании межнациональной розни. Сотни крымских татар в городе Бекобаде, Ангрене и других места Узбекистана были избиты солдатами и милиционерами, а десятки арестованы и осуждены по ложным обвинениям в сопротивлении властям и организации массовых беспорядков, за участие в народных митингах в честь 45-летия образования Крымской АССР 18 октября 1966 года.

Через полтора месяца после этих событий в декабре 1966 года Косыгин, выступая в Париже на пресс-конференции для журналистов, расписался в том, что "абсолютно все нации в нашей стране равны", что "каждая национальность чувствует себя в нашей стране хозяином положения".

Но карательные меры властей, вопреки их ожиданиям, вызвали еще большую политическую активизацию масс крымскотатарского народа. Увеличилось число обращений и протестов. В Москву были посланы народом новые сотни представителей. Это вынудило руководство в июне 1967 года вновь принять народных представителей. Представителей народа на этот раз принимали Георгадзе и руководители всех советских карательных органов — министр внутренних дел Щелоков, председатель КГБ Андропов и генеральный прокурор Руденко. Андропов сообщил представителям, что правительство в ближайшие дни опубликует указ о реабилитации крымских татар и примет меры для решения основного вопроса — вопроса о возвращении крымских татар в Крым.

После многочисленных демонстраций крымских татар в Ташкенте 27 августа и 2 сентября 1967 года, в результате которых было арестовано около 160 человек, наконец, в некоторых местных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года за номером 493, который назывался "О гражданах татарской национальности, проживавших ранее в Крыму", а также Постановление № 494 "О порядке применения части 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года".

Вопреки ожиданиям крымских татар в Указе этом выселение крымскотатарского народа из Крыма в 1944 году не рассматривалось как преступление периода "культы личности". В нем говорилось, что будто факты активного сотрудничества части татарского населения с оккупантами были огульно отнесены ко всем "лицам татарской национальности, ранее проживавших в Крыму". Снятие этого огульного обвинения с народа в Указе акцентировалось тем, что в "общественную и политическую жизнь вошло новое поколение людей".

Не нужно быть слишком грамотным, чтобы в этом словоблудии авторов Указа раскусить попытку хотя бы частично оправдать совершенное против крымскотатарского народа преступле-

ние. Ни слова не говорилось в Указе о необходимости восстановить поправленные права крымскотатарского народа, вернуть его на родную землю. Наоборот, в Указе утверждалось, что "татары, ранее проживавшие в Крыму" якобы "укоренились на территории УзССР и других союзных республик", что "они пользуются всеми правами советских граждан". Само название Указа "О гражданах татарской национальности, проживавших ранее в Крыму"* свидетельствует о намерении правительства вычеркнуть нацию крымских татар вообще из списка наций. Это ли не преступление!

Арестованный 13 сентября 1968 года и в августе 1969 года осужденный приговором Верховного Суда УзССР к полутора годам лишения свободы представитель крымскотатарского народа Хаиров Иззет обвинялся в числе прочего в том, что на собрании крымских татар в городе Анджане назвал этот Указ "половинчатым". Судебными приговорами хотят нас научить восхвалять указы правительства, в которых отрицается даже само существование крымскотатарского народа как нации.

В Постановлении № 494 "О порядке применения части 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года" говорилось, что "...татары, ранее проживавшие в Крыму", имеют право проживать на всей территории СССР согласно существующего положения о паспортах. Напомню, что часть вторая Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года прямо гласит, что крымским татарам запрещено возвращаться в Крым. Следовательно, для справедливого решения вопроса в первую очередь следовало бы говорить об отмене это-

* — В настоящее время в СССР две нации, принадлежащие к тюркской языковой группе, носят название "татары" — татары волжские и татары крымские. Ранее, до 1917 года, татарами кавказскими называли азербайджанцев. Название "татары" было присвоено этим народам русскими и в течение долгого времени встречало интенсивное сопротивление этих народов. Происхождение термина и по сей день вызывает многочисленные споры несмотря на то, что в настоящее время даже многие представители этих народов применяют термин в качестве двусловного названия. Однако, несмотря на советскую официозную спекуляцию на слове "татары", крымские и казанские татары — два разных народа, каждый из которых имеет свою многовековую историю, свои этнические особенности, национальный язык и, более того, крымское государство никогда не имело с волжскими государственными образованиями общих границ.

го антиконституционного указа, а не о его применении в какой-то иной интерпретации.

Тем не менее, многие крымские татары восприняли Указ и Постановление правительства от 5 сентября 1967 года как первый шаг на пути решения своего национального вопроса. Ссылаясь на букву Постановления, в котором говорилось о праве жить на всей территории СССР, тысячи крымских татар выехали на родину. Участь, постигшая крымских татар на своей земле, была описана в многочисленных письмах, обращениях и протестах народа в адрес ЦК партии и других государственных органов. Машинописные экземпляры некоторых из этих документов, изъятых при обысках, имеются и в деле.

Все крымские татары были властями выдворены из Крыма с применением жестокого насилия, а также с помощью различных, зачастую нелепых, юридических крючкотворств.

В деле имеется текст обращения товарища Григоренко, в котором говорится, что он, будучи в Крыму летом 1968 года, своими глазами видел издевательства властей над крымскими татарами и в течение нескольких дней собрал описания около 200 случаев произвола и насилия властей. Я неоднократно ходатайствовал вызвать на суд товарища Григоренко и допросить его в качестве свидетеля, но мое ходатайство не было удовлетворено. Суд даже не привел мотива для отклонения этого ходатайства. Видимо даже в этом маленьком и почти заполненном кагебистами зале властей пугает голос Григоренко.

Некоторые факты и события в Крыму описаны и во Всенародном протесте крымскотатарского народа, в распространении которого обвиняется товарищ Габай. Ни один из описанных в этом документе фактов ни следствием и ни судом проверены не были, хотя в нем указаны конкретные лица и адреса. Но это, видимо, не мешает вам сделать в приговоре заключение, что этот документ клеветнический.

21 апреля 1968 года в городе Чирчике власти провели против крымских татар одну из своих наиболее гнусных операций. Тысячи мирно отдыхающих граждан крымскотатарской национальности, в большинстве женщины и детей, собравшихся на свой национальный праздник "Дервиза", были подвергнуты нападению солдат и милиционеров, избиты и облиты из пожарных машин щелочной жидкостью. Около 300 человек было арестова-

но. Операцией руководил генерал войск МВД Шералиев, а также сотрудники КГБ и прокуратуры, в том числе выступающий на этом процессе в качестве государственного обвинителя помощник прокурора города Ташкента Бочаров.

Государственный обвинитель Бочаров на этом процессе, как справедливо отметила адвокат Каминская, стал в позу свидетеля и пытался давать свидетельские показания по поводу чирчикских событий. Он утверждает, что якобы речь идет о мерах органов власти по охране общественного порядка, что никакой расправы не было. Ожидать что-либо другое от карателя, который руководил карательными операциями против крымских татар, было бы, конечно, по меньшей мере странным.

Произвол и беззакония властей в Крыму и на местах поселения вынудили крымских татар вновь направить в Москву большую и представительную делегацию. В середине мая 1968 года в Москве было уже около 800 народных представителей, имеющих при себе мандаты, скрепленные подписями трудящихся крымских татар почти всех населенных пунктов, где они проживают.

Но Кремль, видимо, решил перещеголять тех, на которых за тысячи километров приехали жаловаться крымские татары. 16-18 мая 1968 года все представители, независимо от того, женщина это или убеленный сединами ветеран войны, были схвачены милиционерами, дружинниками и работниками КГБ, доставлены в отделения милиции и потом на Казанский вокзал, где были погружены в вагоны и под конвоем отправлены в Узбекистан. Подробности этой расправы описаны в "Экстренной информации" и "Информации № 69" представителей крымскотатарского народа в Москве. Составители этих информационных, очевидно описанных в этих документах событий — народные представители Кадыев Роллан, Бариев Айдер и другие были вскоре арестованы и приговором Верховного Суда УзССР от 5 августа 1969 года были осуждены к различным срокам лишения свободы по обвинению в составлении документов, порочащих советский строй.

Таковы некоторые, на мой взгляд, наиболее яркие штрихи деятельности советского правительства и органов власти в национальном вопросе крымских татар, которые нашли свое отражение в документах, в составлении которых я обвиняюсь.

”Многовековая национальная культура, созданная потом и кровью многих поколений, находится на грани гибели”. — Это выдержка из моего последнего слова на судебном процессе 12 мая 1966 года приведена в обвинительном заключении в подтверждение выдвинутого против меня обвинения в клевете на национальную политику КПСС и Советского правительства.

Для обоснования этого своего утверждения, высказанного мной три с половиной года тому назад, я коротко остановлюсь здесь на состоянии национальной культуры крымских татар.

На процессах участников национального движения крымскотатарского народа по обвинению их в клевете на национальную политику КПСС и национализме государственные обвинители, как правило, говорят о том, что крымские татары имеют свою прессу, для них ведутся радиопередачи, имеется национальный ансамбль песни и пляски.

Действительно, крымские татары несколько минут в неделю имеют возможность услышать по радио свои национальные мелодии, с мая 1957 года издается одна, выходящая три раза в неделю, газета на крымскотатарском языке и существует ансамбль песни и пляски крымских татар ”Хайтарма”. Все это, мне кажется, для того и существует, чтобы прокуроры имели пишу для разглагольствования о равноправии крымских татар.

Я не буду здесь говорить о том, насколько орган ЦК КП Узбекистана газета ”Ленин байрагы” на крымскотатарском языке является газетой крымских татар. Не буду говорить о ее объективности и о том, отражает ли она интересы народа, потому что такие претензии можно предъявить всем советским газетам. Напомню только, что это единственная газета на крымскотатарском языке из числа 307 периодических изданий, издающихся в Узбекистане.

По сведениям официальной статистики в Узбекистане сейчас издается ежегодно около 900 наименований книг, брошюр и других изданий общим тиражом 25 миллионов экземпляров. На крымскотатарском языке же за последние четверть века издано всего около 20 наименований книг преимущественно небольших сборников стихов и рассказов примитивного урапатриотического содержания на темы семилетки, пятилетки, партии и ее ”мудрого руководства”, а также перевод речи Брежнев в связи с пятидесятилетием Советской власти.

Даже при гнете царизма, то есть до большевистской революции, крымскотатарский народ имел свою национальную прессу.

С 1883 года в Бахчисарае под редакцией известного просветителя мусульман Российской империи Исмаил-бей Гаспринского* начала издаваться газета "Терджуман". Это была первая и единственная на протяжении двух десятилетий газета мусульман России. Именно учениками и последователями Исмаила Гаспринского — "джадидами" — среднеазиатскими мусульманами-революционерами Абдуррауф Фитратом, Бекбуди, Мунавар Кары Абдурашитовым и другими была создана национальная пресса и в Туркестане. В 1907 году в Крыму в городе Карасубазаре** начала издаваться газета крымскотатарского социал-революционера Решит Медиева "Ватан хадими" ("Слуга отечества"), которая, правда, вскоре была разгромлена царской охранкой. Появилась вторая газета Исмаила Гаспринского "Миллет" ("Нация"). Издавались на крымскотатарском языке журналы: женский, детский, юмористический. И книг издавалось до революции на крымскотатарском языке намного больше и, причем, не таких низкопробных, как сейчас. В 1940 году в Крыму на крымскотатарском языке уже издавалось 9 наименований газет и журналов, а наименований книг доходило до сотни.

Жалкое существование влечит существующий ныне ансамбль крымских татар "Хайтарма". Из репертуара этого ансамбля цен-

* — Гаспринский Исмаил-бей родился в деревне Авджыкой, Бахчисарайского района в 1851 году. Начальное образование получил в мектебе Бахчисарай, затем учился в Московском военном училище. С 1866 года по 1871 год был учителем русского языка в Бахчисарайском медресе. С 1871 по 1873 гг. жил в Париже, а с 1873 по 1875 — в Истамбуле. В 1875 году вернулся на Родину в Крым. С 1878 по 1883 был городским головой. Остаток своей жизни Гаспринский посвятил преподавательской и просветительской деятельности. В результате четырехлетних переговоров с высшими бюрократами Российской империи ему удалось добиться получения разрешения на издание газеты "Терджуман, которая до 1905 года была единственной в Российской империи тюркско-язычной газетой. Гаспринскому также принадлежит заслуга создания первых светских школ для детей мусульманской культуры. Гаспринский умер в сентябре 1914 года.

** — Ныне переименован в Белогорск. Большинство городов и поселков Крыма после депортации было переименовано, а равно уничтожено множество архитектурных памятников, кладбищ и иных свидетельств пребывания в Крыму его коренных обитателей.

зурой выброшены многие национальные песни и мелодии лишь на том основании, что они [сходны] с турецкими. Исключены многие песни, где упоминается о Крыме. Цензор, конечно, больше всего устраивает, чтобы крымские татары пели о партии, о Ленине, о хлопке и так далее. Крымско-татарскому артисту Февзи Билялову сейчас запрещают петь даже популярную татарскую песню времен русско-японской войны — песню Порт Артур”, потому что в ней нелестные отзывы о ”русском падишахе” и говорится о том, что, может быть, скоро кончится эта война и солдаты — крымские татары — возвратятся к себе на родину — в Крым.*

Концертные ансамбли и труппы были у нас и до революции. Еще до революции на крымскотатарской сцене можно было увидеть пьесы Мольера, Пушкина, национальных писателей и пьесы классиков восточной литературы. А в двадцатые годы крымскотатарским артистам аплодировали в концертных залах Европы и Америки.

В Крыму с 1881 года впервые среди мусульман Российской империи стали появляться национальные светские школы с разработанным Исмаилом Гаспринским прогрессивным звуковым методом обучения. По учебникам крымского татарина Исмаила Гаспринского долгое время, почти вплоть до большевистской революции, обучались в созданных последователями Гаспринского новометодных школах Средней Азии, Поволжья, Урала, Кавказа и даже в некоторых мусульманских провинциях Китая и Индии. В настоящее же время на крымскотатарском языке нет ни одной школы. Так какие же могут быть речи о развитии национальной культуры, если народ даже не имеет возможности обучать своих детей на родном языке?!

На Родине крымских татар — в Крыму — сейчас сделано и делается все для того, чтобы ничего не напоминало о том, что здесь когда-то жил и творил крымскотатарский народ. Переименованы названия улиц, сел, городов, уничтожаются все мусульманские кладбища. Надгробные камни с кладбищ с выгравированными арабскими изречениями используются как строительный материал для различных государственных сооружений, в том числе для колхозных свинарников.

* — Слова из этой песни взяты эпиграфом к книге.

В деле (том 17, листы 186-201) имеется запись речи Кадыева Роллана на судебном процессе 28 июля 1968 года, где он как очевидец рассказывает об уничтожении властями в Крыму многочисленных памятников мусульманской культуры.

Таким образом, я с полным основанием обвиняю Советское правительство в проведении по отношению к крымскотатарскому народу политики национально-культурного геноцида, то есть политики, направленной на уничтожение национальной культуры и самобытности крымскотатарского народа.

Может быть мне скажут, что все это было в прошлом, что теперь с этим покончено?

Вчера я передавал вам, гражданин председательствующий, составленный мной по памяти список советских книг и журналов сталинского и настоящего периода изданий, в которых имеются суждения и высказывания о крымских татарах. Обозрев эту литературу, вы могли бы убедиться, что тон советских шовинистов почти не изменился, вы могли бы убедиться в том, что, например, писатель Вергасов, чьи высказывания о крымскотатарском народе, как справедливо отметил товарищ Габай, попадают под статьи Нюрнбергских законов об ответственности за пропаганду идей фашизма, с немалым усердием клеветает на крымскотатарский народ и сейчас. И этот преступник занимает ответственную должность в парторганизации Московского отделения Союза писателей СССР. Но вы по вполне понятным причинам отказались приобщить эту литературу к делу.

Мы не боимся битвы на идейном фронте. Мы не возмущались бы даже против подобной пропаганды, если бы у нас в стране действительно каждый имел бы возможность говорить и публиковать то, что думает. Но дело в том, что свобода слова предоставлена лишь тем, кто поддерживает политику, направленную на насильственную ассимиляцию и уничтожение национальной сущности крымскотатарского народа. В стране, где печатное слово выражает лишь официальную точку зрения, распространение подобной шовинистической литературы — тяжелое преступление.

Начиная с 1956 года крымские татары ведут активную борьбу за свои национальные права. За это время крымскими татарами в советские органы печати были направлены тысячи писем, обращений, критических статей, в которых содержались протесты против публикации шовинистической литературы, говорилось о

произволе и беззакониях властей. Они просили советских писателей сказать свое слово. Но редакции советских газет и журналов и писательские организации предпочли письма и обращения трудящихся пересылать в КГБ.

В очаги по распространению антитатарских и шовинистических настроений превращены различные краеведческие и исторические музеи в Крыму. Тысячам посетителей гиды и лекторы этих музеев ежедневно читают лекции о том, что будто крымские татары жили в прошлом за счет разбойничьих нападений на Россию и работорговли, не занимались производительным трудом, что они издевались над русскими в период оккупации Крыма иностранными войсками и так далее; в общем все, что по мнению властей должно оправдать выселение крымских татар из Крыма. В соответствии с этой пропагандой в музеях Крыма выставлены экспонаты и намалеваны картины.

Крымского татарина можно унижать, оскорблять его национальное и человеческое достоинство, можно под конвоем выселять из родной земли только потому, что в жилах его течет не славянская, а тюркская кровь, кровь крымского татарина, можно уничтожать его культурные ценности, разрушать его мечети, вспахивать кладбища его предков и надругаться над его святынями. Но когда он делает даже слабую попытку защищаться, высказывает возмущение, его бросают в тюрьмы по обвинению в клевете на "самую мудрую и справедливую в мире" национальную политику Коммунистической партии и советского правительства.

* * *

Таким образом, крымскотатарский народ, лишенный своей Родины в результате государственно-санкционированного преступления 1944 года и потерявший около половины своего состава, по-прежнему продолжает оставаться на местах ссылки, национальное движение крымскотатарского народа за возвращение на Родину и равноправие сурово подавляется. Участники национального движения, несмотря на то, что в своих действиях не переступают советских законов, подвергаются судебным расправам по вымышленным обвинениям, а также внесудебным преследованиям и провокациям. С целью запугать народ

и подавить его стремление к возвращению на свою родную землю организовываются также массовые репрессии и избиения. Против крымских татар, особенно в Крыму и Узбекистане, с целью предотвратить проявление другими народами солидарности с их национальным движением, проводится злобная шовинистическая агитация. Национальная культура крымскотатарского народа отброшена на эпоху назад и находится на грани полного уничтожения.

Такова политика советского партийно-правительственного руководства в национальном вопросе крымских татар. Такова правда, которую невозможно заглушить ни шумной пропагандистской трескотней о расцвете, равноправии и суверенности наций в СССР, ни судебными приговорами.

* * *

Перехожу к обоснованию своей точки зрения по второму пункту выдвинутого против меня обвинения — обвинения в клевете на советскую демократию.

Суровые потрясения, которые пережила наша страна в период так называемого "культы личности", полное несоответствие существующего ныне положения в стране с декларированными принципами социализма, заставили некоторых граждан задуматься о причинах всего этого.

Почему при социалистическом строе, основой которого должно быть мнение и воля народа, появляются деспоты и непрекращаемые авторитеты?

Почему ни одна страна с основанным на марксистской теории социалистическим строем не избежала деспотизма отдельных личностей, деспотизма, сопряженного с массовыми убийствами ни в чем не повинных перед обществом людей, с бесчеловечными репрессиями против целых народов, с жестоким террором над мыслью и совестью людей?

В чем причина того, что на место одного деспота так быстро поднимается другой, вскоре начинающий претендовать на такую же непрекращаемость и размах своевластия?*

* — Раздуваемые в настоящее время "заслуги" Л. Брежнева, особенно в связи с его семидесятилетием, как нельзя лучше иллюстрируют речь Джемилева, произнесенную семь лет назад.

Ответы на все эти и многие другие вопросы некоторые граждане, к числу которых я отношу и себя, усмотрели в первую очередь в отсутствии свободы слова и печати, свободы демонстраций, в отсутствии свободы критиковать и контролировать деятельность правительства, то есть в отсутствии всего того, что объединяется термином *"Демократия"*.

Все это, конечно, понимают многие. Но не очень многие решаются это высказать и пробовать добиваться этого. Слишком для многих собственное кажущееся благополучие и полное брюхо превыше всего. Боязнь потерять то немногое, которое они имеют, страх за свою шкуру определяет сознание многих.

Те же, для кого небезразличны такие понятия как Родина, Народ, Общество, те, кто не могут жить как безгласные и трусливые животные, кто не желает своим трусливым молчанием потворствовать произволу и преступлениям, подвергаются травле, преследованиям и судебным расправам.

В деле (том 1-й и 14-й) имеются несколько изъятых при обысках номеров распространяемого в последние два года в СССР машинописным способом периодического издания Советского демократического движения — бюллетеня *"Хроника текущих событий"**. В них приводятся сотни фамилий советских граждан, подвергшихся в последние годы преследованиям за свои политические и религиозные убеждения, за требования национального равноправия и политических свобод, провозглашенных советской конституцией.

Здесь я остановлюсь лишь на нескольких примерах, в большинстве упомянутых во вменяемых нам документах, которые на мой взгляд являются достаточно красноречивым свидетельством того, как ныне в нашей стране нарушаются провозглашенные конституцией СССР политические права советских граждан.

В 1965 году в Москве за опубликование за границей своих художественных произведений с критикой советской действительности были осуждены сроком на 5 и 7 лет лишения свободы советские писатели Даниэль и Синявский. Официальные органы еще до суда над ними организовали на страницах советской пе-

* — В настоящее время *"Хроника текущих событий"* переиздается на русском и английском языках издательством *"Хроника — пресс"* в Нью Йорке.

чати кампанию так называемого "всенародного гнева трудящихся" против этих писателей, называя их антисоветчиками, врагами советского общества. С осуждением произведений этих писателей выступали и какие-то передовики производства, "знатные доярки", которые никогда не читали их произведений и даже не имели о них достаточного представления, потому что произведения эти в Советском Союзе не публиковались.

Напомню, что немногим ранее в такой же форме подвергнута "всенародному осуждению" не опубликованная в СССР книга исключенного из Союза советских писателей Бориса Пастернака "Доктор Живаго", за которую автор книги, в силу ее большой художественной ценности, был удостоен высшей премии — Нобелевской. Такого же рода осуждению подвергались книги писателя Александра Солженицына "В круге первом" и "Раковый корпус".

Но много людей, знакомых с произведениями Синявского и Даниэля, справедливо усмотрели в судебной расправе над ними нарушение подписанной* советским правительством принятой ООН в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, статья 19 которой гласит, что граждане любой страны имеют право распространять свои взгляды и убеждения независимо от государственных границ. И эти люди протестовали.

Среди выразивших свое несогласие с осуждением Синявского и Даниэля были и Генеральный секретарь компартии Великобритании Джон Голан, известный французский писатель-марксист Луи Арагон и другие.

Позднее я имел возможность прочитать некоторые произведения Синявского и Даниэля, за опубликование которых они были осуждены. И я с полным основанием могу утверждать, что обвинение, выдвинутое против них на суде и в советской прессе, было лживым.

В 1966 году в Киеве было свыше 10 процессов над граждана-

* — В СССР широко распространено ошибочное мнение, поддерживаемое, впрочем, советской официозной пропагандой, о том, что Советский Союз выступил в поддержку Декларации (см., например, книгу А.Я. Островский "ООН и права человека", Международные отношения, Москва, 1968 год). Фактически же при голосовании о принятии Декларации делегация СССР воздержалась. Процедура же подписания Декларации не проводилась вовсе.

ми, протестовавшими против русификаторской политики правительства на Украине. Их обвиняли в национализме.

Приговором Львовского областного суда от 13 ноября 1967 года за составление сборника материалов о политических судебных процессах на Украине в 1965-66 гг. был осужден журналист Вячеслав Черновол.

В начале 1968 года в Москве состоялся судебный процесс над Гинзбургом, Галансковым и другими по обвинению их в проведении антисоветской агитации. Вся вина их в основном заключалась в составлении сборника материалов о судебном процессе над Сиявским и Даниэлем, а также в опубликовании за границей сборника статей общественно-политического характера.

Обвинительное заключение по их делу пестрело выражениями вроде: "Галансков имел антисоветские взгляды", "Следствием доказано, что еще в 1960 году Гинзбург имел антисоветские убеждения", "Галансков в 1962-63 годах являлся антисоветски настроенным..." То есть даже из официальных документов было очевидно, что этих людей судили за их убеждения, взгляды и настроения, что является нарушением советской конституции, не говоря уже о Всеобщей декларации прав человека. Приговором Московского городского суда они были осуждены на сроки до 7 лет лишения свободы.

В деле (том 2-й) имеется изъятый следственными органами на квартире Габая сборник материалов о процессе над Гинзбургом, Галансковым и другими под названием "Процесс четырех". Редактор и составитель сборника Павел Литвинов беспристрастно приводит все отзывы советских граждан об этом процессе. Вы можете убедиться, что против этой судебной расправы протестовали сотни советских граждан — в большинстве писатели, ученые, художники, в том числе широко известный академик Андрей Сахаров, писатели Фазыл Искандер, Аксенов, Белла Ахмадулина, Копелев. В поддержку же приговора и со злобными нападка на протестовавших выступили на страницах советской печати черносотенцы сталинской школы, вроде Сергея Михалкова, Ильина, Чаковского и, упомянутого мной раньше в связи с крымскотатарским вопросом, Ильи Вергасова.

Против суда протестовали и многие прогрессивные представители западной культуры, в том числе известный английский

философ Бертран Рассел, лауреат Нобелевской премии французский писатель Франсуа Мориак, писательница Франсуаза Саган, известный актер Жан Луи Барро и многие другие.

”Суд проводился с серьезными нарушениями норм советского судопроизводства”, — говорится в заявлении 24-х членов Союза советских писателей.

В томе 2-м листы 214-217 имеется составленный Штельмахом анализ допущенных на суде процессуальных нарушений, из которого видно, что судом были нарушены 16 статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

В групповом заявлении 120-ти советских писателей, ученых, художников и других представителей советской интеллигенции расправа над Галансковым и Гинзбургом справедливо расценивается как ”попытка воскресить методы, применявшиеся на процессах 1937 года”.

В июле 1968 года был арестован и вскоре осужден по ложному обвинению в нарушении паспортного режима Анатолий Марченко — автор книги ”Мои показания” о положении заключенных в послесталинских советских лагерях, один из первых советских граждан открыто выступивших с протестом против вмешательства во внутренние дела Чехословакии и с предостережением о возможной оккупации этой страны советскими войсками. О том, что Марченко в действительности судили за его политические взгляды, а не за нарушение паспортного режима говорила и допрошенная здесь в качестве свидетеля Татьяна Баева, которая присутствовала сама на процессе Марченко в Москве.

Советская конституция провозглашает право советских граждан на митинги и демонстрации. Но это право полностью нарушается. Власти разрешают, вернее организовывают митинги и демонстрации лишь в поддержку политического курса и мероприятий правительства и по случаю торжеств в связи с официальными праздниками. Чтобы организовать демонстрацию или митинг в поддержку правительственного курса людей отрывают от работы, предоставляют просторные помещения, останавливают движение общественного транспорта. Совершенно иное дело, когда граждане решаются демонстрировать свое несогласие с политикой руководства.

Например, в институте, где я обучался, за отказ выйти на первоймайскую демонстрацию или ноябрьскую демонстрацию студен-

тов лишали стипендии. Стипендии можно было лишиться и уклонившись от организуемой администрацией института лекции или собрания насчет политики США во Вьетнаме. В 1963 году несколько студентов, помню, были лишены стипендии даже за то, что не подчинились распоряжению ректора выйти рано утром на улицу Пушкина в Ташкенте и, выстроившись по дороге, маханием флажков и цветов провожать гостившего в Узбекистане кубинского диктатора Фиделя Кастро, который должен был проехать на открытой машине из дачи Рашидова в аэропорт.

Но вот 25 августа 1968 года несколько советских граждан вышли на Красную площадь в Москве, чтобы открыто выразить свой протест против ввода советских войск в Чехословакию. Они подняли на Красной площади плакаты с лозунгами, выражающими их собственные взгляды и убеждения.

На площади им удалось пробыть всего несколько мгновений. Потом на них набросились работники КГБ, вырвали их плакаты, избили и, погрузив в тюремные машины, доставили в тюрьму. Пятеро из участников демонстрации — физик Павел Литвинов, лингвист Лариса Богораз, рабочий Владимир Дремлюга, молодой ученый Константин Бабицкий и поэт Вадим Делонэ были привлечены к уголовной ответственности по нелепому обвинению в нарушении общественного порядка и приговором Мосгорсуда от 11 октября 1968 года были осуждены к различным срокам лишения свободы и ссылки.

Так власти расправились с гражданами, выразившими свое несогласие с акцией правительства в Чехословакии. Газеты "Московская правда" и "Вечерняя Москва" этих людей, сознательно жертвовавших своей свободой во имя своих убеждений, обливали грязью, представляли их перед советскими читателями как группу хулиганов и аморальных элементов.

30 июля 1969 года к полутора годам лишения свободы по обвинению в нарушении общественного порядка был осужден в городе Ташкенте крымский татарин Асанов Ахмед. Нарушение общественного порядка Асановым выразилось в том, что он на первомайской демонстрации в Ташкенте, находясь в колонне демонстрантов, при приближении колонны к президиуму, где стояли члены правительства УзССР, поднял плакат с лозунгом: "25 лет крымскотатарский народ в ссылке! Коммунисты, верните народу Крым!"

6 июня 1969 года пятеро крымских татар: Асанова Зампира, Джемилев Решат, Зейтуллаев Айдер, Асанов Энвер и Холапов Ибраим, устроивших демонстрацию в Москве на площади Маяковского с протестом против репрессий и требованием ускорить решение национального вопроса крымских татар, были схвачены милиционерами и со скрученными руками доставлены в отделение милиции.

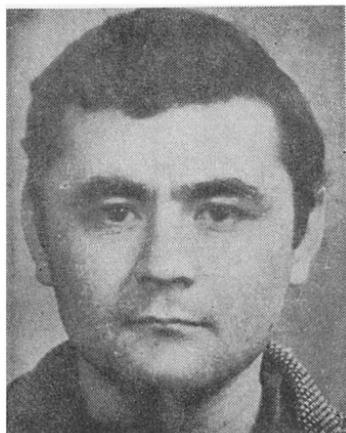
Я не буду здесь останавливаться в отдельности на многочисленных процессах и преследованиях участников национально-го движения крымскотатарского народа, хотя они, безусловно, относятся также к вопросу о демократии в нашей стране. Это заняло бы очень много времени. В общем плане я говорил об этих преследованиях в связи с выдвинутым против меня обвинением на национальную политику КПСС. Но я все же должен выделить здесь еще один случай расправы с участником нашего национального движения, так как этот случай выходит далеко за пределы крымскотатарского национального вопроса и является злоеющим симптомом возрождения карательными органами тех методов расправы с инакомыслящими, которые практиковались в нашей стране в недавнем прошлом.

В деле (том 17-й листы 276-277) имеется изъятая следственными органами у меня на квартире во время обыска копия санкционированного начальником управления КГБ по Крымской области постановления о прекращении уголовного дела против Сейдалиева Февзи в связи с его смертью. Сейдалиев обвинялся в проведении антисоветской агитации.

Согласно этого постановления о прекращении дела Сейдалиев обвинялся конкретно в том, что во время посещения Крымского краеведческого музея вступил в разговор с иностранными посетителями музея и сообщил якобы им сведения тенденциозного характера о положении крымских татар в СССР, распространил несколько листовок с лозунгами: "Долой советский фашизм!", "Позор Брежневу за дискриминацию крымских татар!" и другие, а также в том, что при задержании его на Красной площади в Москве, куда он вышел, чтобы выразить свой протест против политики правительства в отношении крымских татар, выкрикнул лозунг "Долой советскую власть!" и оказал физическое сопротивление работникам органов. Далее в постановлении говорится, что он был направлен следственными органами

Пять членов Инициативной группы защиты прав человека в СССР (слева направо): Сергей КОВАЛЕВ, Татьяна ХОДОРОВИЧ, Татьяна ВЕЛИКАНОВА, Григорий ПОД'ЯПОЛЬСКИЙ, Анатолий ЛЕВИТИН-КРАСНОВ.

Гомер БАЕВ.

Валерий ПАВЛИНЧУК.

Крымской области на исследование в институт судебно-медицинской экспертизы имени Сербского в Москве, так как его поведение якобы вызывало сомнение в его вменяемости, и что по пути этапирования из Симферополя в Москву 19 октября 1968 года скончался в тюрьме города Днепропетровска от сердечного приступа.

Этого человека я знал лично. После жестокой расправы властей в совхозе "Большевик" Красногвардейского района в Крыму летом 1968 года, когда несколько семей прибывших в Крым крымских татар, в том числе семья Сейдалиева Февзи, были подвергнуты ночному нападению милиционеров, избиты и под конвоем обратно отправлены в Узбекистан, Сейдалиев Февзи с четырьмя детьми и женой несколько дней жили в нашем доме в Ташкенте. Это был человек исключительной самоотверженности и мужества, автор большой статьи о политике Советского правительства в отношении крымских татар под названием "История советского империализма". Рукопись этой статьи, изъятая при обыске 13 сентября 1968 года, находится в деле по обвинению Хаирова Иззета и других.

Я могу твердо сказать, что никаких психических отклонений у него не было. Я уверен также в том, что никакой болезнью сердца, как утверждает в постановлении, он не страдал. Поэтому я имею основания утверждать, что в застенках КГБ города Днепропетровска Сейдалиев Февзи не скончался от болезни сердца, а был убит, убит за свои политические убеждения и активное участие в национальном движении своего народа.

В течение длительного времени подвергался всевозможным преследованиям и провокациям бывший председатель колхоза "Яуна Говарде" в Латвийской ССР, член КПСС Иван Яхимович. 25 марта 1969 года в городе Юрмала Латвийской ССР он наконец был арестован по обвинению в клевете на советский строй. В настоящее время, как стало известно, он признан институтом Сербского в Москве невменяемым и помещен в больницу-тюрьму для умалишенных. Это один из наиболее подлых методов расправы с инакомыслящей интеллигенцией стал в нашей стране практиковаться довольно часто после того, как Хрущев объявил, что у нас нет политзаключенных.

В деле имеется несколько изъятых при обысках обращений и заявлений Ивана Яхимовича с протестом против преследований

в СССР инакомыслящих и вмешательства советского правительства во внутренние дела Чехословакии, которые свидетельствуют о большом мужестве и честности этого человека. Обращение Ивана Яхимовича, начинающееся словами Коммунистического манифеста — "Призрак бродит по Европе..." и обращение "К членам КПЧ и всему чехословацкому народу", подписанное Яхимовичем совместно с коммунистами Петром Григоренко, Павлинчуком* и Сергеем Писаревым, значатся как вещественные доказательства по нашему делу.

Если Иван Яхимович действительно является умалишенным, так почему же тогда кагебистов так беспокоят написанные им документы? Ведь на здравомыслящих письма и заявления умалишенного не могут оказать какого-либо агитационного воздействия. Именно светлый разум и мужество Яхимовича вызывает страх у карателей. Страх перед голосом правды толкает их на подобные мерзкие преступления.

7 мая 1969 года в Ташкенте был арестован прибывший из Москвы по просьбе тысяч крымских татар на процесс десяти участников национального движения крымскотатарского народа, известный общественный деятель СССР, военный ученый, в прошлом генерал-майор советской армии, разжалованный за свои политические убеждения в солдаты и подвергавшийся всевозможным преследованиям и провокациям органов КГБ 63-летний Григоренко Петр Григорьевич.

Почва для расправы с Григоренко подготавливалась давно. На различных собраниях и беседах в Москве, в Узбекистане и в других местах, где он особенно известен, ответственные партработники и чины КГБ называли его в одних случаях умалишенным, в других случаях антисоветчиком, врагом советской власти. Дело дошло до того, что власти начали распространять среди крымских татар анонимные обращения от имени безвестных групп крымских татар с клеветой на Григоренко. Кстати,

* — Павлинчук Валерий — физик, известный также как один из составителей (в числе составителей также профессор Валентин Турчин — глава советской секции "Международной амнистии") получивших широкую популярность в СССР юмористических сборников "Физики шутят" ("Мир", Москва 1966) и "Физики продолжают шутить" ("Мир", Москва 1968). Валерий Павлинчук скоропостижно скончался летом 1968 года. Буквально за несколько часов до смерти он подписал письмо в защиту арестованного Анатолия Марченко.

одно из таких обращений есть в деле — том 15-й листы 236-237.

Органы долго стояли перед дилеммой: то ли поместить его вновь, как это они сделали в 1964 году, в психиатрическую больницу как умалишенного, то ли осудить его за написанные им статьи, заявления, обращения и протесты. Арестовать и судить этого широко известного и пользующегося большим уважением многих граждан нашей страны человека они долгое время не решались. Не решались и поместить его в психиатрическую больницу, потому что властям также приходилось учитывать, что с каждым днем становится все меньше идиотов, которые могли бы поверить в то, что все выступающие против политики правительства являются умалишенными.

Но властям не давали покоя его мужественные протесты и разоблачения: разоблачения преступной шовинистической политики правительства против крымских татар, турок, высланных из Кавказа*, немцев Поволжья, протесты против авантюристического внешнеполитического курса руководства, против преследований в нашей стране инакомыслящих. Наконец органы решились арестовать его, когда он прибыл в Ташкент, как я уже говорил, на процесс участников национального движения крымскотатарского народа. Властей очень пугала предстоящая встреча Григоренко с массами крымских татар.

Арест Григоренко возмутил многих его друзей, единомышленников и крымских татар, которым он на протяжении последних двух лет оказывал неоценимую помощь. Под обращение с протестом против ареста Григоренко в течение весьма короткого времени в одной только Сырдарьинской области было собрано несколько тысяч подписей трудящихся крымских татар. Несколько сот подписей трудящихся нескольких колхозов Гулистанского района под этот протест, изъятые во время обыска, подшиты к делу — том 16-й листы 82-91.

* — Джемилев, по-видимому, имеет в виду месхов, которых иногда ошибочно называют турками. Месхи — небольшой народ горской Грузии, около 200 тысяч человек, имел до депортации автономию в рамках Грузинской ССР, наравне с абхазами и аджарцами. Месхи — преимущественно мусульманского вероисповедания. С периода депортации во время Второй мировой войны они находятся, в основном, в Средней Азии и так же как и крымские татары и поволжские немцы ведут борьбу за восстановление своих национальных прав и возможность возвратиться на национальную территорию.

Обращения и протесты против ареста Григоренко, разумеется, писал и подписывал я тоже. К сожалению, это было единственным, что я мог сделать в защиту Григоренко, которого я уважал почти как родного отца. В моих глазах он был и остается самым честным и мужественным человеком из числа людей, придерживающихся коммунистических убеждений, которых мне приходилось встречать в жизни.

По поводу всех незаконных преследований и репрессий властей друзья, близкие и единомышленники репрессированных неоднократно обращались в советские официальные органы, но их заявления, протесты и обращения в лучшем случае остаются без ответа. В большинстве же случаев эти обращения направляются в отделения КГБ по месту жительства обращающихся и служат материалом для преследований уже самих обращающихся по обвинению в клевете на советскую судебно-правовую систему, советские органы власти, на советский общественный и государственный строй, а в некоторых случаях, как показал процесс Гинзбурга, Галанскова и других, даже по обвинению в проведении антисоветской пропаганды с целью подрыва существующего строя.

Но карательные органы в своих попытках подобными действиями парализовать волю граждан отстаивать свои политические и гражданские права добились только того, что в глазах многих граждан дискредитировали себя как органы по охране правопорядка и законности. Они поставили граждан перед необходимостью обращаться помимо советских органов непосредственно к самой высшей инстанции на земле — народу, к советской и мировой общественности, а также в те органы печати и международные организации, которые могли бы довести их обращения до сведения народа.

Допрошенная на предварительном следствии в качестве свидетеля Наталья Горбаневская, касаясь обращения группы советских граждан к депутатам Верховных советов СССР, РСФСР и в редакции советских газет по поводу судебной расправы над участниками демонстрации против оккупации Чехословакии, вполне справедливо говорит: "Я не подписала это письмо, так как на многих примерах убедилась в бесполезности обращаться в официальные инстанции" — том 19-й листы 157-160.

Именно повсеместный и постоянный произвол советских пар-

тийных, государственных и карательных органов против инакомыслящих граждан нашей страны и участников национальных движений побудили меня подписать такие документы, обращенные к общественности, как обращение в защиту Ивана Яхимовича, Петра Григоренко, как документ, адресованный в Комитет по правам человека при ООН. Обращение в Комитет по правам человека я подписал как член первой в нашей стране и, надеюсь, не последней, добровольной Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

В деле (том 20-й листы 187-188) имеется документ, называемый "Протокол осмотра уголовного дела № 66 по обвинению Алтуяня Г.О.", составленный 29 сентября 1969 года следователем управления КГБ по Харьковской области. В этом документе, в частности, говорится:

"В мае - июне 1969 года распространители указанной литературы Алтуян Г.О., Недобора В.Г., Пономарев В.В. и другие лица подписали письмо в ООН с просьбой вмешаться во внутренние дела СССР и аналогичного содержания письмо Международному совещанию коммунистических партий..."

Если возможные резолюции Комитета по правам человека при ООН, о котором идет речь в этом документе, с осуждением нарушений прав человека в нашей стране карательные органы склонны рассматривать как вмешательство во внутренние дела СССР, то позвольте спросить, для чего вообще существует эта, кстати, признанная и советским правительством, международная организация? Может быть только для того, чтобы осуждать расизм в ЮАР и Родезии, фашизм в Греции, Испании и Португалии? Но ведь это не оговорено в Уставе этой организации. Ведь фашизм, расизм, нарушения прав человека не есть явления, присущие лишь определенным государствам и народам. Уничтожение миллионов граждан и жестокая шовинистическая политика в отношении к национальным меньшинствам в современном коммунистическом Китае не перестает быть преступлением от того, что это, как утверждают маоисты, делается во имя коммунизма и так называемой "культурной революции". Также не перестает быть нарушением прав человека и, следовательно, международным преступлением, судебные и внесудебные преследования в нашей стране граждан, отстаивающих свои гражданские и национальные права независимо от того, какими бы красивы-

ми лозунгами и доктринами эти преследования ни прикрывались, и, следовательно, не могут быть сугубо внутренним делом СССР, как бы этого правительству ни хотелось. Тем более не может быть внутригосударственным делом СССР национальный вопрос крымскотатарского народа, который также затрагивается в нашем обращении в Комитет по правам человека при ООН. Ибо народ, вступивший в борьбу за свой национальный суверенитет, является объектом международного права.

В последнее время аресты и преследования граждан по политическим мотивам начинают принимать все большие масштабы. В августе 1969 года в Ташкенте к различным срокам лишения свободы были осуждены десять представителей крымскотатарского народа. Произведены новые аресты среди крымских татар. В сентябре 1969 года арестован в Москве церковный писатель Анатолий Левитин-Краснов, арестованы группы граждан в Харькове, Таллине. Постановлением следователя по особо важным делам при прокуратуре УзССР началась фабрикация уголовных дел против Муаррема Мартынова в городе Бекабаде, Решата Джемилева в Краснодарском крае и проживающих в Москве Юлия Кима, Надежды Емелькиной, Виктора Красина и Петра Якира, который в 1937 году четырнадцатилетним мальчиком был арестован вместе со своим отцом командармом Ионой Якиром и как сын "врага народа" 17 лет своей жизни провел в сталинских тюрьмах и лагерях. Все они обвиняются в клевете на советский строй или в проведении антисоветской пропаганды, в агитации в целях подрыва советского строя, но в действительности же их вина заключается в том, что они писали, подписывали и распространяли документы, в которых содержатся протесты против тех или иных незаконных действий властей и правительства, что они отстаивали свои национальные и гражданские права, что открыто распространяли свои политические и религиозные взгляды и убеждения.

И если все это называется "самой демократичной в мире демократией", то я очень хотел бы знать, что же называется жестоким тоталитарным режимом?

* * *

И последнее обвинение, выдвинутое против меня — это обвинение в клевете на внешнюю политику советского руководства. Я считаю себя клеветником на внешнюю политику КПСС и правительства, потому что по мнению обвинения я неправильно оценил события в Чехословакии и подписал обращение в поддержку граждан, которые 25 августа 1969 года устроили демонстрацию в знак протеста против ввода советских войск в эту страну.*

Как гражданин и, тем более, как представитель народа я считаю себя морально ответственным за все что делается в мире. По любому событию, имеющему место в любом конце земли, я вправе, когда сочту это необходимым, высказать и распространить свои взгляды и убеждения. Это мое право провозглашено Конституцией СССР и декларировано во Всеобщей декларации прав человека, которое советское правительство подписало и обязалось соблюдать.

События в Чехословакии всколыхнули весь мир. Оккупацией Чехословакии правительство Брежнева грубо нарушило международные правовые нормы и поставило мир перед угрозой термоядерной войны. Вооруженные силы многих государств были приведены в состояние высшей боевой готовности. Так рисковать жизнью миллионов людей правительству никто не давал права.

Я не верю, что будто полумиллионная армия стран Варшавского пакта вторглась в чехословакию для защиты социализма и борьбы с какими-то мифическими реакционерами и контрреволюционерами. Не верю и неофициальным, но тщательно распространяемым партийными агитаторами слухам, что будто в Чехословакию собиралась ввести свои войска Федеративная Германия.** Я считаю, что правительство прибегло к этой акции, ру-

* — Имеется в виду письмо, известное под названием "Письмо девятиности пяти", явившееся своего рода апофеозом коллективных протестов 1968 года. Все, без исключения, подписавшие это письмо были репрессированы, правда, большая часть в административном порядке: увольнение с работы, исключения из университетов и т.д.

** — В СССР широко практикуется проведение на заводах, в университетах, научных организациях и т.п. так называемых "политинформаций", на которых официальные лекторы говорят много такого, о чем по каким-либо причинам неудобно писать в газетах. В 1968-69 годах на та-

ководствуясь интересами весьма далекими от интересов социализма и народов соцлагеря.

Таковы, в общем, мои взгляды по Чехословацкому вопросу. Если иметь и высказывать подобные взгляды считается уголовным преступлением, то вам следует назвать уголовными преступниками миллионы людей, руководителей многих зарубежных компартий и даже правительства некоторых "братских" социалистических стран.

Нигде в мире так не дискредитируется социализм, как это делается, например, в коммунистическом Китае. По сообщениям советской печати лишь за период с 1955 по 1965 год в Китае было уничтожено около 25 миллионов китайских граждан по обвинению или подозрению в антимаоистских настроениях, уничтожаются культурные ценности, проводится откровенная шовинистическая политика по отношению к неханьским национальным меньшинствам. И если согласно ...

Судья: Причем тут Китай? У вас нет обвинения, связанного с Китаем.

Джемилев: Я обосновываю свою точку зрения по Чехословацкому вопросу.

Судья: Вот и говорите о Чехословакии, а Китай оставьте в покое.

Джемилев: Я хочу сказать, что если согласно брежневской теории "ограниченного суверенитета" в международных отношениях допускается оккупация другой страны, то, казалось бы, вот какая страна нуждается в вооруженном вмешательстве. Но этого не произошло и не произойдет не только потому, что с Китаем советскому правительству трудно разговаривать с позиции силы, а скорее всего потому...

Судья: Вы опять уклоняетесь. Не трогайте, вам говорят, Китай. Вас обвиняют в клевете на советский строй в связи с Чехословацким вопросом.

Джемилев: То, что я говорю, имеет непосредственное отношение к предъявленному мне обвинению. Я обвиняюсь в клевете на внешнюю политику КПСС, а это значит, что я могу говорить вообще о внешней политике советского руководства, не

кого рода политинформациях говорилось о якобы готовившихся вторжениях в Чехословакию вооруженных сил Федеративной Германии и стран Северо-Атлантического Союза (НАТО).

ограничивая себя каким-либо только одним внешнеполитическим вопросом. Но в данном случае я затрагиваю Китай, чтобы в более понятной форме защитить свою позицию по Чехословацкому вопросу.

Войска Варшавского пакта не двинулись на территорию Китая скорее всего потому, что маоистский режим, так остро напоминающий режим сталинский, не может показаться советским гражданам привлекательным образцом правления. Как справедливо отметил Анатолий Марченко в своем открытом письме по Чехословацкому вопросу, маоистский режим, несмотря на его разнuzданную антисоветскую пропаганду, является скорее фактором укрепляющим положение руководства в нашей стране, нежели расшатывающим.

Но совершенно иное дело — Чехословакия. Здесь впервые в истории социалистических стран народу были предоставлены подлинные демократические свободы. Впервые печать, радио, телевидение, экран и сцена стали служить не правительству, а народу. И это привлекло симпатии миллионов людей на всех континентах к новому правительству Чехословакии во главе с Дубчекoм, симпатии к подлинному социализму.

Но это вызвало бешеную ярость тех, чья власть держится на обмане и насилии. И они бросили все средства на подавление свободы в Чехословакии, прибегли в конечном итоге и к вооруженной интервенции.

В документе "Обзор фальшивок и опровержительных документов", в составлении которого я обвиняюсь, говорится:

"В полночь на 21 августа советские вооруженные силы, а также войска четырех стран — участниц Варшавского пакта перешли границу суверенной Чехословацкой республики для установления там угодных советскому руководству порядков".

Как видно из дела, этот "Обзор" был написан в начале сентября 1968 года. Дальнейшие события полностью подтвердили эти слова. Виднейшие и пользующиеся наибольшим доверием своего народа руководители Чехословакии, в том числе Первый секретарь компартии Чехословакии Александр Дубчек, Председатель Национального собрания Чехословакии Иозев Смрковский, министры Иржи Гаек, Ота Шик и другие смещены со своих должностей. Тысячи чехов и словаков, в том числе видные общественные и политические деятели страны, ученые, писатели,

работники просвещения вынуждены были покинуть свою родину, так как они рассматривались оккупационными властями как контрреволюционеры и антисоциалистические элементы.

Я полностью разделяю мнение автора документа "Логика танков", в распространении которого обвиняется товарищ Габай, что советские танки вторглись на землю Чехословакии, чтобы своими гусеницами придавить поднявшиеся было там ростки свободы.

Как бы сейчас Гусак, вставая на задние лапки перед Кремлем, не оправдывал оккупацию своей страны, он вряд ли кого в чем-либо сможет убедить. Слишком очевидно, что все эти гусаки, биялки, индры и штроугалы — всего лишь марионетки, власть которых держится на насилии и штыках оккупационной державы.

Оккупацией Чехословакии советские руководители, можно сказать, добились поставленных целей: они подавили свободу и поставили у власти послушных им людей. И мне бы хотелось повторить слова Герцена, сказанные им по поводу подавления польского народного восстания и оккупации Польши войсками царской России: "Это не та победа, которая приносит честь и славу. Эта победа покроет победителей позором".

Честь и слава принадлежит тем, кто не признал оккупантов, тем молодым людям, которые с голыми руками вышли навстречу танкам и сказали свое решительное "Нет!". Честь и слава Яну Палаху, который в знак протеста против оккупации своей страны сжег себя заживо на Вацлавской площади в Праге и поднял тем самым растоптанное знамя своего народа на недосягаемую для варваров высоту! Я склоняю голову перед мужеством и величием души этого молодого человека и думаю, что народ, имеющий таких сыновей как Ян Палах, еще может сказать свое слово.

Через несколько лет после кровавых событий в Венгрии в 1956 году меня долго беспокоило сознание того, что у меня, тогда уже 13-летнего юноши не хватило ума и храбрости, чтобы хотя бы где-нибудь на заборе написать: "Руки прочь от Венгрии! Свободу мадярам!" Каким бы я теперь не подвергался преследованиям и репрессиям за свои действия в связи с Чехословацким вопросом, я не буду испытывать и тени сожаления, ибо меня теперь не будет беспокоить чувство невыполненного граждан-

ского долга. Я по крайней мере открыто поддержал тех, кто своим подвигом на Красной площади в Москве хоть немного нейтрализовали тот позор, которым покрыло страну правительство Брежнева удушением свободы Чехословакии.

* * *

Таким образом, обобщая все сказанное, я вновь заявляю, что документы, в составлении и подписании которых я обвиняюсь, содержат правду и только правду, а также отражают мое глубокое убеждение.

Факты и события, описанные в документах, к сожалению, ни на предварительном следствии, ни на суде не проверялись и уже поэтому у суда нет никаких правовых оснований делать заключение о том, являются эти документы клеветническими или нет. Я уверен в том, что суд отказался от проверки фактов, так как он знает, что факты эти будут подтверждены.

Взгляды, изложенные в документах, независимо от того, нравятся они суду или нет, считает суд их правильными или нет, не должны иметь при вынесении приговора никакого значения, потому что, согласно закона, советские граждане имеют право на независимые взгляды и убеждения. Поэтому я считаю, что суд должен вынести оправдательный приговор по мотивам отсутствия в наших действиях состава преступления, а против следователей, занимавшихся фабрикацией этого заведомо неправосудного дела, частным определением должно быть возбуждено уголовное дело по признакам статьи 176 Уголовного кодекса РСФСР* и соответствующей по Уголовному кодексу Узбекской республики.

Но я знаю, что этого не произойдет. Зная предыдущие процессы над людьми, которые выступали с критикой политики правительства, я конечно справедливого приговора здесь не ожидаю,

* — Эти статьи предусматривают уголовную ответственность лица, проводящего дознание, следователя или прокурора, за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Информации об осуждении кого-либо по этим статьям, а равно аналогичным статьям остальных республиканских кодексов, не имеется. Однако, вполне вероятно использование этих статей против неугодных начальству чиновников судбно-полицейского аппарата.

тем более, что в ходе процесса прокурор и судьи не скрывали свою пристрастность. Я думаю, что приговор был вынесен задолго до того, как мы были введены в зал суда. Вам лишь остается облечь этот приговор в соответствующую словесную шелуху.”

Мустафа оказался прав, — приговор в общих чертах повторил речь прокурора и обвинительное заключение. Мустафа Абдулджемиль и Илья Габай были приговорены к максимально допустимым срокам — трем годам заключения в ”исправительно-трудовых лагерях”.

ХII. ТРИДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА

Из заключения Мустафа освобождился очень 1972 года. Его здоровье к этому времени было сильно подорвано многочисленными голодовками и тяжелыми лагерными условиями. Мустафа нуждался в основательном отдыхе, но власти лишили его даже этой возможности установлением ”административного надзора”.*

* — Административный надзор устанавливается в административном порядке, то есть без судебной процедуры, органами милиции. Формально, согласно ст.107 ИТК РСФСР, такой надзор устанавливается ”за освобожденными из мест лишения свободы особо опасными рецидивистами и лицами, отбывшими наказание за тяжкие преступления, либо судимыми более двух раз к лишению свободы за любые умышленные преступления, если их поведение в период отбывания наказания в местах лишения свободы свидетельствует об упорном нежелании встать на путь исправления и приобщения к честной трудовой жизни”. (Последнее определяется лагерной администрацией без какого-либо контроля). Кроме того дополнительные разъяснения позволяют применять эту меру и спустя достаточно длительное время после освобождения, если ”... в их (т.е. бывших заключенных — А.Г.) поведении вновь стала появляться антиобщественная направленность”. (Комментарий к ИПК РСФСР, Москва, 1973, ”Юридическая литература”).

”Сущность административного надзора как меры принудительного характера, — говорится далее в том же комментарии (А.Г.), — состоит в применении к лицам, за которыми он установлен, следующих ограничений:

- а) запрещение ухода из дома в определенное время;
- б) запрещение пребывания в определенных пунктах района (города);
- в) запрещение выезда или ограничение выезда по личным делам за пределы района (города);

Окончился один административный надзор, но спустя некоторое время надзор был установлен снова без каких-либо членораздельных мотивировок. Но власти не остановились только на ограничении свободы Мустафы с помощью унижающего человеческого достоинство надзора и так называемых контрольных посещений поднадзорного милицией у него дома, на основании "закона", позволяющего вторжение в дом поднадзорного "в любое время суток" (Комментарий, см. сноску на стр.86). Несколько раз за время после освобождения Абдулджемиля, опять же, практически не пытаясь мотивировать, арестовывают на 15 суток.

В такой обстановке Мустафа находился до 13 мая 1974 года, когда его арестовали на пятнадцать суток, откровенно заявив, что арест является превентивным в виду приближения *тридцатой годовщины* со дня депортации крымских татар.

Мустафа объявил голодовку протеста. На девятые сутки голодовки его состояние резко ухудшилось, стали наблюдаться обмороки и недостаточность сердечной деятельности — нависла серьезная угроза его гибели. Обстоятельства ареста и состояние здоровья Абдулджемиля получили в СССР широкую огласку, и власти решили отступить. Мустафа был освобожден из заключения.

Но в планы властей входило не освобождение Джемилева, а нечто совершенно иное. Несмотря на то, что состояние его здоровья после голодовки не восстановилось даже благодаря интенсивному лечению, КГБ предприняло новый ход.

Месяц спустя Мустафу вызвали на военные сборы.* Медкомиссия признала его годным к воинской службе, хотя для этого на терапевта было оказано давление, о чем стало известно.

Мустафе не дали разрешения представить справку из поликлиники, в которой он в это время проходил курс лечения, не предоставили и возможности повторно пройти осмотр. Ему было

г) явка в милицию для регистрации от одного до четырех раз в месяц."

* — Военные сборы в СССР проводятся для лиц, отбывших воинскую повинность и находящихся в армейском запасе. Джемилев в армии не служил. Кроме того, по установившейся практике, лиц, освободившихся из заключения, как правило, ни на какие сборы не призывают.

приказано явиться через два часа. Он отказался подчиниться этому приказу, а спустя несколько часов был арестован как уклоняющийся от сборов.

Сразу же в момент ареста Абдулджемиль объявил голодовку.

В связи с новым арестом, завершившим цепь полуторагодовых репрессий, ряд представителей советской демократической общественности обратился с протестами в советские органы власти и к международным организациям защиты Прав Человека.

6 июля Инициативная группа национального движения крымских татар по Сырдарьинской области Узбекской ССР обратилась к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Николаю Подгорному, Генеральному Секретарю ООН Курту Вальдхайму, международной ассоциации юристов-демократов и мировой общественности с заявлением: "Жизнь Мустафы Джемилева в опасности!"

В заявлении говорится:*

"Над жизнью Мустафы нависла угроза! Как нам стало известно, 27 июня, из-за тяжелого состояния здоровья, тюрьма г. Хаваста... отказалась принять доставленного туда М. Джемилева и он был вновь водворен в КПЗ г. Гулистан. Страшась, по-видимому, последствий в случае смерти, органы попытались воздействовать на Мустафу через его родителей, пытаясь уговорить его прекратить голодовку. Однако Мустафа категорически отказался сделать это, заявив, что лучше примет смерть, чем терпеть повседневные издевательства... 30 июня он доставлен в следственную тюрьму г. Ташкента, где подвергается насильственному кормлению".

Инициативная группа просит немедленного вмешательства Н.В. Подгорного, чтобы спасти жизнь М. Джемилева, и поддерживает просьбу его родителей выпустить его из СССР.

Мать М. Джемилева 3 июля направила Н.В. Подгорному письмо, обращенное также "к матерям и отцам, братьям и сестрам, правительствам и парламентам всех стран мира".

Когда в 1944 году ее семью в нечеловеческих условиях увозили из Крыма, Мустафе не было и года, — пишет она. — Уже

* — Цитирую по "Хронике текущих событий", выпуск 32, 17 июля 1974 года, Москва, Самиздат (переиздано в 1974 году издательством "Хроника", Нью Йорк).

в ранней юности он говорил, что не примирится с бесправным положением своего народа. Мустафа дважды высказывал желание уехать в другую страну. Она противилась этому, но сейчас, особенно после беспричинных арестов в мае и июне и опасной для его жизни голодовки, они с мужем решили благословить его на отъезд.

”Мы просим выпустить за границу сына нашего, дайте нам умереть спокойно. Не по силам нам муки сыновьи.”

Обращаясь к правительствам других стран, мать М. Джемилева просит прислать сыну вызов и дать убежище.

16 июля 1974 года к мировой общественности обратились академик Андрей Сахаров и оставшиеся на свободе члены Инициативной группы по защите прав человека со следующим заявлением:

*”Генеральному секретарю ООН
г-ну Курту Вальдхайму
Международной лиге защиты прав
человека
В Международный Красный Крест*

Глубокоуважаемый господин Генеральный секретарь!

Глубокоуважаемые господа!

Поддерживая обращение Инициативной группы крымских татар, проживающих в Сырдарьинской области, мы просим вас использовать ваше влияние и ваш высокий авторитет, чтобы облегчить участь честного и мужественного человека, несправедливо преследуемого властями по политическим мотивам. Любое промедление здесь может привести к трагическим последствиям, ибо жизни Мустафы Джемилева, здоровье которого подорвано длительными голодовками, грозит опасность.

16 июля 1974 года

*Андрей Сахаров —
— член Совета директоров Международной лиги защиты прав человека*

Инициативная группа по защите прав человека в СССР:

*Татьяна Великанова, Сергей Ковалев,
Анатолий Краснов-Левитин, Григо-
рий Подъяпольский*, Татьяна Ходо-
рович”.*

Кроме этих заявлений в различные советские инстанции были поданы многочисленные индивидуальные и коллективные протесты.

Но протесты остались безответны, а в середине июня состоялся суд при закрытых дверях. Никто из родственников и родных Джемилева не был уведомлен о времени и месте проведения суда. Неизвестно также, присутствовал ли на этом суде адвокат. И до сегодня неизвестно, что происходило за закрытыми дверями этого процесса. Единственная информация, просочившаяся из застенка, свидетельствовала о том, что Мустафа объявил бессрочную голодовку, и что его физическое состояние находится в катастрофическом положении.

Во второй половине ноября 1974 года стало известно, что Абдулджемиль в состоянии голодовки отправлен на этап.** Это известие было весьма зловещим, и я незамедлительно решил обратиться на него внимание советской и мировой общественности. С этой целью я обратился с письмом к академику Андрею Дмитриевичу Сахарову, Главе советского Комитета Прав Человека:

*В Комитет Прав Человека
Сахарову А.Д.*

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Исключительные обстоятельства вынуждают меня просить Вашей срочной помощи. Дело касается одного из выдающихся

* — Григорий Подъяпольский умер от кровоизлияния 9 марта 1976 года по дороге в "служебную поездку", в которую он был направлен на время проведения XXV съезда КПСС. Такая практика — удаления неугодных лиц из Москвы на время всевозможных парадных действий — получила в последние годы широкое распространение.

**— Что означает этап в состоянии голодовки, прекрасно описано в книге А. Марченко "От Тарусы до Чуны", Издательство "Хроника", Нью Йорк, 1976 год.

борцов за права человека в СССР, члена Инициативной группы защиты прав человека, активного участника движения за национальные права крымско-татарского народа — Мустафы Абдулджемиля (по паспорту в русской транскрипции — Джемилева).

В июне с.г. Мустафа осужден якобы "за уклонение от явки на военные сборы" к одному году лишения свободы. Этим осуждением была завершена серия незаконных преследований, которым Мустафа подвергся после того, как, отбыв в 1972 году трехлетний срок заключения, возвратился в Ташкент.

В связи с явной сфабрикованностью нового дела и очевидной неправосудностью приговора Мустафа объявил голодовку протеста, которую он намерен продолжать вплоть до отмены приговора, а если этого не произойдет, то до полного отбытия срока.

Теперь стало известно, что для отбывания наказания он отправлен в Омскую область. Этот факт особенно тревожен. По принятой практике лица, осужденные на срок менее трех лет, отбывают наказание не только в своей республике, но и в области, где они проживали. В тех случаях, когда такая практика нарушалась, это, как правило, означало, что ожидается увеличение срока лагерным судом. Так было с Анатолием Марченко, Владимиром Дремлюгой, Андреем Амальриком.

Особенно тревожно то обстоятельство, что Мустафа был этапирован в состоянии голодовки, что резко противоречит человечности и явно опасно для жизни голодающего. То, что с этим не считались, дает основание предполагать наличие умысла на умерщвление Мустафы Абдулджемиля.

К этому же предположению приводит и анализ ныне циркулирующей в Самиздате записи судебного процесса 1970 года над Ильей Габаем и Мустафой Джемилевым.* Это описание коренным образом отличается от других, ему подобных. В нем описан не только сам процесс, но и приведены все основные документы предварительного следствия, среди которых значительная часть тех, которые начисто опровергают обвинительное заключение. Следственные органы не рассчитывали на свет гласности и не удосужились очистить дело от опасных для них свидетельств.

*— Сборник документов "Шесть дней" (Белая книга по делу Ильи Габая и Мустафы Джемилева). Самиздат, Ташкент—Чирчик—Москва, Январь 1972 года. В настоящее время идет подготовка зарубежного издания этого сборника.

Илья Габай и Мустафа Абдулджемиль умело использовали этот просчет следствия во время процесса, проходившего в январе 1970 года в Ташкентском городском суде, полностью разоблачили сфабрикованность дела. Подсудимые по сути дела поменялись ролями с судьей и обвинителем, они настойчиво добивались доказательств выдвинутых обвинений, в то время как суд "ловчил" и изворачивался, чтобы уйти от рассмотрения реальных фактов.

Подсудимые получили максимальные сроки, предусмотренные статьей, но суд должен был выносить приговор, не имея никаких законных оснований для этого. Судьи, обвинение и лица, причастные к следствию, понимали, что понесли полное поражение. Это несомненно породило к И. Габаю и М. Абдулджемиллю зоологическую ненависть.

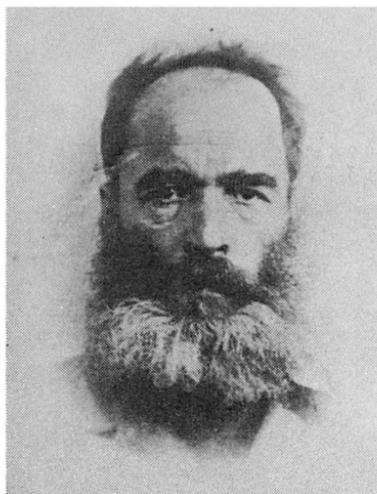
Но Илья Габай трагически ушел из жизни, а Мустафа — жив. Да к тому же к нему есть еще и особые счета:

1. Он дал обоснованный отвод прокурору. Суд, не мотивируя, отклонил отвод. Но суд ничем не мог опровергнуть тот признанный самим прокурором факт, что он участвовал в карательных действиях против крымских татар и является свидетелем по разбираемому делу, что согласно статьям 23, 59, 63 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК союзных республик, препятствует участию данного лица в процессе в качестве прокурора.

2. Мустафа был особенно настойчив в требовании удаления из зала суда специально подобранной "публики" — лиц, проводивших следствие, и сотрудников КГБ, что нарушало принцип гласности — статья 18 УПК РСФСР.

3. Джемилев поймал судью на том, что он получает записки с указаниями, как вести процесс, т.е. на нарушении статьи 16 УПК РСФСР — принцип независимости суда.

4. Мустафа в судебном заседании не имел адвоката и потому получил право на защитительную речь. Эта всесторонне аргументированная, логичная и высоко эмоциональная речь не оставила камня на камне от обвинения, создававшегося следствием и судом в течение свыше 9 месяцев. В речи доказана неправосудность дела, убедительно показано, что следствие и суд не анализировали факты, а пытались подогнать под статьи Уголовного кодекса вполне законную правовую деятельность, т.е. сами со-

Писатель Алексей КОСТЕРИН.

Васфие ХАИРОВА.

вершили уголовно наказуемые деяния, подпадающие под действие статей 176, 177, 178 УК РСФСР и соответствующих статей УК УзССР. При этом Мустафа нарисовал впечатляющую картину незаконных гонений и бюрократического террора против крымских татар, что стало возможно в результате серьезных нарушений демократических принципов, провозглашенных советской Конституцией.

Всего этого простить Мустафе не могли. Все те преследования, которым он подвергся после отбытия предыдущего трехлетнего срока, и все то, что происходит сейчас, нельзя оценить иначе, как ведомственную месть. И это очень тревожно. В 1972 году Мустафа вышел из лагеря тяжело больным. Во время суда в этом году его здоровье, подорванное борьбой против непрекращающихся незаконных действий, было еще хуже. Сейчас после почти полугодовой голодовки и этапирования в этом состоянии, он, очевидно, совсем плох. Его надо срочно спасать.

Я убедительно прошу Вас и Ваших коллег по Комитету поднять свой авторитетный голос в защиту Мустафы Абдулджемила (Джемилева), за его немедленное освобождение и обеспечение квалифицированной медицинской помощи в домашних условиях.

Настоящее письмо я передаю в Ваше полное распоряжение для использования в целом и по частям в интересах спасения жизни Мустафы.

Андрей Григоренко

Андрей Дмитриевич Сахаров сразу же откликнулся следующим обращением:

В защиту Мустафы Джемилева

Письмо Андрея Григоренко вновь привлекает внимание к трагической борьбе Мустафы Джемилева. Джемилев держит голодовку с момента очередного несправедливого ареста в конце мая этого года. Его здоровье подорвано тюрьмами и лагерями, неоднократными голодовками протеста. Сейчас жизнь замечательного человека, посвятившего себя защите прав многострадального крымско-татарского народа, находится в опасности.

В июне 1974 года я вместе с другими обратился в Международную лигу прав человека, к Генеральному секретарю ООН с просьбой выступить в защиту Мустафы Джемилева. Мне неизвестна какая-либо реакция на это обращение.

Я вновь обращаюсь к господину Курту Вальдхайму. Я обращаюсь к Международной Амнистии, к международным комитетам по защите прав человека, к Международному Красному Кресту, ко всем организациям и частным лицам, озабоченным страданиями людей и защитой справедливости. Выступите в защиту Мустафы Джемилева и прав народа крымских татар. Требуйте от своих правительств решительных действий в интересах гуманности и справедливости.

20 ноября 1974 года

Андрей Сахаров, академик

ХІІІ. КОГДА КОНЧАЕТСЯ ЛАГЕРНЫЙ СРОК?

Вскоре стало известно, что Мустафа прибыл в лагерь на окраине сибирского города Омска (Омск, 644062, Учреждение УХ 16/3-Е). А в начале 1975 года от сокамерников Мустафы до меня стали доходить сведения о том, что ему пытаются сфабриковать новое обвинение. Весной ко мне в руки попал документ, описывающий, какими методами администрация лагеря стряпает новое "дело Джемилева".

Приблизительно в то же время я узнал, что один из ответственных сотрудников Ташкентского КГБ заявил: "Люди, подобные Мустафе Джемилеву, должны находиться либо за решеткой, либо в психбольнице". Одновременно с этим кагебист сказал, что выезжает в Омск для того, чтобы ускорить фабрикацию нового обвинения, как он выразился, "накрутить хвоста" лагерьной администрации.

О наличии у меня этой информации я уведомил администрацию лагеря и самого Мустафу. Мне казалось, что если эта провокационная деятельность не избежит огласки, КГБ не решится на фабрикацию нового дела. Сначала мое предположение, как будто, подтвердилось: Мустафа получил документы для оформления освобождения из лагеря. Однако, когда до освобождения

оставалось два дня, Омская прокуратура произвела обыск на рабочем месте Мустафы и в жилой зоне лагеря. После обыска Джемилев был доставлен в Омскую тюрьму.

21 июня — в день окончания срока заключения Мустафы я достал копию протокола обыска в лагере и узнал о переводе Абдулджемиля в тюрьму. Собрав вместе только что полученные документы и полученные еще весной "Показания" Владимира Дворянского, я обратился снова к академику Сахарову. Вот эти документы:

*В Комитет прав человека
Сахарову А.Д.*

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Полгода тому назад я обращался к Вам с письмом о судьбе одного из выдающихся борцов за права человека в СССР, члена Инициативной группы защиты прав человека в СССР, активного участника движения за права крымско-татарского народа — Мустафы Абдулджемиля (Джемилева). В нем я высказал опасения за жизнь Мустафы и об угрозе продления срока лагерным судом. Сегодня самые худшие мои опасения подтвердились. 19 июня 1975 года ему предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР. В тот же день Мустафа вновь объявил голодовку протеста.

Жизнь Джемилева в опасности!

Власти не могут простить Мустафе его несгибаемости и тех разоблачений, которые были им сделаны ранее и, особенно, на процессе 1970 года. Как мне стало известно, около двух месяцев назад один из сотрудников Ташкентского КГБ заявил, что такие люди как Джемилев должны находиться либо в лагере, либо в психбольнице. И сегодня эта зловеющая угроза претворяется в жизнь.

Методы, при помощи которых фабриковалось новое обвинение, достаточно красноречиво раскрываются прилагаемыми к этому письму документами — это и изъятие всех бумаг у Мустафы, в том числе и писем, прошедших лагерную цензуру, и шантаж сокамерников Мустафы, с целью получить устраивающие КГБ материалы.

Сегодня там, за колючей проволокой, вдалеке от внимания советской и мировой общественности, совершается кровавая

расправа над мужественным и нестигаемым человеком.

Я обращаюсь к Вам и Вашим коллегам по Комитету, людям, неоднократно выступавшим в защиту несправедливо гонимых, поднять голос протеста против незаконного преследования Мустафы Джемилева.

Жизнь Джемилева в опасности!

С искренним уважением —

Андрей Григоренко

21 июня 1975 года

Показания

Я, Дворянский Владимир, 1950 года рождения, уроженец Пахтааральского района Сырдарьинской области УзССР, до октября 1973 года проживал в г. Пскенте Ташкентской области по ул. Навои, 25.

В конце октября 1973 года я выехал в Барнаул к своей сестре, проживающей там со своей семьей, и в ноябре месяце, во время драки, убил человека, оскорбившего достоинство моей сестры, был арестован и приговором нарсуда Октябрьского района г. Барнаула в апреле 1974 года осужден на 10 лет лишения свободы в ИТК строгого режима по ст. 104 УК РСФСР.*

8 мая 1974 года для отбывтия наказания я был доставлен в ИТК III 14/3, расположенный близ г. Барнаула. В связи с резким ухудшением здоровья, вызванной переменной климата, я стал обращаться в санчасть колонии, а также в прокуратуру г. Барнаула и в Управление лагерей Алтайского крайисполкома с просьбой отправить меня для отбывания наказания в один из лагерей, расположенных на территории УзССР. Но просьбы мои отказались удовлетворить, и я объявил голодовку. Через несколько дней меня вызвали к начальнику колонии и уведомили, что моя просьба будет удовлетворена и я буду отправлен в Узбекистан.

* — Статья 103 УК РСФСР предусматривает ответственность за умышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств. Максимальный срок заключения — 10 лет лишения свободы, минимальный — 3 года.

Действительно, через несколько дней меня этапировали, но вместо того, чтобы везти в Узбекистан, привезли в лагерь, расположенный на окраине западносибирского города Омска, — в колонию 16/3, где я сейчас нахожусь. Несмотря на то, что я инвалид второй группы, в лагере заставили выполнять тяжелую работу. Обращения в санчасть и к руководству колонии не дали положительных результатов. Мне просто изменили категорию инвалидности, из второй в третью, и так как я не могу выполнять возложенную на меня работу, дважды сроком на 15 суток водворяли в карцер.

Я продолжал писать в различные инстанции заявления и жалобы с просьбой этапировать меня в Узбекистан. Последняя моя жалоба, написанная в январе 1975 года, была адресована прокурору РСФСР.*

11 февраля в промзоне лагеря, приблизительно в половине двенадцатого, ко мне подошел оперуполномоченный младший лейтенант Якубович и сказал: "Тебя вызывает представитель КГБ и приказал явиться в надзорслужбу промзоны". Через пять минут я был у штаба, где у входа ждал меня Якубович. Он провел меня в комнату надзорслужбы на 1-м этаже. В комнате сидели другой оперуполномоченный колонии лейтенант Руденко и еще один молодой человек в штатском, полный, лет 35, круглолицый, с двойным подбородком, шатен, глаза карие, рост около 165 см. Он назвался сотрудником госбезопасности, фамилию не назвал. Произошел следующий разговор:

— Я приехал по поводу вашего протеста, — сказал сотрудник КГБ.

— Хорошо, — ответил я.

— Вас зовут Володя? Садитесь, закуривайте, — на столе лежала пачка дорогих сигарет.

— Да, — ответил я и закурил.

— И еще мне нужно знать, где проживают ваши родственники.

— Сестра с мужем в Барнауле, отец, мать, жена с дочерью в Пскенте Ташкентской области.

Вмешивается младший лейтенант Якубович:

* — Борис Васильевич Кравцов, назначен 21 января 1971 года (см. "Советская Россия", 22 января 1971 года).

— К вам на свидание приезжала на днях мать и у нее была Барнаульская прописка.

— Мать мне сказала, что разошлась с отцом и переехала к сестре в Барнаул.

— А почему они разошлись?

— Почему они разошлись, я не спрашивал, это ихнее дело, — ответил я.

— Вы писали протест прокурору РСФСР? — спрашивает сотрудник КГБ.

— Да, писал.

— Сможете пересказать содержание устно?

— Да, вкратце.

— Почему вы сравниваете фашистские концентрационные лагеря с советскими колониями?

— В некоторой степени они похожи.

— Чем?

— Загрязнениями и отношением некоторых работников администрации к заключенным.

— Не могли бы вы конкретно сказать, кого из работников администрации вы имеете в виду? — спрашивает оперуполномоченный Руденко.

— Ну, например, капитан Браташ и майор Власенко.

— А что они именно вам сделали, что вы их сравниваете с фашистами? — спрашивает Якубович.

— Я неоднократно обращался к ним по поводу своего здоровья. Мое здоровье резко ухудшилось из-за перемены климата — атрофирование потовых желез, — в результате шелушится все тело. У меня больные легкие, я просил оказать медицинскую помощь и отправить в какой-нибудь лагерь на территории Узбекистана. Я инвалид труда второй группы. Но вместо оказания помощи меня неоднократно сажали в карцер.

Сотрудник КГБ обращается к оперуполномоченным.

— Возьмите это во внимание и разберитесь.

— Разберемся, — отвечает лейтенант Руденко.

Затем, обращаясь ко мне, сотрудник КГБ говорит:

— У нас Советская страна, вы родились и учились в нашем обществе и не должны делать таких выводов. Вы много пишете?

— Да, пишу.

— Как нам известно, вы занимаетесь очень большой рукописью. Что именно вы пишете?

- Конспектирую работы Маркса, Энгельса, Ленина.
- Это неплохо, – затем спрашивает:
- Вы знаете Джемилева Мустафу?
- Да, знаком.
- Как вы с ним познакомились?
- Как земляк с земляком. Я узнал, что этапом прибыл человек из Ташкента, тем более моей крови.
- У вас, кажется, отец тоже крымский татарин? – спрашивает младший лейтенант Якубович.
- Да.
- Сотрудник КГБ:
- Ну, а дальше?
- Я пришел к нему, представился. Так и познакомились. Он единственный земляк в этом лагере. Здесь больше нет никого из Узбекистана. А без земляков в лагере трудно.
- Сотрудник КГБ:
- Вы знаете, что у него имеется связь с границей?
- Нет, не знаю.
- Вы знаете, что письма и телеграммы он получал от Сахарова?
- Не знаю, он меня не информировал.
- Оперуполномоченный Руденко, обращаясь к сотруднику КГБ, говорит:
- Сахаров, кажется, отрекся ведь от своих идей и заявлений?
- Отрекся-то отрекся, – говорит сотрудник КГБ, – но в голове держит то же самое. – Затем, обращаясь ко мне, спрашивает:
- Вы знаете, что у Мустафы есть брат в заключении, сидит за антисвязь* по ст. 190**, он с ним через волю поддерживает связь? Он вам не говорил об этом?
- Не знаю, об этом разговора не было.
- Он вам не говорил о своих связях с зарубежом и что его

* – Так в полученной копии; вероятно следует читать: "антисоветскую".

** – Речь идет о Решате Джемилеве, он был арестован 12 октября 1972 года, осужден Ташкентским городским судом 21 апреля 1973 года на 3 года лагерей строгого режима по ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР и 191-4 и 191-6 УК УзССР (см. "Хроника" №№ 31; 117-118; 32; 31).

родственник находится в США?

— Об этом не говорил.

Вмешивается младший лейтенант Якубович, обращаясь к сотруднику КГБ:

— Джемилев ходит к Федотову. Возможно этот Федотов отправляет письма этому Решату через прапорщиков.

— А решатся или нет прапорщики отправлять письма? — спрашивает у него сотрудник КГБ.

— Могут, не без этого, — отвечает вместо Якубовича лейтенант Руденко.

Вы знаете, кто по национальности Федотов? — спрашивает Якубович меня.

— Не знаю, наверное, русский. Федотов — русская фамилия.

— Да нет, он не русский.

— Вы никогда не слышали от Джемилева имя "Решат"? Это имя вам ничего не говорит? — спрашивает сотрудник КГБ. — Он живет в городе Омске.*

— Нет, не слышал это имя.

— Интересно, что к этому Решату Джемилев пишет другим почерком, чем своим родным, — говорит сотрудник КГБ, обращаясь к оперуполномоченным. Затем спрашивает у меня:

— Вы не замечали, что он меняет свой почерк?

— Нет, не замечал.

— Возможно этот человек их связной, работает в ИТУ Омска, но как это выяснить и узнать? — сотрудник КГБ вопросительно смотрит на меня.

— Я не замечал, что он пишет. Вижу, что на работе он работает над тем, что ему дают.

— А через вас он не отправлял письма? Вы не имеете дело с вольными шоферами?

— Нет, не отправляет.

— Он вроде иностранные языки изучает и владеет несколькими языками. Вы знаете об этом?

— Со мной он всегда разговаривает по-русски.

— А вы сами изучаете иностранный язык?

— В школе изучал английский.

* — Это неправда. Р. Джемилев был направлен в лагерь в Краснодарский край.

— У вас какие отношения с Джемилевым?

— Как говорится "здравствуй — до свидания". Особо близких отношений нет.

— Правильно! Что может быть у вас общего с Джемилевым. Он — закоренелый преступник, враг нашего общества. У него несколько судимостей, а у вас всего лишь вторая судимость. Вы знаете, за что он сейчас сидит?

— Нет, не знаю. Я не спрашивал.

— Он уклонился от воинской службы.

— Наверное, правильно сделал.

— Почему вы так считаете? Ведь долг каждого гражданина защищать родину.

— То есть я хотел сказать, что ему самому виднее, как поступить. Я не знаю подробностей его дела и не могу судить.

— Он не пытался здесь в колонии создать какой-нибудь антисоветский кружок? Поскольку большинство заключенных, как правило, настроены против нашего общества, то он, наверное, пытался сколотить группировку.

— Я не знаю ни про какие кружки.

В разговор вступает Якубович. Обращаясь к сотруднику КГБ, говорит:

— В пятом отряде есть один азербайджанец, может он тоже связан с Джемилевым. — Затем спрашивает у меня:

— Вы, наверное, его видели и знаете?

Сотрудник КГБ:

— Эта нация тоже слабая духом и их легко настроить против нашего общества.

— Видеть-то я его видел, но о его связях с Джемилевым ничего не знаю.

Сотрудник КГБ:

— Вы слышали, что в Ташкенте продают огнестрельное оружие?* Был у вас с Джемилевым разговор на эту тему?

— Я слышал, что там продают огнестрельное оружие, но с Джемилевым разговор об этом совсем не заходил.

Младший лейтенант Якубович, обращаясь к сотруднику КГБ:

* — Имеется в виду нелегальная торговля оружием. Торговля огнестрельным и холодным оружием имеет место во всех крупных городах СССР, но не в одинаковом масштабе.

— У него отец тоже крымский татарин, — затем обратился ко мне:

— Правильно? И живет в Ташкенте.

— Да, правильно, крымский татарин, — ответил я.

Сотрудник КГБ:

— А какой политики придерживается ваш отец? Он имеет связь с границей?

— Наверное, придерживается той политики, которую считает правильной. Связи его с границей я не замечал.

— Вы знаете, что международное положение сейчас смягчилось и что иностранцы стали часто приезжать в СССР?

— Знаю по газетам.

— В дальнейшем будут приезжать еще больше. Им на руку ваши работы и пропаганда. Иностранцы интересуются лагерями в СССР, а вы даете им пищу для подрыва нашего строя.

— Я писал сугубо по своему делу в советские органы.

— Вы знаете? (Он называет нерусскую фамилию, которую я не запоминаю), который живет в Москве? Он единомышленник Сахарова, и Джемилев поддерживает с ним связь тоже.

— Не знаю.

— Кто пишет Джемилеву из Херсона и к кому он пишет? У него есть там кто-нибудь?

— Этого я не знаю. Он мне не читает своих писем.

Младший лейтенант Якубович, не обращая ни к кому персонально:

У Джемилева большая связь с границей и в Советском Союзе.

Сотрудник КГБ:

— Не было ли у вас разговора с Джемилевым о том, что к нему собирается приехать родственник из США? Вы не слышали об этом?

— Не знаю, не слышал.

— Вы не против, если этот наш разговор мы составим письменно и вы распишитесь?

— Достаточно устно.

— Как вы сами вообще смотрите на жизнь? Как вы думаете жить?

— Жизнь сама подскажет дорогу.

- У вас какой срок?
- Десять лет.
- Да, многовато. Пройдет вся жизнь в лагере. Но от вас самого зависит, когда вы освободитесь. И здоровье, говорите, неважно, а?

Младший лейтенант Якубович:

- Если вы, Володя, поможете нам, то и мы вам поможем.

Сотрудник КГБ и лейтенант Руденко кивают головами и говорят: "Конечно, конечно".

- Как и чем я могу вам помочь? — спросил я.

Сотрудник КГБ:

— Вам нужно поближе познакомиться с Джемилевым и постараться узнать о нем все: о его связях с волей, с кем из заключенных он общается, о чем с ними говорит. Может быть узнаете о его зарубежных связях, какие у него планы на будущее. Он не говорил вам, куда собирается ехать после освобождения?

— Нет, не говорил, но наверное поедет домой, не будет же он шататься по Союзу. У него есть семья, родные.

— Да, у него кругом родные! Ну так, как?

— А чем вы мне поможете?

Младший лейтенант Якубович:

— И хорошее, и плохое — все зависит от вас. Ну, хотя бы на первый случай можем удовлетворить вашу просьбу о переводе в лагерь ближе к месту жительства.

— А там дальше видно будет, — добавляет сотрудник КГБ.

— Если вы будете хорошо выполнять наши поручения, вы, конечно, освободитесь намного раньше. Мы еще с вами встретимся и обо всем подробно поговорим. Встретимся?

Я неопределенно пожимаю плечами.

— Встретимся, — заключает сотрудник КГБ, — ну, а если что разузнаете, обращайтесь к ним, — он кивает в сторону оперуполномоченных.

— Да, да! — говорят те.

— Ну, а пока идите, — дружески улыбается сотрудник КГБ. Оперуполномоченный Якубович говорит: "Подождите" и первым выходит сам, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости, потому что никто из заключенных не должен меня видеть, выходящим из этого кабинета.

* * *

Настоящий текст записан мной по памяти через несколько часов после этого "собеседования".

11 февраля 1975 года
Омск, Учреждение УХ 16/3

Подпись —

(Дворянский В.А.)

*Начальнику колонии УХ 16/3
Омского облисполкома
майору Трубникову
от з/к Джемилева Мустафы, ст.199-1
УК УзССР, срок — 1 год*

*Копия: Председателю КГБ при СМ СССР
Ю. Андропову*

15 мая сего года надзиратели и оперработники колонии произвели досмотр моих вещей и изъяли несколько личных писем, бумаг и тетрадей с записями на английском и немецком языках и несколько рукописей на русском языке, тексты которых не содержат в себе какую-либо запрещенную лагерными установками информацию. Изъяты также несколько книг на английском языке советского издания и номеров органа компартии Великобритании — газеты "Морнинг стар", которая, как я полагаю, не может рассматриваться в коммунистической стране как запрещенная литература.

Позднее мне сообщили, что обыск и изъятие бумаг были произведены по распоряжению сотрудника КГБ при СМ УзССР, прибывшего сюда из Ташкента, и сотрудника Омского областного отделения КГБ при СМ СССР старшего лейтенанта Серова. На мое требование составить протокол изъятия бумаг и литературы начальник оперчасти колонии подполковник Ямбатов, которому были переданы все изъятые бумаги, солгал мне, что бумаги изъяты по распоряжению начальника колонии, т.е. по Вашему распоряжению, и будут возвращены через несколько часов. Но прошло уже десять дней, а бумаги и книги все же еще не возвращены.

Мне, конечно, понятны, цели частых визитов в колонию сотрудников КГБ, также цели проводимых ими незаконных допросов заключенных и работников колонии, с которыми мне приходится общаться, о моих политических взглядах. Это является дополнительным подтверждением сделанного мной ранее заявления о том, что обвинение в нарушении ст. 199-1 УК УзССР, по которому я был лишен свободы, является заведомо ложным и сфабрикованным с санкции сотрудников КГБ в порядке очередной расправы за мое участие в национальном движении своего народа за возвращение на Родину и за мои политические взгляды.

Но мне не совсем понятно, почему же администрация колонии, казалось бы, занятая ответственной задачей содержания и перевоспитания правонарушителей, с такой легкостью и рвением бросается выполнять незаконные поручения и распоряжения даже сравнительно мелких чинов КГБ, которые пытаются брать на себя инквизиторские функции контролеров и надсмотрщиков над мыслями и взглядами людей. Неужели их распоряжения и требования для работников колонии имеют более важное значение, чем требования закона?

Ведь согласно закону, если у заключенного изымают какие-то вещи, тем более для передачи в какие-то другие органы, то в обязательном порядке следует составлять протокол изъятия, где эти вещи должны быть подробно описаны и где должны быть указаны мотивы их изъятия. В противном случае это является произволом. Сожалею, что мне приходится напоминать об элементарных правовых истинах, которые Вы, вероятно, знаете отлично сами.

В настоящем заявлении я не останавливаюсь подробно на иных незаконных действиях сотрудников КГБ, которые, как мне стало известно, с помощью оперработников колонии, в частности, при активном участии начальника оперчасти Ямбатрова и младшего лейтенанта Якубовича, развернули вокруг меня чрезмерно бурную провокационную деятельность. Заявление и материалы по этому поводу будут направлены в иные учреждения, так как я не думаю, что Ваше уважение к законам простирается так далеко, чтобы идти на риск конфронтации с сотрудниками столь могущественного органа, как КГБ.

Но я прошу Вас предпринять меры к тому, чтобы были возвращены незаконно изъятые у меня бумаги и литература, а в случае необходимости их изъятия настаиваю, чтобы это было оформлено в соответствии с требованиями закона.

25 мая 1975 года
г. Омск, Учреждение УХ 16/3

(Подпись)

Копия

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Омск, 19 июня 1975 года

Ст. следователь прокуратуры области Гусельникова на основании своего постановления от 19 июня 1975 года с соблюдением требований ст. УПК РСФСР в присутствии понятых:

1. Гаранина Владимира Петровича ИТК-3 отр. № 10.

2. Козлова Александра Дмитриевича ИТК-3 отр. № 5 с участием Джемилева Мустафы произвела обыск на рабочем месте в отделе главного механика промзоны ИТК-3 и в жилой секции отряда № 5 — тумбочки, постельных принадлежностей, постели Джемилева М.

При обыске в жилой секции изъято следующее:

1. Две тетради в желтой обертке с записями на немецком и русском языках.

2. Одна тетрадь в голубой обертке с такими же записями на немецком и русском языках.

3. В голубой корочке ученической тетради полтора листа в клетку, на первой странице на 3-х строках текст выполнен на иностранном языке.

4. На листе серой бумаги на 9-ти строках выполнен текст на иностранном языке.

5. Текст на иностранном языке от 23 мая 1975 года на белом листе.

6. На листе из ученической тетради в клетку, текст на русском языке, подпись Осман, рисунок.

7. На белой бумаге, два листа с текстом на нерусском языке.*
8. Часть листа из ученической тетради в клетку с записью на русском языке.
9. Запись на нерусском языке на листе белой бумаги.
10. Разные записи на нерусском языке на 2-х белых листах.
11. Различные записи на русском языке на 2-х белых листах.
12. Письмо в конверте на нерусском языке на имя Джемилева.
13. Письмо на нерусском языке от Абдурмановой.
14. Открытка Джемилеву на нерусском языке от Амаевой Э.
15. Письмо от Усеиновой А. на русском языке.
16. Копия письма "Дорогие девушки"... "Здравствуй, Эбазер" ...
17. Письмо в конверте от Мустафаева на арабском языке от 10 октября 1974 года.
18. Тот же от 20 декабря 1974 года.
19. Тот же от 27 декабря 1974 года.
20. Письмо от Сеитванова от 2 мая 1974 года.
21. Письмо в конверте от Д.Р. из Самарканда на 1,5 листах в линейку.
22. Письмо от Хаировой В.
23. Открытка от Сеитвелиевой.
24. Письмо на иностранном языке от Абдулаевой.
25. Письмо от 28 из Красногвардейска.
26. Письмо на арабском языке из г. Чирчик от 15 апреля 1975 года.
27. Открытка от 4 мая 1975 года с подписью "Партизаны".
28. Письмо на арабском языке от Джимгалова от 4 апреля 1975 года.
29. Письмо на иностранном языке на одном листе от 16 октября 1974 года из Сырдарьи.
30. Письмо от Алетова И. из г. Сумгаита от 10 января 1975 года на 2-х неполных листах в клетку.

* — По всей вероятности, на одном из языков народов СССР, письменность которых была в тридцатые годы переведена на славянский алфавит, быть может, на крымском. Разделение языков на "иностранные" и "нерусские" довольно типично для советских чиновников.

31. Письмо в международном конверте на иностранном языке на листе в линейку.

32. Поздравительная открытка; начинается словами: "Уважаемый Мустафа (следует непонятное слово) поздравляю тебя с новым годом 1975". Окончание: "... и члены семьи".

33. На белом листе бумаги текст на иностранном языке, начало: "Dorogie devushki ..."

На все изъятые документы фиолетовой пастой, которой пишется данный протокол, проставлены номера по порядку записи в протоколе с 1-го по 33-й и обведены, например: 1, 2 и т.д.

34. Один лист копировальной бумаги, неиспользованный. Обыск продолжен на работе в отделе главного механика.

На рабочем месте ничего не изъято.

Протокол прочитал, записан верно.

От Джемилева поступило заявление, что протестует против изъятия у него всех бумаг, как нарушения его права.

Подпись 1. —

(Гаранин)

Подпись 2. —

(Козлов)

Копию протокола получил —

Джемилев

Ст. сл. —

*Андреев
Гусельникова*

Андрей Дмитриевич Сахаров, как всегда, когда речь идет о насилии сильного над слабым, сразу же решил написать обращение. Одновременно он предложил пока не предавать гласности документы, и снова попытался обратиться к властям. С этим предложением согласился и ряд других людей, неоднократно выступавших в защиту прав человека в СССР, в том числе и я. Андрей Дмитриевич опубликовал следующее заявление:

*Генеральному секретарю ООН
Курту Вальдхайму
Международной Амнистии
Лидерам мусульманских народов
Международной общественности*

Выдающемуся борцу за право крымских татар жить на родной земле Мустафе Абдулджемилю (Джемилеву), находящемуся в Омске в заключении, срок которого должен был окончиться 22 июня, предъявлено новое лагерное обвинение в клевете на советский общественный строй. Защита при лагерном суде невозможна, ему угрожает новый срок, возможно, смерть, так как он тяжело болен и объявил голодовку в знак протеста против произвола. В 1973 году, в аналогичном случае, международная защита спасла Андрея Амальрика. Сегодня я умоляю спасти Джемилева.

27 июня 1975 года

Андрей Сахаров

Тем временем на имя Председателя КГБ была отправлена телеграмма следующего содержания:

Председателю КГБ Ю.В. Андропову

Мы располагаем доказательствами того, что Узбекский КГБ в течение длительного времени (с февраля 1975 года или еще раньше) подготавливал лжесвидетелей для возбуждения нового уголовного дела против заведомо невиновного Мустафы Джемилева, заключенного колонии строгого режима УХ 16/3 (г. Омск). Дело против него было начато 19 июня, за два дня до освобождения. С этого же дня он начал голодовку протеста. При его уже подорванном здоровье не исключен смертельный исход.

Мы просим Вас вмешаться, прекратить это явно провокационное дело и освободить Мустафу Джемилева. Ввиду большой срочности — явная угроза жизни Джемилева — мы просим отве-

тить нам до 8 июля по адресу: Москва В 218 ул. Красикова 19, кв. 86, Великановой Т.М.

1 июля 1975 года

Орлов Ю., Подъяпольский Г., Костерина Е., Григоренко З., Великанова Т., Лавут А.

Отправитель – Ю. Орлов

Однако ответа на телеграмму не последовало ни 8 июля, ни когда-либо позже. В связи с этим все документы, которые ранее я направил А.Д. Сахарову были преданы 9 июля гласности одновременно со следующим заявлением группы московских представителей демократической общественности:

МУСТАФЕ ДЖЕМИЛЕВУ – УГРОЖАЕТ НОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- Мустафа Джемилев** – активный борец за право крымско-татарского народа вернуться на свою родину.
- Мустафа Джемилев** – член Инициативной группы защиты прав человека в СССР.
- Мустафа Джемилев** – находясь в заключении, держит голодовку-протест против фабрикации нового уголовного дела.

Мустафа Джемилев родился в 1943 году, в Крыму в селе Боской. Ему не было года, когда весь крымско-татарский народ насильственно изгнали с родной земли. Не более 20 минут было дано на сборы; везли в запертых товарных вагонах, без воды, пищи, воздуха; вместе – живых и мертвых. Около половины всего народа погибло во время долгого этапа и в первые месяцы поселения на пустынном, необжитом месте. Мустафа и его родители остались живы.

С 1962 года Мустафа Джемилев – активный участник *мирного* движения крымско-татарского народа за возвращение на родину, в Крым.

С этого же времени он – жертва постоянных преследований

со стороны советской администрации. "Материал" для осуществления этих преследований – *заведомо ложные обвинения*.

Полтора года лишения свободы (1966-67 гг.) – *по обвинению* в "уклонении от очередного призыва", *по сути* – за желание вместе со своим народом вернуться в Крым.

Три года лишения свободы (1969-72 гг.) *по обвинению* "в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" – *по сути* за постоянные настойчивые требования вернуть крымско-татарскому народу отнятую у него родину.

Несколько арестов сроком до 15 суток *по обвинению* "в хулиганстве" – *по сути* за попытки попасть на прием в советские правительственные учреждения для передачи заявлений, ходатайств, просьб о возвращении крымских татар в Крым. Последний арест "за хулиганство", 13 мая 1974 года, был совершен после неудавшейся попытки спровоцировать Мустафу на драку, и был превентивной мерой к тридцатилетию выселения крымских татар.

Протестуя против этого незаконного ареста, Мустафа Джемилев держал голодовку, пока на 9-й день его не освободили из-под ареста.

22 июня 1974 года больной Мустафа Джемилев был арестован *по обвинению* в "уклонении от участия в военных сборах" – *по сути* за его настойчивое желание обрести себе и своему народу отнятую Родину.

Престарелые родители Мустафы, отчаявшись, обратились в июле 1974 года с письмом, адресованным в Президиум Верховного Совета СССР, а также "К матерям и отцам, братьям и сестрам, правительствам и парламентам всех стран". Н.В. Подгорного они просили отпустить их сына за пределы СССР; правительства других стран они просили дать убежище их бесконечно преследуемому сыну...

Сам Мустафа, протестуя против незаконного обвинения (его должны были освободить от военных сборов по состоянию здоровья), объявил длительную голодовку. Тем не менее он был осужден на год лишения свободы и отправлен в лагерь, в Омск.

Вскоре вокруг М. Джемилева началась оживленная деятельность КГБ и администрации лагеря: явно готовился "материал" для нового ложного обвинения.

Известно уже немало случаев, когда советские судебные органы начинают "дело" и повторно осуждают человека не за *совершенное им преступление*, а как бы в профилактических целях, лишь предполагая, что данный человек представляет потенциальную опасность для советской идеологии.

Так, например, были сфабрикованы лагерные "дела" Анатолия Марченко, Андрея Амальрика, Владимира Дремлюги, Льва Убожко, основанные на показаниях лжесвидетелей — заключенных, принужденных к показаниям угрозами и посулами. Владимиру Дремлюге грозил и третий срок, его свобода досталась ему ценой покаянной статьи в газете "Советская Якутия".

19 июня 1975 года, за три дня до конца срока, Мустафе Джемилеву было предъявлено новое обвинение — опять в "распространении заведомо ложных измышлений...". Он помещен в тюрьму, его "дело" ведет ст. следователь Омской прокуратуры Гусельникова.

Для создания нового "дела" сотрудники госбезопасности пытались, в частности, привлечь заключенного солагерника М. Джемилева, Владимира Дворянского. Владимир Дворянский не захотел стать провокатором и предателем; свою беседу с представителями администрации он записал и назвал эту запись "Показания". Этот документ удалось переправить за колючую проволоку и он прилагается к настоящему заявлению.

* * *

Лжесвидетели. Лживые обвинительные заключения. Лживые речи прокуроров. Приговор, основанный на лжи.

Весь этот арсенал лжи направлен на то, чтобы заставить замолчать Мустафу Джемилева, заставить всех нас забыть *правду*, правду об изгнании целого народа, а, следовательно, уничтожить мечту этого народа вернуться в родные степи, горы, приморские аулы.

Мустафа Джемилев начал голодовку протеста против заведомо ложного обвинения.

Нельзя предавать забвению страдания целого народа!

Нельзя мириться с ложью! Нельзя дать погибнуть человеку!

Поэтому мы, протестуя против заведомо ложного обвинения

Мустафы Джемилева, обращаемся ко всем тем, кому дороги гражданские, человеческие свободы, кто хочет и может:

Выступите в защиту Мустафы Джемилева,
помешайте совершиться еще одному беззаконию!

9 июля 1975 года

Т. Ходорович, М. Ланда, Г. Подъяпольский, А. Григоренко, И. Якир, И. Каплун, К. Великанова, С. Ходорович, Т. Великанова, Ю. Орлов, З. Григоренко, А. Лавут, Е. Костерина, Л. Алексеева, Н. Лисовская, Л. Терновский

Сам же Мустафа Абдулджемиль, лишенный иных средств бороться против произвола, проводил голодовку протеста. Голодовку он объявил 19 июня 1975 года, в день перевода его в Омскую тюрьму.

Месяцы шли за месяцами, а Мустафа не прекращал голодовки. Многие друзья с большими трудностями передавали ему просьбы о снятии голодовки. Удалось такую просьбу передать Мустафе и мне. Но воля его оставалась непреклонной. Вот что он писал в письме, прорвавшемся на волю из КГБешного застенка:

"Я отказываюсь прекратить голодовку не только в знак протеста, но и в целях защиты от лжесвидетелей. Вы же видите, что им (т.е. КГБ — А.Г.) нечего мне предъявить. А если бы я не объявил голодовку, мне бы подбросили поочередно двух-трех "сокамерников", которые теперь бы свидетельствовали против меня. Я и впредь буду так защищаться. Если мне дадут три года, я буду голодать весь этот срок, чтобы быть до конца в одиночке, без возможных "свидетелей".

Мустафа сумел отправить из Омской следственной тюрьмы письмо своему другу.* Он пишет:

"... Дела у меня, в общем, без особых изменений. 18-го августа осмотрели врачи, данные были такие: пульс — 57, температу-

* — Цитирую по "Хронике текущих событий" № 38.

ра — 35,5 гр.С, давление 90/60, вес 45 кг...

Вообще говорят, что здесь "умирать не дают". Это похоже на правду, потому что в тот же день 18-го августа меня перевели в тюремную больницу, где кроме ежедневных вливаний давали еще инъекции глюкозы и В¹. 26 августа снова перевели в свою камеру в подвал, но 1-го сентября вынуждены были снова забрать в санчасть, потому что очень нехорошо стало с желудком. Продержали там 4 дня и вот сегодня, 5-го сентября, я опять в подвале.

Следственные органы не тревожат.

И еще вот что: 13 августа произошел такой инцидент. В то утро, где-то часа в 3-4 ночи, в камеру вошел начальник тюрьмы подполковник Суров. Он спросил, когда я собираюсь кончать голодовку, и, услышав, что я не собираюсь, набросился с оскорблениями. Говорил, что он узнал, какой я негодяй и антисоветчик, и что наивно думать, будто голодовка поможет мне выйти на свободу. В заключение он осмотрел камеру и, заметив на стенах какие-то надписи, распорядился, чтобы мне выдали щетку с известью, и чтобы я замазал эти записи, хотя он прекрасно видел по характеру записей, что я к ним отношения не имею, и видел также, что я с трудом держусь на ногах.

"Если не подчинится —накажите!" — сказал он дежурному надзирателю. А наказание могло выразиться в том, что у меня отняли бы постель и захлопнули бы откидные нары, так что лежать пришлось бы на мокром цементном полу.

Когда дежурный намекнул ему уже в коридоре, что подобный произвол может вызвать с моей стороны реакцию отчаяния, начальник сказал: "Пусть вешается, это даже лучше!" — Из этого я уяснил себе, что мое самоубийство расценивалось в неких кругах, как самый желательный исход.

Обязательно позвони в Москву и передай мою признательность и привет Сахарову А.Д. и З. Мих-не.

До свиданья, мой друг."

5 сентября 1975 года

Мустафа Джемилев

П.Г. Григоренко просил адвоката Швейского передать Мустафе просьбу всех его друзей — снять голодовку. Мустафа ответил,

что он и сам в принципе против самоистязания, но для него голодовка не только форма протеста, но и защита от возможных новых лжесвидетелей — соседей по камере. Пока он голодает, его держат в одиночной камере.

В середине октября Омский облсуд вернул дело Джемилева на следствие.

4 ноября П.Г. Григоренко обратился с заявлением к Прокурору РСФСР. Он указал, что М. Джемилев содержится в сырой камере, держит голодовку "в знак протеста против необоснованного обвинения и в целях противодействия подсадке к нему лжесвидетелей". Затягивание следствия — это смертельный риск. П.Г. Григоренко просит изменить меру пресечения — заключение — на любую другую, не связанную с лишением свободы. Он выразил готовность поручиться за Джемилева сам или найти других поручителей.

Ответ пришел 24 ноября из Омской прокуратуры — отказ.

В середине ноября мать и брат Мустафы получили свидание. Мустафа был очень слаб, потерял сознание.

29 ноября была устроена пресс-конференция с участием П.Г. Григоренко и сестры Джемилева Васфие Хаировой.

Васфие рассказала, как власти преследуют ее брата начиная с 1966 года. Она сказала: "По нашей просьбе Петр Григорьевич написал в Прокуратуру РСФСР, чтобы Мустафу выпустили до суда на поруки, чтобы мы могли его подкормить." В Прокуратуре РСФСР над ней смеялись: "Если бы мы выпускали голодающих, все бы начали голодать".

Васфие рассказала также, как она ехала в Москву: "В аэропорту меня обыскали. Заявили, что ищут взрывчатку. Я спросила, почему же ищите только у меня, а остальных пропускаете без обыска, но членораздельного ответа не получила. Когда обыскивали мою сумочку, вытащили из нее записную книжку и всю пролистали, перечитывая записи. Я спросила, разве взрывчатку можно вложить в записи этой книжечки. Тоже пробормотали что-то невнятное".

18 декабря в Москве было распространено следующее "Сообщение о Мустафе Джемилеве":*

* — Цитирую по "Хронике текущих событий" № 38.

”Суд над Джемилевым Мустафой был назначен на 17 декабря 1975 года в Омске.

Адвокат Швейский, свидетели защиты и родственники прибыли в суд утром 16 декабря.

Председатель облсуда Аносов Ю.И., он же председатель суда по делу Джемилева М., отсутствовал на работе и явился только к концу рабочего дня. Просьбу адвоката видеть подзащитного для работы не удовлетворил, мотивируя поздним временем. Гарантировал это свидание 17-го утром.

17-го утром секретарем было объявлено о болезни Аносова, увезенного скорой помощью из дома в больницу. Суд откладывается на неопределенное время. Адвокату в свидании с подзащитным отказано.”

Мустафа продолжает голодовку. Сестры видели его при посадке в ”воронку”. Мустафа похож на скелет, обтянутый пленкой. Он стал как бы меньше ростом. Еле ходит.

Секретарь суда иронически спросил сестру Мустафы: ”Вы видели своего Мустафу, маленького, худенького?”

Нам удалось установить, что Аносов утром был в суде. В больницу направлен не был. При повторном запросе по телефону секретарь ответила: ”Аносов срочно заболел”.

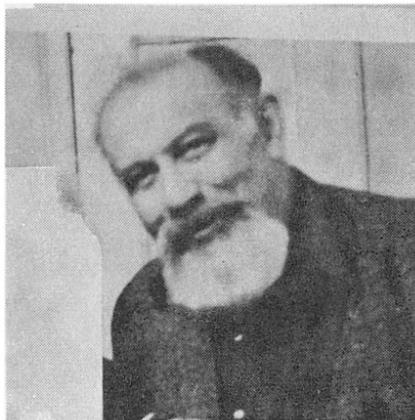
Мы твердо убеждены, что откладывание суда было преднамеренным, заранее подготовленным бюрократическим трюком для того, чтобы лишить Мустафу квалифицированной защиты и присутствия свидетелей защиты.

Поездка на суд для родственников представляет большие материальные траты.

Расчет один: закрытым судом без свидетелей скрыть незаконное, сфабрикованное обвинение от его народа и мировой общественности.

*Джемилев Решат, Хаирова Васфие,
Джемилева Гульзар, Сеферов Энвер,
Кудряшов Анатолий, Пакиз.”*

* * *

Писатель Лев КОПЕЛЕВ

Адвокат Софья КАЛИСТРАТОВА.

950 крымских татар, живущих в Крыму (около 600 человек) и в Узбекистане, подписались под требованием "Свободу Мустафе Джемилеву".

Тем временем слухи о состоянии здоровья Мустафы были все более угрожающими. 3 декабря академик А. Сахаров, мой отец — П. Григоренко, а также ряд других известных участников правозащитного движения в СССР устроили в Москве пресс-конференцию для иностранных журналистов в связи с "делом Джемилева". Участники пресс-конференции сообщили, что Мустафа Абдулджемиль весит всего лишь *тридцать пять килограммов*. Они также просили Генерального Секретаря ООН Курта Вальдхайма содействовать освобождению Джемилева из заключения.*

В конце декабря того же года родственники Мустафы запросили Омское КГБ о состоянии его здоровья. Следователь, ведший дело, на это ответил, что "... Джемилев более не находится в его ведении". Высший суд РСФСР на аналогичный вопрос ответил: "Сведениями по делу Джемилева не располагаем".

6 января 1976 года родственники Мустафы вновь обратились с запросом в Омское КГБ, но в ответ им было заявлено, что дело Мустафы Джемилева не находится ни в Омске, ни в Москве. На законный вопрос: "А где же тогда оно находится и каково состояние Мустафы?", следователь заявил: "Вас это не касается".

На основании этих событий и родственники, и многие друзья Мустафы решили, что он скончался в Омской тюрьме на *седьмом месяце* голодовки. Мать Мустафы тяжело заболела, потрясенная ответами властей.

К счастью, Мустафа оказался жив, несмотря на то, что в это время он балансировал на грани между жизнью и смертью. У него началась атрофия печени, почек, серьезные нарушения сердечной деятельности. В таком состоянии он предстал перед "народным" судом Омской области 14 апреля 1976 года, который многократно откладывался. Вот что пишет по этому поводу "Хроника текущих событий" № 40:**

В сентябре следствие закончилось, и дело было передано в

* — Материалы пресс-конференции см. в Приложении к этой книге.

** — Москва, Самиздат, 20 мая 1976 года, издательство "Хроника", Нью Йорк, 1976 год.

Омский областной суд. В октябре дело отправляется на исследование. На 17 декабря был назначен суд, но в тот же день отложен "из-за внезапной болезни судьи" (Хр. 38).

Еще одна оттяжка.

С 25 декабря по 25 февраля дело находилось на проверке в Верховном суде РСФСР. Родственники Мустафы получили официальное удостоверение этого факта только в марте, в ответе Министерства юстиции на их заявление в адрес XXV съезда. Раньше в Верховном суде отрицали, что дело — у них (Хр. 39); а в Омске судья Аносов подтвердил это устно, но отказался сообщить какие-либо данные об отправке дела, " ... чтобы вы, — сказал он сестре Мустафы, — не могли на меня в Москве ссылаться". В письме из Министерства было сказано, что Омскому облсуду дано указание рассмотреть дело незамедлительно.

Тем не менее, суд был назначен только на 6 апреля, но снова отложен.

Накануне судья сказал брату и сестре Жемилева, что суд состоится, и они вызвали больную мать. Утром 6 апреля приехавшие на процесс супруги Сахаровы вручили Аносову свое заявление: просьбу допустить их в зал суда, Аносов ответил, что заседание будет *закрытым*, согласно решению распорядительного заседания суда от 4 декабря. Он даже полистал том дела и нашел протокол (но не стал его показывать). "Но меня беспокоит отсутствие адвоката, — сказал Аносов, — без него начинать не можем". (Адвокат Швейский остался в Москве, так как накануне поздно вечером кто-то сказал ему по телефону, что суд откладывается).

Родственникам Мустафы, крайне встревоженным новой отсрочкой (шел 10-й месяц голодовки), Аносов предложил либо вызвать Швейского, либо пригласить нового адвоката в Омске. За полчаса, которые понадобились, чтобы дозвониться в Москву и узнать, что Швейский немедленно выедет, ситуация в суде изменилась. Из тюрьмы поступило сообщение, что там объявлен карантин, и Аносов проводит молниеносное заседание:

— Встать. Суд идет. Ввиду карантина доставка подсудимого в суд невозможна. Слушание дела откладывается.

Приехавшие на суд требуют объяснений, но их обступают дружинники и милиционеры: "Освободите кабинет и приемную, не мешайте работать". Параллельно родственников увещевает

появившийся возле кабинета Аносова адвокат — кандидат на "вакансию" защитника Джемилева. Аносов категорически отказывает родным Мустафы в свидании и разрешает только письменные переговоры.

Начальник тюрьмы Суров, доброжелательно беседуя с родственниками, пока они ждали ответа от Мустафы, уверял их, что Джемилев еще крепок: "Я разрешаю ему самому ходить в библиотеку, и он залезает к верхним полкам". Суров объяснил, почему сегодня утром санэпидемстанция предписала объявить карантин. В здании 1 апреля испортилась канализация, в двух-трех камерах была протечка, и при анализе нашли какие-то палочки.

Мустафа написал:

Состояние здоровья довольно терпимое — я все еще могу стоять на ногах, говорить и, кажется, не потерял рассудок — это, видимо, и является причиной бесконечных откладываний процесса. Начальник тюрьмы вчера говорил мне, что суд отложили на 14 апреля — это ему сообщили из суда еще до объявления карантина, так что карантин тут ни при чем.

И далее:

Большой привет Андрею Дмитриевичу, Елене Георгиевне, Петру Григорьевичу, Зинаиде Михайловне, всем друзьям и близким. Ваше внимание и забота обо мне наполняют сердце благодарностью и дают мне силы выдержать все до конца.

(В тот же день в Москве был отложен суд над Твердохлебовым. Канализация в Лефортове работала исправно, но заболел судья — см. настоящий выпуск).

7 апреля адвокат имел свидание с Джемилевым. Карантин был соблюден — на обоих надели белые халаты.

9 апреля адвокат получил телеграмму из облсуда: слушание дела назначено на 14 апреля, суд — *открытый*.

К этому дню в Омск снова съехались друзья и родные Мустафы, всего 16 человек.

XIV. СУД СКОРЫЙ*

Дело слушалось в Омском областном суде 14 и 15 апреля 1976 года. Председательствующий Ю.И. Аносов (председатель облсуда), народные заседатели Колобов и Мечник. Государственный обвинитель — Калуцкий. Защитник — адвокат Швейский (из Москвы).

Джемилев обвинялся по ст. 190-1 УК РСФСР. Он был арестован в лагере (ИТК УХ 16/3, г. Омск) 19 июня 1975 года, за три дня до окончания годового срока заключения за "уклонение от воинских сборов". Со дня ареста держал голодовку, объявленную в знак протеста против спровоцированного дела.

Данное изложение основано на записи рассказов людей, бывших в зале суда, сделанных сразу после судебных заседаний 14 и 15 апреля, т.е. по свежей памяти. Возможные неточности относятся, скорее всего, к порядку следования эпизодов судебного разбирательства, а не к их содержанию. Разумеется, прямая речь не дословна. Судья запретил делать записи, как только заметил, что Васфие что-то пишет, и отобрал написанное.

Зал суда был заполнен задолго до начала заседания людьми, которых провели через задние двери. В 10 часов находившимся в вестибюле у дверей зала родственникам и друзьям Мустафы (среди них были А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр) сказали, что мест нет, пропустят только ближайших родственников. Вошли мать Мустафы Махфуре Мустафаева, сестра Васфие Хаирова, братья Асан и Анафи Джемилевы. Они обнаружили одно свободное место в первом ряду, туда села мать, и два места во втором, на них разместились братья и сестра. Только когда матери стало плохо и она заплакала, с трудом удалось уговорить ее соседей, чтобы они пустили Васфие сесть рядом с матерью.

Оставшиеся за дверьми продолжали настаивать на своем праве присутствовать на открытом суде. Милиция, работники КГБ и, возможно, дружинники начали отталкивать их от дверей зала силой, действуя и руками. В ответ Сахаров и Боннэр удари-

* — Анонимная запись процесса над Мустафой Джемилевым в Омске. Москва, Самиздат. 1976 год.

ли милиционера и человека, назвавшегося потом комендантом суда. Боннэр и еще одну женщину увели. Сахарова и, позднее, Боннэр доставили в милицию (см. также их заявление, сделанное в Москве 16 апреля).

Группе крымских татар, стоявших спокойно у здания суда, кто-то из "штатской" охраны сказал: "Ночью мы с вами иначе поговорим — длинным ножичком".

В суд вызваны переводчица и пять свидетелей: заключенные Дворянский, Соколов (осенью выпущенный из лагеря на вольное поселение) и Федотов, и два сотрудника администрации ИТК. Свидетель Марков (начальник Джемилева по работе в лагере) умер.

Адвокат заявляет три ходатайства:

1. Вызвать 12 свидетелей. В их числе те, чьи письма к Джемилеву в лагерь приобщены к делу: Эбазер, Сеитванов, Эльдар Шабанов, Гулизар Абдуллаева (сестра Мустафы), Решат Джемилев, Алим Муртазаев, Ремзи Аблаев. Вызов некоторых свидетелей мотивируется тем, что нельзя полагаться только на показания Дворянского. На следствии он дал показания против Джемилева, но раньше письменно изложил, как на него оказывалось давление. Это его заявление (от 11 февраля 1975 года) содержит объяснения, противоречащие показаниям на следствии. Оно также имеется в деле (было приобщено по просьбе адвоката).

2. Затребовать из колонии личное дело Дворянского.

3. Затребовать из прокуратуры недостающие листы уголовного дела. Нехватку листов в деле суд обнаружил еще в сентябре и, отправляя дело на следствие, запросил их. Следственный отдел ответил, что изъяты листы, касающиеся только Дворянского и не имеющие значения для дела Джемилева. Содержание этих листов осталось неизвестным.

Джемилев ходатайствует о вызове 15 свидетелей. Его список был передан суду и не зачитывался. Он просит также суд разъяснить, является ли заседание открытым или закрытым. "Если это открытый суд, — сказал он, — то почему зал был заранее заполнен людьми, не имеющими отношения к делу, а мои родственники и друзья остались на улице?" Судья ответил: "Суд открытый. Я не знаю, кто прошел и как прошел, но зал полон, и, если остальных не впустили, то только потому, что мест больше нет."

Васфие: "Нас пропустили по паспортам и всего четырех".

Судья: "Паспорта — это меня не касается. И вас выведу, если вы не согласны и будете шуметь".

Суд совещается и отклоняет все ходатайства защиты и подсудимого.

Оглашается *обвинительное заключение*.

Уголовное дело было заведено на основании заявления Дворянского на имя начальника колонии Трубникова, написанного в мае 1975 года. По показаниям Дворянского Джемилев обвиняется в распространении в устной форме клеветнических измышлений о неравноправии крымских татар. Слова Джемилева не конкретизируются.

По изъятым у Джемилева документам он обвиняется в изготовлении и распространении клеветнических измышлений в письменной форме. Инкриминируются:

1. "Декларация принципов крымско-татарского национального движения".

2. Письмо к Ильми Аметову (было пропущено лагерной цензурой).

Декларация, написанная на русском языке (арабскими буквами) и переведенная на крымско-татарский (латинскими буквами) и на английский язык фигурирует в обвинительном заключении как три документа; ее название варьируется и делаются ссылки то на один, то на другой вариант. По письму, где имеется критика опубликованной в одном журнале статьи Гафарова — несогласие с утверждением статьи, что большинство крымских татар живет сейчас в Крыму и на Украине, Джемилев обвиняется в том, что он выступает против официальных разъяснений по вопросам национальной политики. Как улики используются показания заключенного Соколова о высказываниях Дворянского, свидетельствующих о вредном влиянии на него Джемилева, и письма, поздравительные открытки, полученные Джемилевым в лагере, т.е. прошедшие лагерную цензуру. В письмах встречаются сообщения об ущемлении прав крымских татар, и они трактуются как написанные в националистическом духе под влиянием Джемилева.

Отвечая на вопросы судьи, Джемилев виновным себя не признает.

Обсуждается порядок судебного следствия. Прокурор предлагает сначала допросить подсудимого, потом – свидетелей; адвокат – обратный порядок. Суд удаляется на совещание.

Родственники сначала хорошо видят Мустафу, он иногда привстает. Он – почерневший, при вдохе делает болезненные глотательные движения. Шея перевязана – фурункулез. Потом конвойный загораживает Мустафу, мать и братья просят его подвинуться. В "публике" возмущенные выкрики, капитан, начальник конвоя, говорит: "Пусть стоит так. Я отвечаю за охрану. А вы ведите себя тихо, а то, когда вернется суд, выставим вас".

Вернувшись, судья объявляет, что принято предложение прокурора, но Джемилев отказывается давать показания первым, и начинают с допроса свидетелей.

Владимир Дворянский, 1950 года рождения, русский (по отцу – крымский татарин), заключенный, отбывает срок 10 лет убийство, совершенное в ноябре 1973 года. Познакомился с Джемилевым в лагере, как с земляком (он жил под Ташкентом).

Дворянский на суде заявил, что отказывается от всех показаний, данных на предварительном следствии. Он сказал, что они ложны, его заставили дать их угрозами, он сам не говорил того, что там есть, а подписывал заготовленное. Собственноручные заявления его заставили написать, посадив в изолятор. Судья сказал, что первое его заявление датировано 15 мая, а в изолятор его посадили 16 мая (дата второго заявления). В первом заявлении тоже есть показания, уличающие Джемилева.

"Как же вы говорите, что вас посадили в изолятор за отказ дать показания, удобные органам".

Был зачитан небольшой отрывок из заявления 15 мая. Адвокат сказал, что заявление от 15 мая было на 2-х листах, а заявление, которое цитируется – на 3-х.

Судья спросил, почему он раньше написал все эти показания о Джемилеве, а сейчас отрицает. Дворянский ответил:

"Я сейчас говорю свободно, а там сидело пять человек, трое в штатском. Один из них назвался (кажется, Дворянский назвал его – Серов из УКГБ Омской области), и двое из лагеря. Я все равно сначала отказался писать под их диктовку, тогда меня посадили в ШИЗО. Мне показывали фотографии отца и дочери, говорили: у тебя большой срок, ты можешь их никогда больше не увидеть. Я был в их руках."

Судья: "А сейчас вы считаете, что вышли из этих рук и все отрицаете? Вы дали подписку, за ложные показания получите еще два года."

Дворянский: "Сейчас я говорю правду".

Прокурор спросил, жаловался ли Дворянский на то, что его заставляли давать показания, шантажировали.

Дворянский: "Да, жаловался. Прокурор по надзору сказал мне, что если я откажусь от показаний, то лучше мне покончить с собой."

Дворянский сказал, он сам описал в "Показаниях" беседу 11 февраля и сам отправил их на волю. Здесь Дворянского перебил Джемилев, который заявил, что "Показания" на волю отправил он. Дворянский повторил на суде обстоятельства этой и других бесед с ним. Дворянский рассказал, что на него воздействовали, кроме угроз, посулами. Ему обещали перевод в лагерь в Узбекистан (раньше он просил об этом по состоянию здоровья), досрочное освобождение, устроить без экзаменов в университет на юридический факультет. Беседовали с ним двое из Омского УКГБ (один из них — Серов), и один работник КГБ из Ташкента. Дворянскому представляли Джемилева как ярого антисоветчика, связанного с границей, с Сахаровым, Солженицыным, Григоренко, подрывающими советский строй. В заявлении, написанном в изоляторе, Дворянский повторил все это и что он заблуждался, подпав под влияние Джемилева, но теперь понял, что продолжая вести знакомство с Джемилевым, окажется в лагере врагов советского государства.

Дворянскому задавали много вопросов по его прежним показаниям. Он каждый раз отказывался от них, повторяя, что подписывал это под нажимом.

Вопросы адвоката судья прерывал, называл их наводящими, требовал, чтобы свидетель отвечал только "да" или "нет". Дворянского увели, хотя адвокат просил оставить его в зале. "Надо будет — вызовем", — сказал судья. Допрос Дворянского продолжался более трех часов.

Следующий свидетель — заключенный Соколов, 1942 года рождения, срок — 12 лет, из них 2 года получены уже в лагере. Он отсидел 10 лет, недавно переведен из лагеря на вольное поселение. Из ответа на вопрос адвоката выяснилось, что его выпустили вскоре после дачи показаний по делу Джемилева, в сентябре 1975 года.

Соколов сам с Джемилевым не общался, но слышал о нем от Дворянского, с которым знаком еще по лагерю в Барнауле. Там Дворянский, по словам Соколова, нисколько не интересовался политикой, не читал книг. После знакомства с Мустафой стал много читать, делал какие-то записи. Когда приходил от Мустафы, нес всякую чушь, вел антисоветские разговоры.

”Я ему говорил, — сказал Соколов, — куда это тебя приведет? Ты кончай, иначе тебя к стенке поставят.”

Джемилев задал Соколову вопросы по его показаниям, имеющимся в деле. Выяснилось, что Соколов подсматривал, что пишет Дворянский, некоторые его записи сдал в оперчасть.

”Это что, была Ваша обязанность, — спросил Мустафа, — отнимать написанное и передавать?”

Соколов возмутился: ”Что вы? Что вы? Что я — шпион что ли? Я просто взял и передал. Зачем ты меня мучаешь? Ты же видишь, я весь вспотел.”

Поскольку выяснилось, что записки ”антисоветского содержания”, которые Дворянский делал якобы под влиянием Джемилева, это — конспектирования сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и заметки о прочитанном (возможно, это выяснилось еще при допросе Дворянского). Адвокат предложил запросить библиотечный формуляр Дворянского из прежнего, барнаульского лагеря. На это судья возразил, что библиотечные формуляры 1974 года не сохранились.

Свидетель Анатолий Федотов, 1929 года рождения, заключенный. Когда Джемилев прибыл в лагерь, Федотову, работающему нарядчиком, предложили его в помощники. Мустафа — человек с незаконченным высшим образованием, подходил ему. Он хорошо справлялся с работой, но работали они вместе только несколько дней. Мустафа сказал ему: ”Меня с моей статьей все равно здесь не оставят, и я сам не хочу, совесть не позволяет”. Он объяснил Федотову, что раньше сидел по политической статье, сейчас — за уклонение от воинской обязанности, но фактически опять за убеждения.

Затем были допрошены два свидетеля, работники охраны, участвовавшие в обыске на рабочем месте Джемилева 14 мая 1975 года. По их показаниям, Маркову, начальнику Джемилева, приказали выйти из комнаты, в комнате оставался только Джемилев. Из ящиков, со стола взяли различные бумаги, одну

тетрадь нашли под столом. Что там было — они не знают, некоторые записи были на английском или других языках. Джемилев потребовал составить опись изъятого. Они сказали: "Зачем? Мы при тебе передали все это оперуполномоченному".

Прокурор: Отрицал ли Джемилев, что это его бумаги?

Свидетель: Нет. Он только просил пронумеровать и составить протокол.

Адвокат: Где вы составили протокол?

Свидетель: Акт мы составили в оперчасти. Все передали оперуполномоченному.

Адвокат: Разве вы не знаете порядок производства обыска?

Судья вопрос снял.

Обоих свидетелей оставили в зале. Затем были зачтены, ввиду его смерти, показания Маркова, данные на предварительном следствии.

14 мая его попросили выйти из комнаты, чтобы сделать обыск. Когда он вернулся, увидел стопку бумаг. Содержание их он не знает. Джемилев на работе никогда плохо себя не вел, споров не затевал, претензий по работе к нему не было.

Суд перешел к *допросу подсудимого*.

Джемилев свои показания начал с истории возникновения дела, по которому его судят сейчас. Когда его после осуждения летом 1974 года этапировали в Омск, он почувствовал по действиям работников органов и администрации, что против него заводится дело. Судья перебил его, сказал, что эти его сомнительные соображения к делу не относятся, предложил говорить только по материалам обвинения, в частности, связанным с Дворянским.

Джемилев рассказал, что познакомившись с Дворянским, он узнал, что тот хотел бы выучить крымско-татарский язык, и посоветовал ему выписать русско-турецкий словарь, так как языки похожи. Словарь был прислан, но его долго не отдавали Дворянскому.

Дворянский был в тяжелом положении. У него, больного (без одного легкого) снизили группу инвалидности. Он писал заявления, где жаловался на притеснения. Мустафа говорил ему, что он пишет их в слишком резком тоне, сравнивая советский

лагерь с фашистскими концлагерями. В этом он проявил свою незрелость, вызванную недостатком образования. Разговоров на политические темы они не вели. Мустафа советовал ему больше читать, заниматься, тем более, что он собирался поступать в институт. Мустафа сказал о некоторых конкретных сведениях, имеющихся в показаниях Дворянского, данных на предварительном следствии и в письменных заявлениях и почерпнутых якобы из его, Джемилаева, высказываний в разговорах с Дворянским. От Джемилаева Дворянский якобы узнал, что он связан с Сахаровым, Солженицыным, Григоренко — бывшими белогвардейцами.

”Но, — сказал Джемилаев суду, — Григоренко во времена гражданской войны было 8 лет, а Сахарову и Солженицыну еще меньше”.

Джемилаев, по ”показаниям”, показывал Дворянскому телеграмму от Сахарова, где он спрашивал о состоянии его здоровья. (Об этой телеграмме Дворянского спросили и на суде). Мустафа сказал: ”Нам телеграммы не вручают, а зачитывают, а эта телеграмма была даже адресована не мне, а начальнику колонии. Дворянскому ее показывал сотрудник омского УК ГБ Серов, я узнал о ней от Дворянского.”

Джемилаев восхвалял, как ”показывал” Дворянский крымско-татарского деятеля Гаспринского, пропагандировал его антисоветские и антирусские взгляды. Гаспринский умер в 1914 году. Он просветитель, известный тем, что переводил русскую литературу, издавал газету ”Терджуман” (”Переводчик”).

Джемилаев сказал, что письменный рассказ Дворянского о том, как его вербовали сотрудники КГБ и работники лагерной администрации, он, Джемилаев, сам отправил своим родственникам, чтобы (здесь он ответил на вопрос судьи) защитить себя от готовящейся провокации.

Судья спросил, почему он не давал показаний на предварительном следствии. Ведь он мог сказать следователю Гусельниковой, что показания Дворянского ложны, и следствие занялось бы этим. Мустафа ответил, что он вообще считает Гусельникову уголовным преступником.

Прокурор: Я знаю Гусельникову 15 лет и могу поручиться, что это честный и опытный работник.

Судья: Поручительства здесь и не нужны. Этот вопрос дебатировать мы не будем.

По показаниям Дворянского Джемилеву инкриминировалось, как клеветническое, утверждение, что в нашей стране не решен крымско-татарский национальный вопрос.

”Этот вопрос возник, — сказал Джемилев, — когда весь наш народ выселили в 1944 году”.

Судья перебил его: ”Никакого национального вопроса у нас нет. А в 1944 году весь мир аплодировал победному шествию Красной Армии.

— Победное шествие не исключило депортацию крымско-татарского народа, представители которого тоже внесли свой вклад в победу.

— Но вы знаете мотивы указа 1944 года?

Адвокат: Я думаю, ни судья, ни подсудимый не компетентны обсуждать этот указ. Выселение было признано в 1956 году необоснованным и осуждено.

Джемилев продолжал:

Национальный вопрос всегда официально считался решенным, а тех, кто говорил, что эта проблема существует, изолировали. Но в 1956 году, когда признали, что огульное обвинение было неправильным, тем самым признали, что проблема существовала. Тогда сняли с крымских татар гласный надзор и сказали — теперь вопрос решен. В 1967 году вышел новый указ о крымских татарах, и, значит, признали, что с 1956 по 1967 гг. проблема была. Я считаю, что проблема не решена и сейчас, что вопрос оценки и мое мнение в этом вопросе — не преступление. Для меня, крымского татарина, национальный вопрос будет существовать, пока мы не вернемся на родину.

Судья: Вопрос давно решен.

Судья взял список свидетелей, которых просил вызвать Джемилев и читая фамилии, говорил — вот все они из Крыма.

— Если бы вы их вызвали, то они рассказали бы, какой ценой они оказались там. Сколько лет им приходилось обивать пороги, мытарствоваться, как по много лет они жили без прописки, как их выгоняли. Так вся нация вернуться в Крым не может.

Судья: Меня тоже в Москве не пропишут. И в Омске многие обивают пороги. Существуют же нормы. Это — не национальная проблема.

Джемилев дал показания об изъятой у него ”Декларации”. Он объяснил, что это — черновики, проект, незаконченное изло-

жение его взглядов. "Поскольку для меня национальная проблема существует, я отработывал свои мысли о ней". Это — не три документа, а один — на разных языках. Некоторые различия, которыми пользуется обвинение, считая их за разные тексты, объясняются неточностями перевода. Джемилев спросил переводчицу, присутствовавшую в суде, с какого языка она переводила. Оказалось, что с турецкого (этот текст был написан латинским алфавитом, а не русским, каким сейчас официально пишут по-татарски). Эти языки, хотя и близкие, но значение некоторых слов совсем разное, — сказал Джемилев, — и привел примеры ошибок перевода. Перевод на английский он делал для упражнения в языке.

(На обыске 14 мая было изъято много учебных записей Джемилева по-английски и по-немецки, книги советского издания на английском языке, номера газеты "Морнинг стар", все это он обжаловал в своем заявлении начальнику колонии майору Трубникову, но безрезультатно.)

"Декларация" содержит статью, где говорится, что крымско-татарское национальное движение должно действовать в рамках советской законности, но если советское правительство отказывается решить вопрос, то можно обращаться в международные организации. Джемилев подтвердил, что он так писал. Он действительно считает, что если Советский Союз подписал Декларацию прав человека и другие международные соглашения, то можно требовать их выполнения.

Судья снова сказал, что национальный вопрос у нас решен, и если правительство находит нужным принимать те или иные решения, то это не может обсуждаться в каких-то международных организациях. Обращаться туда — значит клеветать на наш строй.

"Это наши внутренние дела, и мы никому не позволим в них вмешиваться". Судья сослался при этом на выступление (или заявление) Брежнева на Владивостокской встрече.

— И мы не всякие соглашения признаем.

— Имеются в виду те, которые наше правительство подписало.

Согласно еще одному принципу "Декларации" участником движения может быть каждый крымский татарин, независимо от его политических взглядов и места проживания.

Судья: Значит и фашист?

Джемилев: Ну зачем же такие крайности. Конечно, некоторые

оговорки можно было сделать. Но ведь это не окончательный текст.

В "Декларации" употреблено выражение "трагедия крымско-татарского народа".

Судья: Что это за трагедия?

Джемилев: Если для вас выселение целого народа не трагедия, то для меня — это трагедия. Потеря родины, гибель половины всей нации в местах ссылки — это трагедия.

В связи с письмом Джемилева Аметову судья сказал:

Судья: В письме Аметову вы называете статью Гафарова клеветой. Эта статья опубликована издательством "Наука". Вы выступаете против официального советского учреждения.

— Измышление фактов и есть клевета. В статье написано, что крымские татары живут, в основном, в Крыму, а по нашей статистике в 1967-68 гг., после указа, в Крым приехало 12 тысяч человек, а смогли остаться.....

Судья: Чья это "ваша" статистика? Статистику могут вести только государственные органы. Кто вам дал право собирать статистические данные?

— Во всяком случае это не запрещено и не является преступлением.

— Частным лицам перепись производить не разрешается.

Прокурор спросил о "Декларации":

— Вы утверждаете, что это только черновик. Собирались ли вы этот документ закончить и распространить?

— Если бы я его закончил, я бы, возможно, еще с кем-нибудь посоветовался, что-нибудь изменил, и только, если бы решил, что он написан на должном уровне, стал бы с ним знакомить других людей.

Адвокат: Читал кто-нибудь проект "Декларации"?

— Нет. Никто и не мог прочитать, так как она написана на языке, которым никто в лагере не владеет, русский же текст был записан арабскими буквами. Я не хотел, чтобы в таком незаконченном виде это подверглось обсуждению.

В ходе допроса судья беспрестанно перебивал Джемилева, требуя кратких ответов, а не рассуждений: "Вам трибуну дали не для агитации". На одно из таких замечаний Джемилев ответил:

— Кого же агитировать? Здесь публика все ваша, моих родственников всего четверо.

– Я эту публику не знаю, – сказал судья, – они сами пришли.

Допросом подсудимого закончили первый день суда.

На второй день суда, 15 апреля, в начале заседания защитник и подсудимый заявили свои ходатайства. Адвокат просил, в первых, приобщить к делу письмо Дворянского Алиму Музафарову, написанное 13 июля. Дворянский сообщает в этом письме об аресте и голодовке Джемилева и пишет, что есть много документов, показывающих, что арест спровоцирован ложными донесениями. Прокурор сказал, что это письмо касается личных отношений и к делу не относится.

Во-вторых, адвокат просил запросить библиотечный формуляр Дворянского из ИТК в Барнауле, чтобы установить, что он уже там читал те книги, заметки "предосудительного" содержания к которым он делал, согласно обвинению, под влиянием Джемилева (среди них, кажется, была работа Энгельса "О положении рабочего класса в Англии"). Он просил также затребовать из лагерного дела Дворянского его записки (по-видимому, сданные в оперчасть Соколовым).

Джемилев просил вызвать в суд ряд свидетелей:

1. Заключение Сергея Соколов показывал, что Сергеев также слышал антисоветские высказывания Дворянского, вызванные его общением с Джемилевым. Кроме того, Сергеев мог бы сказать, что за человек Соколов. Джемилев указал, что он говорил с Сергеевым и тот выражал желание выступить свидетелем.

2. Кандидата филологических наук Басыра Гафарова, профессора Решида Музафарова (также филолога), писателя Эшрефа Шемьи-заде, которые могли бы дать показания об изучении языка, о литературе и искусстве крымских татар, так как он, Джемилев, обвиняется в клевете по этим вопросам.

3. Решата Джемилева, Айше Сеитмуратову, Розу Амзаеву (Джемилеву), Ремзи Аблаева, Гульнар Сейдалиеву – свидетели по вопросу о прописке крымских татар в Крыму. За этими свидетелями далеко ходить не надо, – сказал Джемилев. – Они здесь.

Ходатайство о письме Дворянского было удовлетворено, остальные суд отклонил. Было сказано, что сам факт существо-

вания профессора или писателя "крымского татарина — доказывает, что никакой дискриминации нет."

Речь гособвинителя, прокурора Калуцкого
(речь произносилась около 40 минут)

Джемилев — аморальный человек и закоренелый преступник. (Прокурор перечислил прежние три судимости). Несмотря на то, что Джемилев отбывал наказания, он не исправился, продолжал измышлять и писать клевету на советский строй.

Джемилев пытался нас убедить, что написанные им документы декларации (число их в речи прокурора так и осталось — три) это только наброски, незаконченные мысли. Но там есть пункт о членстве в организации, значит это уже документ оформленный, готовый к распространению. Он призывает к объединению всех татар, живших ранее в Крыму, в том числе и фашистов. Никакой оговорки, никакого "если", о котором говорил на суде Джемилев, там нет. В этой так называемой "Декларации" Джемилев призывает, если органы власти не выполнят его требований, организовать широкую кампанию протеста, обращаться в международные организации, т.е. призывает к неподчинению и борьбе с советской властью.

Джемилев называет действия советского правительства неправильными, говорит, что в 1944 году была якобы допущена несправедливость. Это — в то время, когда весь мир прославлял победы, одерживаемые советским народом.

Джемилев сознавал, что действует преступно. Он сжевал и пытался проглотить некоторые бумаги. Но ему не дали и текст восстановили.

Письма, написанные Джемилеву в националистическом духе, не ставятся ему в вину. Но они его характеризуют. Ему писали так, отвечая на его письма, т.е. под его влиянием.

Дворянский на предварительном следствии дал правдивые показания, но Джемилев его обработал и потому он на суде от всех своих

Вина Джемилева полностью доказана и показаниями свидетелей, хотя он на суде и старался скрыть правду, и возводил при этом поклеп на следственные органы, на прокурора по надзору,

но по ходу судебного следствия, по показаниям других свидетелей и самого обвиняемого ясно, что его прежние показания были правильными. Они есть в деле и должны учитываться. Джемилев пытался опорочить свидетеля Соколова, но это — честный человек.

Вина Джемилева полностью доказана. Он должен быть наказан по всей строгости закона — 3 годами заключения в ИТК строгого режима. Дворянского следует привлечь к уголовной ответственности за дачу ложных показаний в суде.

Речь защитника, адвоката Швейского

Это — не просто криминальное дело, при его рассмотрении неизбежно возникает вопрос об отношении к национальностям. Национальный вопрос, важный во всех странах, особое значение имеет у нас. Приговор должен быть таким, который бы укреплял дружбу народов нашей страны. У моего подзащитного и у обвинения разные точки зрения на некоторые аспекты национального вопроса. Я не буду здесь отстаивать точку зрения Джемилева, так как окажусь тогда его единомышленником, которым я не являюсь. Но я не могу и встать на точку зрения обвинения, чтобы не оказаться вторым обвинителем.

Основываясь на ст. 51 УПК РСФСР я буду говорить только о правовой стороне документов и фактов, т.е. разбирать, доказывают ли они обвинение в "подготовлении и распространении" заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй.

Обвинение состоит из двух частей: распространение измышлений в устной форме и изготовление их в письменном виде.

Первая часть основана на показаниях Дворянского, данных им на предварительном следствии. С правовой точки зрения важно то, что в этих показаниях говорилось о клеветнических высказываниях Джемилева в общей форме, без конкретизации того, какие именно слова говорил Джемилев, в каких обстоятельствах. Я верю в искренность отказа Дворянского от этих показаний; он подтверждал его письменным заявлением, сделанным в феврале 1975 года. Но рассуждая объективно, надо либо вообще исключить все показания Дворянского, как недостоверные, либо подвергнуть их полному исследованию, включающему

и вопрос о расхождениях в его показаниях и методы исследования.

Свидетель Соколов сам разговоров Джемилева с Дворянским не слышал, он исходит только из слов Дворянского.

Показания свидетеля об обстоятельствах обыска вообще не имеют значения для дела, как и показания свидетеля Федотова.

Вторая часть обвинения. Джемилеву вменяется в вину написание нескольких документов. Доказано ли изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений, "содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный или общественный строй"?

Три документа — это написанная на трех языках — "Декларация". Она не могла распространяться. Никто в лагере не мог ее прочесть, так как она была написана непонятным алфавитом или на непонятном языке. Это нельзя расценивать как намерение скрыть содержание от органов следствия, которым нетрудно перевести или прочесть текст, а только как средство для предупреждения распространения. Ясно, что если бы он хотел распространить этот документ, он написал бы его по-русски. Подзащитный показал, что это незаконченный документ, он отработывал в письменном виде свои мысли.

Мнения Джемилева не совпадают с официальной точкой зрения, он критикует отдельные мероприятия правительства, это не составляет преступления (Швейский цитирует здесь соответствующее положение из статьи или книги Назарова, специально разъясняющей применение статьи 190-1). Каждый человек имеет конституционное право высказывать свои убеждения. Это не попадает под действие УК, хотя мы можем (морально?) осуждать некоторые высказывания. У Джемилева могло быть и неправильное мнение о том, решена ли крымско-татарская проблема. Оно могло сложиться по разным причинам, и, в частности, потому, что он находился в изоляции и не знал истинного положения.

Письмо, начинающееся словами "Мераба..." (Здравствуй), содержит полемику со статьей Гафарова, где написано, что большинство крымских татар живет в Крыму. Джемилев не согласен с этим утверждением и пишет об этом одному человеку — Ильми Аметову. Мы не оцениваем, правильно или неправильно он пи-

АМЗАЕВА (ДЖЕМИЛЕВА) Роза с детьми Эльдаром, Нариманом и Шкури.

**Родители Мустафы АБДУЛДЖЕМИЛЯ
Махфуре и Абдулджемиль МУСТАФАЕВЫ**

шет, это его убеждение и оно никак не может быть признано преступлением.

В октябре суд отправил дело на следствие, так как нашел, что обвинение не конкретизировано, доказательства не полны. Следствие не вскрыло новых фактов. Обвинение не доказано. В действиях Джемилева нет состава преступления. Я прошу суд вынести оправдательный приговор.

(Речь защитника продолжалась около 30 минут).

Мустафа попросил сделать перерыв перед произнесением последнего слова.

Судья: Вы уже достаточно сказали. Говорите по существу дела.

Мустафа: Вы меня неправильно поняли, я прошу сделать перерыв.

Судья: Хотите говорить или нет?

Мустафа (помолчав немного): Придется сказать.

У Мустафы была толстая тетрадь, но говорил он не заглядывая в нее — не дали.

Последнее слово Мустафы Джемилева

— Моя судьба связана с судьбой моего народа, выселенного в 1944 году.

Судья (перебивает): Мы сейчас не судим это.

— Вот уже на трех судебных процессах меня судили за мои убеждения. И независимо от того, доказывалась ли моя вина или нет, я получал максимальный срок. (Судья перебивает, предлагает не обсуждать прежние судимости).

— Вы мне и вчера не давали говорить. Я иду к этому, нынешнему процессу. В 1974 году меня призвали на воинские сборы и, хотя я был болен, комиссия признала меня годным.

Судья: Об этом не нужно, за это вы уже отбыли наказание.

— Я хочу начать с 1974 года, потому что в этом году опять все началось, возбудили дело, сфабрикованное органами.....

Судья перебивает.

Асан крикнул: "Это последнее слово, что же вы перебиваете!"

Судья приказывает Асану выйти из зала и вызывает милиционеров. После того, как вывели Асана, Мустафа сказал несколько

слов. Но в зале стал слышен сильный шум из-за дверей и судья прервал его речь. Васфие крикнула по-татарски:

— Это наши друзья. Самый громкий голос — (по-татарски это сахар). Судья приказал ей выйти "за подсказку".

Васфие: Я не выйду. Это последнее слово, здесь подсказка не нужна.

Она сказала также, что она не нарушила ход суда, т.к. суд в это время не шел. Судья снова приказывает выйти.

Васфие: Я выйду со всем залом вместе. Или выходите вы и выносите приговор в другом месте. Гласность вы все равно не обеспечиваете.

Два милиционера выволакивают Васфие из зала. В это же время из вестибюля, где продолжалась бурная перепалка, Е.Г. Боннэр и Сание силой уводят в милицейскую комнату (под нее заняли комнату адвокатов). А.Д. Сахаров ударил человека в штатском, выкручивавшего руки Васфие, его уводят. Затем из зала выходит мать Мустафы, которой стало плохо. Она кричит по-татарски и по-русски: "Убийцы! Даже последнего слова моему сыну не дали. Он десять месяцев голодает, он не может разговаривать, а вы его перебиваете."

Судья объявляет 15-минутный перерыв.

(Во время перерыва всех выталкивают из вестибюля на улицу. Боннэр и Сахарова уводят в отделение милиции. У Боннэр врач, освидетельствовавший ее по ее просьбе, зафиксировал кровоподтеки.)

После перерыва Васфие (и Асана) в зал не пустили, а мать сама не смогла пойти, чувствуя еще слабость.

Судья перед продолжением последнего слова Мустафы снова предупредил его: "Трибуну вам дали не для того, чтобы агитацию вести."

Мустафа: Вы мне не давали говорить и вчера, а сейчас о какой трибуне может идти речь, если в зале остался один мой брат.

— Я не хотел участвовать в этом процессе, потому что приговоры выносятся заранее. В 1974 году в Гулистане так было — мне дали максимальный срок на суде, где не было даже родственников. Но затем я решил принять участие в процессе, чтобы нельзя было сказать, что я косвенно доказал свою вину, что у меня нет аргументов для опровержения выдвинутых против меня обвинений.

Обвинение и суд строились на показаниях Дворянского. Он здесь отверг их, подписанные в результате шантажа, угроз и посулов. Казалось бы, обвинение должно было этим встревожиться, заняться расследованием этого дела, чтобы не допустить подобных акций в отношении других заключенных. Но для этого надо было бы иметь честность и гражданственность.

Судья: Вы оскорбляете государственного обвинителя.

Мустафа: А меня оскорбил обвинитель — это ничего?

Судья: Вас никто не оскорблял. Я вас предупреждаю еще раз — вы будете лишены слова.

Мустафа: Я убежден, что мне будет вынесен тот приговор, который потребовал обвинитель, потому что для того, чтобы вынести другой приговор, принять во внимание объективные данные, надо иметь совесть и гражданское мужество.

Судья делает замечание за оскорбление суда.

Мустафа: Я понимаю — если они не сделают то, что от них требуется, у них будут неприятности.

Судья: Мы вас лишаем слова.

Мустафа: Я еще два слова скажу. Обвинитель представляет меня как одиночку, делая вид, что никакого движения не существует. Когда я попал сюда в лагерь и старался ни с кем не знакомиться и не навязывал никому своих мыслей, ни с кем не делился своими планами. Но органы решили меня на всякий случай не выпускать. Я понял это, когда начались провокации. У нас свойственно преувеличивать роль личности в истории. Со мной расправляются, думая, что я играю особую роль в движении крымских татар. Но мое место займут другие. Может быть они более правильно поведут себя.

На все время лишения свободы я продолжаю голодовку. Я понимаю, что не увижу больше своих родных и друзей, но иду на эту крайнюю меру, чтобы подобное не повторялось с другими.

Я не жду от суда гуманности. Мне не нужна гуманность, мне нужна справедливость.

Судья объявляет перерыв до 14 часов.

Брат хотел подойти к Мустафе, но его оттолкнули. Проходя мимо Мустафы, он сказал: "Мустафа, не надо этого" (т.е. голодовки). Мустафа ответил: "Прощай, брат".

Приговор

Приговор полностью воспроизводит обвинительное заключение в описании действий Джемилева и доказательств его виновности. В приговоре даже не упомянуто, что по объяснению подсудимого и мнению защиты из четырех документов, инкриминируемых Джемилеву, три являются фактически одной и той же "Декларацией" принципов крымско-татарского национального движения. Оставлена как криминальная и критика статьи Гафарова в письме Ильми Аметову. Как клеветническое фигурирует утверждение, что крымских татар не пускают в Крым. В качестве доказательства указано, что почти все из 15 свидетелей, затребованных Джемилевым, живут в Крыму. Приговор ссылается на показания Дворянского в предварительном следствии. О его отказе от этих показаний записано, что это ложное показание. В доказательство приводится расхождение между показаниями Джемилева и Дворянского о пересылке из лагеря заявления последнего о беседе с ним сотрудника КГБ (каждый из них на суде взял на себя эту пересылку). В приговоре перечислены прежние судимости (это стандартная формула) и записано, что Джемилев не встал на путь исправления.

Джемилев приговорен к двум годам и шести месяцам заключения в ИТК строгого режима с добавлением 3-х дней от последней судимости. "Срок исчисляется от 19 июня 1975 года"

Суд вынес частное определение о возбуждении против В.А. Дворянского уголовного дела за дачу ложных показаний в суде.

XV. ПОСЛЕ СУДА

По окончании суда родственникам Мустафы (всем вместе) дали свидание. Перед свиданием они разговаривали с заместителем начальника тюрьмы Радченко о выходе Мустафы из голодовки, если он согласится прекратить ее. Радченко обещал медицинское наблюдение, диету, тихую камеру, в любое время передачи, включая соки, необходимые для выхода из голодовки.

Свидание шло через двойную стеклянную перегородку. Род-

ственники сказали Мустафе, что все его друзья, и среди них семья Григоренко и семья Сахарова, просят его снять голодовку. Сделано все, чтобы дело стало достоянием гласности. Снятие голодовки облегчит и кассацию. Мать особенно уговаривала Мустафу — за себя и от имени его больного отца.

Мустафа согласился снять голодовку.

Начальник тюрьмы Суров подтвердил обещание Радченко поместить Джемилева по его выбору в одиночную камеру или в камеру с "тихими стариками", а не в обычную, где "уголовщина и возможны всякие эксцессы".

В конце апреля Е.Г. Боннэр получила обратно посылку с соками, отправленную Мустафе, с наклейкой: "Возвращено. Не являетесь родственником". (Такое ограничение не предусмотрено законом и беспрецедентно.)

Есть опасения, что в случае подтверждения приговора в кассационной инстанции, Джемилев возобновит голодовку.

Спустя два дня после суда лауреат Нобелевской премии мира, академик Андрей Сахаров передал по телефону следующее заявление.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Суд в Омске над Мустафой Джемилевым проходил в обстановке вызывающего беззакония. Из 16 родственников и друзей Джемилева на суд были пропущены мать и четверо ближайших родственников, но затем двое из них были удалены из зала за мнимое нарушение порядка. Судья лишил обвиняемого последнего слова. На слушание приговора было допущено лишь двое ближайших родственников. На все время суда была нарушена телефонная связь Омска с Москвой.

Я не буду здесь обсуждать существа судебного дела — судебной расправы над честным и мужественным человеком, стоящим на грани гибели после 10 месяцев голодовки и осужденного на основании показаний единственного свидетеля, отказавшегося на суде от своих, данных под давлением, показаний. Это требует более детального разбора. Но именно в попытках скрыть беззаконие, которое происходило в здании суда, — главная причина всех остальных беззаконий. Я остановлюсь лишь на инциден-

те столкновения моего и моей жены с работниками КГБ, переодетыми в штатское. Это, по-видимому, необходимо, так как в мировой печати допущено много неточностей при обсуждении этого инцидента.

Работники КГБ не пускали в зал заседаний друзей и родственников подсудимого, подобно тому, как это делается на всех политических процессах, применяя при этом грубое физическое насилие. В частности, такое насилие было применено ко мне и моей жене. Я ударил по лицу одного или двух работников КГБ.

Я заявляю, что эти мои ответные действия не носили преднамеренного характера, также как аналогичные действия моей жены. Это была непосредственная реакция на насилие, на издевательства над чувствами друзей и родственников, издевательства над законом, на всю трагическую обстановку этого процесса и других политических процессов в нашей стране.

В отделении милиции я написал заявление, в котором отметил незаконие суда и извинился перед пострадавшим работником милиции, но подчеркнул, что милиция в данном случае стала на сторону нарушителей закона. Моя жена отказалась от каких-либо письменных объяснений.

На другой день после незаконного удаления из зала заседаний суда брата и сестры Джемилева, я и моя жена потребовали прекратить продолжающиеся нарушения и вновь подверглись насилию. Мы были доставлены в отделение милиции, где моя жена потребовала медицинского осмотра, выявившего обширные кровоподтеки — последствия насильственных действий работников КГБ. В милиции к нам относились корректно, вопреки первоначальному сообщению, переданному с искажениями из-за плохой связи из Омска окольным путем.

Я не исключаю, что против меня будет возбуждено уголовное дело. В этом случае суд должен выявить первопричину инцидента, заключающуюся в нарушении законности органами КГБ и судом.

Я заявляю, что два заявления ТАСС, посвященные этому инциденту, абсолютно лживы. Ложь, что мы якобы учинили драку с возмущенными гражданами около здания суда. Но главная ложь — что мы нарушали общественный порядок внутри зала судебного заседания. Мы не могли бы это сделать по той простой

причине, что три шеренги работников КГБ даже близко не подпускали к залу нас и других друзей и родных подсудимого. И в этом суть всего дела.

17 апреля 1976 года

Андрей Сахаров

(Принято по телефону 17 апреля 1976 года)

Это заявление предваряли два сообщения ТАСС (Телеграфное Агентство Советского Союза), распространенные только за пределами СССР.

14 апреля агентство ТАСС распространило сообщение, где говорилось, что супруги Сахаровы ворвались в зал суда в Омске, потребовали освободить им место, а когда их призвали к порядку, ударили милиционера и коменданта суда.

На следующий день появилось еще одно сообщение ТАСС:

Вот как это было

Москва, 16 апреля (ТАСС). Некоторые недобросовестные источники информации распространили версию о том, будто бы в Омске Сахаров и его жена Боннэр подверглись избиению работниками милиции. Мы попросили корреспондента ТАСС в Омске Виктора Лободу сообщить о том, что в действительности произошло. Он сообщил, что распространяемая западными источниками со ссылкой на Боннэр версия об их "избиении" лжива.

15 апреля произошло следующее. Супруги Сахаровы были вызваны в отделение милиции города Омска, где продолжался разбор дела об их хулиганской выходке, совершенной накануне. Однако Сахаров и Боннэр отказались явиться в милицию, нарушая тем самым советские законы. Вместо этого они направились к зданию суда, где слушалось уголовное судебное дело Джемилева. Навстречу Сахарову из здания суда вышли брат и сестра подсудимого, которых председатель суда вынужден был удалить из зала заседаний из-за того, что они мешали ведению судебного процесса, прерывали окриками свидетелей, оскорбляли судей. Джемилевы о чем-то переговорили с Сахаровым, тот подошел к работнику милиции, стоящему у здания, и, ни слова не говоря, ударил его в лицо. Это вызвало возмущение граждан на улице. В ответ на их требование утихомириться, Сахаров и Боннэр учи-

нили драку, на сей раз с гражданами, осуждавшими их поведение.

Представители милиции, разняв дерущихся, пригласили Сахарова, Боннэр и потерпевших в драке советских граждан в отделение милиции, где пострадавшие написали заявление, требуя наказать Сахаровых за хулиганство. Дежурный по отделению составил протокол о случившемся, однако Сахаров и его жена отказались подписать этот документ, а когда их предупредили об уголовной ответственности за хулиганство, они пытались бежать из здания милиции, но были задержаны. После завершения оформления надлежащей документации Сахаров и Боннэр были отпущены, но предупреждены о том, что они своим поведением нарушили советский закон и могут быть привлечены к уголовной ответственности. После этого супружеская чета Сахаровых сочла за благо ретироваться из Омска и первым же самолетом вылетела в Москву.

Оба сообщения в СССР опубликованы не были.

Эти сообщения советской пропагандистской машины удивительно перекликались с распространенными среди крымских татар еще в январе 1976 года листовками и речью прокурора на суде Абдулджемиля. Листовки оказались у многих крымских татар в почтовых ящиках. При этом, как видно из текста листовки, авторы были хорошо осведомлены о материалах "дела Джемилева". Вот текст этой листовки:

Азиз аркъадашлар!!!*

Мы давно знаем, что кое-кто смотрит на наших людей как на "серую массу", которую можно одурманить и сбить с толку. Об этих людях у нас сложилось определенное мнение. Считаем своим долгом поделиться нашими соображениями со своим народом.

В 1968-1970 гг. нашлись такие деятели, как П.Г. Григоренко, И.Я. Габай, Мустафа Джемилев, которые за нас стали думать и решать. Наконец, чтобы приспособить наши умы и дела к своим эгоистическим интересам, они сочинили некий Устав Землячества, отведя в нем для себя руководящую роль. Однако абсурд-

* – Азиз аркъадашлар – дорогие товарищи (крымск.).

ность этой затеи была настолько явной, что ее без лишних разговоров отвергли даже те, на кого эти горе-стратеги возлагали какие-то надежды. Потерпев крах, эти отщепенцы все же не унимались и нашли себе "верных друзей" на Западе. В угоду их вкусам они самонадеянно перекраивали народные документы, не обращая никакого внимания на протесты с мест.

В последнее время А.Д. Сахаров с помощью таких, как М. Джемилев, пытается снова навязать нам что-то похожее на ранее отвергнутое землячество. Ими сочинен проект "Декларации". Как удалось выяснить, второй ее пункт написан примерно так:

"Участниками объединения могут быть сограждане крымско-татарской национальности, независимо от того, в каких странах они проживают, и независимо от политических взглядов".

По этому гнусному замыслу А.Д. Сахарова и М. Джемилева выходит, что Герои Советского Союза Узеир Абдурманов, Сейтнафе Сетвелиев, Абдраим Решитов и другие ветераны, участвовавшие в разгроме фашизма, теперь должны помириться и объединиться с теми, кто ранее боролся с ними на стороне гитлеровских полчищ, напавших на нашу Родину.

Например: с такими, как бывший редактор профашистской газеты "Аза Крым" Мемет Муединов, или бывший ставленник фашистских властей в Крыму Эдиге Кырымал и им подобными, которые живут в других странах и придерживаются противоположных нам политических взглядов.

Все это оскорбительно для нас, советских людей, это неслыханное глумление над светлой памятью героев-партизан Абдулы Дагджи, Алиме Абденановой, погибших смертью храбрых от рук фашистских палачей.

До этих вещей могли додуматься только люди, порвавшие с народом и высокомерно попирающие все то, что для него дорого и свято.

Мы не сомневаемся, что грязная возня отщепенцев вызовет справедливое и суровое осуждение со стороны всего нашего народа.

Представители крымско-татарской интеллигенции

* * *

Реакция советской демократической общественности носила несколько иной характер.

22 апреля писатель Лев Копелев обнародовал статью-обращение "Спаси Мустафу Джемилева". В этой статье он пишет о прежних и о последнем суде над Джемилевым. Он, в частности, заявляет:*

"Чудовищный приговор должен быть отменен, чтобы спасти жизнь Мустафы Джемилева, чтобы избавить всех нас и его соотечественников и сограждан — от позорной вины."

Копелев называет имена людей, осужденных в последние годы "вопреки Конституции СССР", и отмечает, что соблюдение внешних форм правосудия (по сравнению со сталинскими "тройками") не спасает от произвола и беззакония.

"Неужели исполнители репрессий и те пропагандисты, литераторы и прочие, которые пытаются их оправдать, — не понимают, что они доказывают лишь *свое неверие в силы советского государства и в убедительности идей*, якобы ими защищаемых?"

Копелев призывает легальными и мирными средствами добиваться гласности и настоящей свободы слова, требовать амнистии.

"Только так можно воспрепятствовать упрямым "наследникам Сталина", нерадивым и бессовестным чиновникам, нарушать наши гражданские права и подвергать людей страданиям, подобным тем, которые сейчас испытывает Мустафа Джемилев".

* * *

П.Г. Григоренко и А.Д. Сахаров сделали 18 мая заявление,* призывающее защитить Владимира Дворянского. В письме изложена история вовлечения Дворянского — посулами, угрозами, наказаниями — в дело Джемилева в качестве сначала доносчика, а затем — свидетеля.

"Определение суда — расправа за честность, за то, что человек, оболгавший товарища по заключению, раскаялся в содеянном и

* — Цитирую по "Хронике текущих событий" № 40, Самиздат, Москва, 20 мая 1976 года, переиздано издательством "Хроника", Нью Йорк, 1976 год.

нашел мужество сознаться во лжи. Суд хочет создать прецедент расправы над теми, кто не захочет лгать по велению карательных органов. Суд передает беззащитного заключенного в руки тех, кто принудил его к даче нужных следствию ложных показаний. Особенно следует опасаться физической расправы над **Дворянскими** руками уголовников.

Мы призываем защитить **Владимира Дворянского!**"

Сто сорок девять представителей демократической общест-венности СССР подписали следующее заявление:*

В защиту Мустафы Джемилева

Судебный процесс 14-15 апреля 1976 года над Мустафой Джемилевым в г. Омске продемонстрировал циничное пренебрежение законом со стороны властей — даже в пределах тех антиконституционных статей Уголовного кодекса, по которым судят советских инакомыслящих и борцов за гражданские права. Джемилев уже пробыл в лагерях 7 лет. Упорное стремление властей любой ценой продлить его заключение, способы, которыми пытались подготовить лжесвидетельства; бесцеремонность, с которой суд игнорировал указание адвоката на *полное отсутствие состава преступления*, — все это свидетельствует о живучести сталинских методов расправы над неугодными людьми.

После десяти месяцев голодовки-протеста против фальсифицированных обвинений осуждение М. Джемилева на 2,5 года строгого режима может оказаться равнозначным смертному приговору. Мы обращаемся к мировой общественности и, в частности, к мусульманским лидерам с просьбой решительно выступить в защиту Джемилева. Одновременно мы считаем необходимым еще раз привлечь внимание к проблеме крымских татар.

В опасном положении оказался теперь главный и практически единственный свидетель обвинения — заключенный Владимир Дворянский. Он отказался в суде от данных им ранее ложных показаний, несмотря на давление судьи и прокурора. Он заявил, что показания, подписанные им в ходе следствия, были результатом давления и угроз.

* * — Цитирую по "Хронике текущих событий" № 40, Самиздат, Москва, 20 мая 1976 года, переиздано издательством "Хроника", Нью Йорк, 1976 год.

Мы требуем полного пересмотра дела и освобождения Мустафы Джемилева.

* * *

Протест против нового приговора Джемилеву, адресованный партийным и правительственным органам, подписали около 1600 крымских татар, живущих в Средней Азии, и свыше 800 — из Крыма и близлежащих районов.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (глава группы член-корреспондент Армянской академии наук, профессор, доктор Юрий Орлов) составила документ о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта Европейского совещания в "деле Джемилева" (текст этого документа см. приложение к этой книге стр. 197).

Известный советский историк Александр Некрич сделал следующее заявление:

Смеем ли мы молчать?

**Заявление для печати по поводу суда в Омске
над Мустафой Джемилевым**

В Омске только что закончился суд над Мустафой Джемилевым.

Крымский татарин Джемилев отдал многие годы своей жизни борьбе за восстановление гражданских прав крымско-татарского народа и возвращение его на историческую родину в Крым, откуда крымские татары были насильственно депортированы в мае 1944 года. Хотя незаконность этого акта была позднее признана советским правительством и формально права крымских татар были восстановлены, им не дают жить на земле своих отцов.

Джемилев за активность в пользу своего народа неоднократно приговаривался к заключению. Сейчас, накануне истечения срока, он снова был предан суду по обвинению в антисоветской пропаганде.

Ясно, что Джемилева боятся выпустить на свободу.

При судебном разбирательстве в Омске 12-15 апреля 1976 года обвинение против Джемилева рассыпалось в прах: главный свидетель обвинения, сокамерник Джемилева Владимир Дворянский, отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, и заявил, что эти показания он подписал под давлением следователя, которое продолжалось на протяжении целого года. Дворянский сообщил суду ужасающие подробности ведения следствия, и, несмотря на продолжающееся давление, этот 26-летний человек нашел в себе мужество сказать на суде правду. Будем помнить об этом.

Естественно, что и атмосфера вокруг судебного разбирательства в Омске была пронизана духом произвола и человеконенавистничества. Из 16 родственников и друзей Джемилева, приехавших на процесс, допущены были только четверо. Двое из них — брат и сестра обвиняемого — были удалены из зала судом во время последнего слова Джемилева. Прибывшие на суд из Москвы академик Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр не только не были допущены в зал судебного разбирательства, но подверглись оскорблениям и физическому насилию.

Суд, вопреки фактам и попирая элементарные нормы права, вынес Джемилеву обвинительный приговор — 2,5 года лагерей строгого режима.

Этот приговор может стать для Джемилева смертным.

Физическое состояние Джемилева чрезвычайно опасно: у него частичная атрофия печени и тяжелое сердечное заболевание. С июля 1975 года Джемилев держал голодовку и снял ее лишь 15 апреля 1976 года во время суда, по настоянию родных. Он весит сейчас 35 кг.

Спасти его может только немедленное освобождение и экстренные медицинские меры.

Мир уже был свидетелем гибели Галанскова, самоубийства Габая. Тяжело болен находящийся во Владимирской тюрьме Владимир Буковский. Страшна участь тех, кто заключен в "психушки".

Я обращаюсь ко всем людям, считающим себя порядочными:

Не закрывайте глаза на творящиеся произвол и беззакония.

И я спрашиваю вас: "Смеем ли мы молчать?!"

Я обращаюсь прежде всего к своим коллегам, историкам в

СССР и за рубежом, к историкам, которые по своему профессиональному долгу обязаны поддерживать огонь истины, зажженный Прометеем:

Встанем на защиту Джемилева, Буковского, Суперфина, Ковалева и других, томящихся в заключении за свои убеждения. Будем бороться за амнистию политическим заключенным во всем мире, но прежде всего в своей собственной стране. Сегодня нужно спасти Джемилева.

В этом наш долг, человеческий и профессиональный.

И отрешимся от постыдного молчания.

17 апреля 1976 года

24 апреля была обнародована статья писательницы Лидии Корнеевны Чуковской:

Лицо бесчеловечья

14 апреля 1976 года в городе Омске судили Мустафу Джемилева.

Почему в Омске? Потому что последний срок Мустафа отбывал в лагере неподалеку от Омска. Это раз. Потому что Омск — город, представляющий большие удобства для проведения любого открытого суда: он крепко-накрепко закрыт для иностранцев. Это два. Тут, вдали от корреспондентского глаза, сподручнее производить отбор, кого впустить, кого оставить под дверью. Подобная сортировка производится у нас во всех городах, хотя бы и в Москве. Но в Москве шуму не оберешься. А в Омске... Кого там заботит татарин Мустафа Джемилев? Он такой же чужак среди тамошних жителей, как тайге вокруг Омска чужды кипарисы.

Однако в полном беззвучье и безлюдье процесс Мустафы Джемилева провести не удалось — даже в Омске. Недаром четверть своей жизни прожил Джемилев в тюрьме и в лагере (восемь лет, а ему тридцать три). Трижды откладывался суд, и трижды за тысячи километров прилетали в Омск его сородичи и друзья. Прилетели и четвертый — из Узбекистана, с Украины, из Орла, из Москвы — всего 16 человек, но мест для них в зале суда не

нашлось. Сначала не пустили никого, потом только ближайших родных, да и то не на все время суда.

Подумайте сами: к чему вообще родные и друзья подсудимого? Это не та публика, в которой нуждается суд. Отойдите, граждане, не мешайте работать. Граждане, зал не резиновый. На всех не напасешься. Сами видите, сколько народу. (Суд-то ведь у нас не какой-нибудь, а открытый, публичный, как же без публики? Мы закон соблюдаем: заблаговременно с черного хода введена в зал своя родная, особая, отборная публика). Приезжие посидят за дверью. Мать? Ну, мать, пожалуй, пустим. Она, конечно, мать, а мы, конечно, гуманисты. Как же это — мать не пустить? Разве можно? Когда надо — пустим, когда надо — выведем. Ну, ладно уж, братьев и сестру, остальные за дверью. А начнут фордыбачиться — им уготованы синяки и прогулка в милицию: мешают работать суду. Та же заблаговременная публика и руки скрутит, и по коридору проволочит: умельцы, профессионалы, для них это дело привычное.

Почему я пишу о процессе Мустафы Джемилева? Надеюсь ли помочь ему? Нет. Но на этом суде с такой очевидностью являли себя черты бесчеловечья, что не запечатлеть их грешно. Начиная с конца. Священное право каждого подсудимого, кем бы он ни был, — выговорить свое последнее слово, последний раз обратиться к уму и сердцу судей, воззвать к их чувству справедливости, долга и чести. Право подсудимого на последнюю речь, длинную или короткую, охраняется законом во всех странах мира. Охраняется оно и советским законом. На бумаге. В действительности же редко получает подсудимый возможность произнести свою речь до конца, в особенности в тех случаях, когда занят он не опровержением хитро сплетенных кляуз, а обосновывает в последней речи суть своей мысли, причину причин своих действий.

Судья не дал Мустафе Джемилеву произнести последнее слово, а между тем обрывать Мустафу — это не только преступление против закона, но и преступление против человечности.

Джемилев предстал перед судом после десяти месяцев голодовки. "Предстал" тут не совсем уместное обозначение: стоять у него не было сил. Отвечая на вопросы судьи, прокурора, защитника, он кое-как поднимался со скамьи подсудимых, поддерживали его с двух сторон конвоиры. Но еще труднее, чем стоять,

было ему говорить. Он шевелил губами и шелестел. Каждое слово — пытка, физическая пытка, потому что в течение 10 месяцев его, чтобы он не умер от голода, насильно кормили через зонд, а зонд, ежедневно вставляемый в горло, не может не оцарапать гортань. К тому же Мустафа тяжело болен. Болезнь сердца, болезнь желудка, атрофия печени.

А у судьи — атрофия человеческих чувств. Он — тот сытый, который не понимает голодного, тот здоровый, который не понимает больного, тот судья, чье судейское кресло прочно, всеми четырьмя ногами оперто на помост КГБ. Он — тот бесчеловечный, кто способен спокойно оборвать последнее слово подсудимого, зная, что оно, быть может, есть предпоследнее слово, выговариваемое Мустафой на земле.

Не мешайте ему говорить, — просит брат Мустафы. Судья удаляет его из зала, как удалил и сестру, "за нарушение порядка".

Порядка?..

О, когда же наконец в Советском Союзе будет нарушен порядок, позволяющий власти затыкать говорящим рты?

Конституция СССР обеспечивает гражданам свободу слова. Законы тоже обеспечивают, но две формулы, необъятные по своей пустоте и емкости, "антисоветская пропаганда" и "антисоветская клевета", обеспечивают уничтожение этой свободы, да и человека зараз, вне зависимости от того, говорит он правду или лжет. "Что у кого болит, тот о том и говорит". Так, например, у Мустафы Джемилева болит Крым. Он о нем и говорит. Татары, насильственно и бесстыдно высланные в 1944 году из Крыма, желают вернуться в возделанный ими и возлюбленный ими Крым. Почему в мирной речи Джемилева надо непременно расслышать "антисоветскую пропаганду", а не вполне естественный призыв к открытому, громкому, всенародному обсуждению гноящегося, саднящего вопроса? Почему надо непременно загнать боль внутрь, а человека в гроб? Почему вообще каждая работающая мысль, рожденная живою болью, есть антисоветчина? Понятие "антисоветчина" столь же неопределенно, сколь и вместительно. Это воистину ненасытная прорва, пожирающая людские мысли и судьбы, сотни и тысячи чудес — безгласно, бесследно, бесплодно.

Сейчас, кроме судьбы Джемилева, меня заботит судьба еще одного человека, причастного к процессу Мустафы. Фамилия —

Дворянский, возраст — 26 лет. На нем, на его показаниях весь процесс собственно и держался. Дворянский тоже лагерник, но я не знаю даже — уголовник или политический. Его лагерное прошлое неведомо мне, а от предстоящего волосы становятся дыбом.

Джемилаева судили за "антисоветскую пропаганду", которую он будто бы продолжал вести, отбывая срок заключения неподалеку от Омска. Кто слышал от него недозволенные слова? Дворянский. Новое следствие над Джемилевым, уже отбывшим очередной срок, началось, когда до воли ему оставалось три дня. Ворота лагеря откроются перед тобою вот-вот, но напрасно ты считаешь часы, воли тебе не видать, против тебя начато новое дело. Протестуя против этого обдуманного, изощренного издеательства, Джемилев и объявил голодовку.

Не помогло. Его насильно кормили через зонд и 14 апреля, полуживого, привезли в суд. И тут совершилось чудо, иначе свершившееся я назвать не могу. Свидетель Дворянский — тот самый, на чьих показаниях основывается весь затеянный заново суд, — распрямился в полный человеческий рост и в полный человеческий голос заявил суду, что показания его, данные им на следствии против Джемилаева, — ложь. (Так, наверное, человек выходит из укрытия навстречу пулям). Дворянский заявил, что ложные показания на следствии были даны им под давлением. В ход были пущены посулы, карцер, угрозы. Он сопротивлялся, в карцер его таскали пять раз. Дашь показания на Джемилаева — переведем тебя поближе к дому, сократим тебе срок. Не дашь — худо будет и тебе, и семье твоей, пеняй на себя. Вот он и оболгал Джемилаева. А теперь заявляет: ничего порочащего советский строй никогда он от Мустафы не слышал.

Мне не известно, кем Дворянский был ранее, но на суде он повел себя как человек. Доблестный человек. А вел ли себя как человек судья?

Я не юристка, но и не имея юридического образования, на основе простого здравого смысла, я знаю, твердо и точно знаю, что обязан был сделать в этом случае судья.

Немедленно освободить Джемилаева: ведь обвинение-то рухнуло? Немедленно завести уголовное дело против следователей, вымогавших ложные показания у Дворянского.

Но это могло бы произойти в том случае, если бы суд решал

дело по правде и закону. Тогда заявление Дворянского все изменило бы. Суд же решал дело по неправде и беззаконию, а главное — по заранее данному распоряжению свыше.

Видела ли я это распоряжение? Нет, не видела. Таких распоряжений никогда не видит никто. Мы испытываем только их результаты.

Суд вынес приговор Мустафе Джемилеву: два с половиной года исправительно-трудовых лагерей строгого режима за антисоветскую пропаганду. Два с половиной года, да еще три дня, не досиженные трое суток, оставшиеся от предыдущего срока.

Суд вынес также "особое определение" привлечь к уголовной ответственности... кого? вы полагаете — следователей, вымогавших у Дворянского ложные показания? Нет, привлечь к ответственности Дворянского. За что? За дачу ложных показаний. Так. Которых же? Тех, что он дал в лагере? Нет, на суде.

Вот оно — лицо бесчеловечья.

23 апреля 1976 года
Москва

* * *

Известны и другие выступления в защиту Джемилева. Сообщают, в частности, о заявлении на эту тему, подписанном 268-ю крымскими татарами.

В защиту Джемилева выступила также недавно созданная группа содействия соблюдению в СССР положений Заключительного акта Хельсинкского совещания.

18 мая 1976 года иностранным корреспондентам в Москве было вручено заявление бывшего генерала советской армии Петра Григоренко:

Заявление для печати и радио

Движимый чувством глубочайшего возмущения против заведомо несправедливого и жестокого приговора, вынесенного Омским областным судом (15 апреля 1976 года) Мустафе Джемилеву, я считаю своим долгом сделать это заявление.

Мустафа не совершил инкриминируемого ему "преступле-

ния”, и это убедительно доказано на суде. Единственный свидетель обвинения — Дворянский В.А., на показаниях которого, данных на предварительном следствии, и строилось обвинительное заключение, в суде заявил, что его принудили к этим показаниям угрозами и физическим воздействием. Суд, не проверяя этого заявления, объявил его ложным и вынес частное определение о привлечении Дворянского к уголовной ответственности за дачу ложных показаний в суде, а показания, от которых он во всеуслышание отрекся, признал за истину.

В чем же причина столь пристрастных действий суда?

Дело в том, что в данном случае совершался не обычный уголовный суд, а заранее спланированная и хорошо подготовленная расправа над выдающимся представителем одной из малых советских наций, подвергающихся замаскированному геноциду.

Мустафа Абдулджемиль (Джемилев) — не только активный участник крымско-татарского национального движения. Он решительный сторонник соединения этого движения с общедемократическим правозащитным движением в СССР. Он один из членов — основателей Инициативной группы защиты прав человека.

В 1968-69 гг. он завершил исторический труд, в котором глубоко и всесторонне освещены история и масштабы проблемы крымских татар. Этот труд изъят КГБ (видимо, все экземпляры) и не увидел света, а автор арестован и совместно с Ильей Габаем в начале 1970 года предстал перед судом. В своей защитительной речи Мустафа сумел очень четко и красочно изложить основные положения этого труда, характеризующие трагедию крымско-татарского народа. Защитительная речь и последнее слово Мустафы опубликованы вместе с другими материалами Ташкентского процесса (1970 год) над И. Габаем и М. Джемилевым в документальном сборнике “Шесть дней”, который получил широкое распространение в Самиздате. Вот за то, что рассказано в этом сборнике, за правозащитную деятельность и пытаются умертвить Мустафу.

Я хочу, опираясь на исследование Мустафы, рассказать хотя бы в самом кратком изложении о главных, узловых фактах истории крымских татар — народа чрезвычайно трагической судьбы.

Нация крымских татар складывалась в течение многих веков* — медленно и мучительно.

Известно, что уже за десять веков до Р.Х. на Южный берег Крыма прибыли морем и основали свои колонии финикийяне. Через столетие здесь появились греки, которые основали дорический Херсонес и Балаклаву, Поническую Пантикапею (Керчь) и Кафу (Феодосия).

* * *

* — Вопрос о формировании крымских татар, как нации, является до сего дня открытым и спорным. Согласно раскопкам на территории полуострова были стоянки первобытных людей. Согласно эпосу Крыма пришельцы (греки и другие) постоянно враждовали с *горцами*. Наиболее древняя легенда Крыма "О золотой колыбели" относится явно к до христианским и, тем более, до исламским временам. Интересно, что даже в изданных в послевоенное время "Легендах Крыма" (смотри об этой книге сноску на стр. 10) легенда "О золотой колыбели" подверглась не слишком сильным искажениям. Компиляторы этой книги не обратили внимания на слово *горцы*. Ошибка легко объяснима неграмотностью компилятора.

По крымско-татарски слово горды звучит как *крымлы*, то есть жители Крыма. Крым же, по одной из версий, переводится, как горы. Слово *крымлы* употребляется в крымско-татарском языке и как само название народа.

Татары — название, употреблявшееся русскими и украинцами. Лет пятьдесят назад татарами называли также ряд других народов, например, азербайджанцев кавказскими татарами (см. также *сноски* на стр. 7 и 60).

Этимология слова "татары" тоже весьма спорна, особенно с учетом того, что предки татар волжских известны под названием "булгары". Конечно, обе нации, носящие сегодня название татар, являются родственными, так как народы тюркской языковой группы занимают территорию не только Средней Азии и связанного с ней через Калмыкию Среднего и Нижнего Поволжья, но также и Северный Кавказ.

Таким образом Крым оказывается мостом между Кавказом и Поволжьем. (Прим. — А.Г.)

В I веке сюда прибыли римляне, основавшие Ай-Тодор и укрепления над Симеизом. С XII века здесь на короткое время появляются венецианцы, за ними генуэзцы, оставившие свои башни в Балаклаве, Гурзуфе, Судаке, Феодосии. Но все южно-бережные колонисты редко пересекали горный хребет и выходили в глубь полуострова — в степи. Наоборот, из степей волна за волной на Крым накатывались кочевники — киммерийцы, тавры, скифы, аланы, готы, гунны, хазары, печенеги и другие кочевые племена, которые не ограничивались крымской степью, а преодолевали горы и нападали на богатые южнобережные колонии. Но, побеждая, они поддавались воздействию культуры побежденных и смешивались с ними.

С XII века в Крымской степи и на побережье прочно обосновались кочевники-татары, подпавшие затем под власть Турции.*

К XVIII веку они перешли к оседлой жизни и земледелию.

Обосновавшись в Крыму, татары находились в почти непрерывных войнах со своими соседями — с Украиной, Польшей, Россией. Многочисленная татарская конница выплескивалась из Крыма, катилась по землям своих соседей, зорила села и города, истребляла жителей, брала массы пленных, которые впоследствии продавались в рабство. Иногда полчища татар докатывались до Москвы, разрушали и опустошали ее.

Не менее жестокими были и ответные удары Москвы. Во время похода Миниха и князя Долгорукого было дотла сожжено и сравнено с землей свыше тысячи татарских поселений. Сжигалась сплошь и вся степная трава — база татарского скотовод-

* — Крымские ханы находились длительное время в вассальной зависимости от Турции, но постоянно предпринимали попытки добиться полной независимости. Эти попытки в некоторых случаях достигали временного успеха, чему способствовали военные союзы с Польшей и, в еще большей степени, с Украиной. Распад последнего союза сыграл не последнюю роль в утрате независимости как с Крымом, так и Украиной. (Прим. — А.Г.)

ства. Неоднократно разорялась и столица ханства — Бахчисарай.

С 1783 года Крым был завоеван Россией. Завоевание и погромная политика царизма в последующем вызвали массовую эмиграцию крымских татар в Турцию (в Малую Азию и на Балканы). Волны этой эмиграции особенно возрастали после каждой русско-турецкой войны. Люди убегали, бросая все. Дичали сады и виноградники, разрушались фонтаны и ирригация, селения превращались в руины. К севастопольской войне 1854–1855 гг. от более чем миллионного крымско-татарского народа в Крыму оставалось всего около 400.000 человек. И более половины их эмигрировало после этой войны. Опустело 687 селений. В 315 из них не осталось ни одного жителя. Последняя волна эмиграции прокатилась в 1920 году.

Царское правительство рассматривало крымско-татарскую эмиграцию как "благоприятное явление к освобождению края от вредного населения". Вельможа Александра II - Гернгросс называл эмиграцию "счастливым случаем". А ученый Паллас предлагал всех оставшихся крымских татар выселить в Оренбургские степи. Но на это царское правительство не решилось.

То, чего не осмелились сделать царские сатрапы, в одну ночь проделали правители "самой демократической страны в мире".

На рассвете 18 мая 1944 года все крымско-татарские села были оцеплены войсками. В дома врывались автоматчики: "Встать!" — кричали спящим людям. Еще не очнувшихся от сна ставили лицом к стене и объявляли: "20 минут на сборы и выходить!"

То же самое делалось в городах. Там заранее были уточнены адреса всех крымско-татарских семей и в каждую шел вооруженный отряд автоматчиков.

Думаю, все представляют, какой ужас охватил этих несчастных людей, в основном детей, женщин, стариков (взрослые мужчины были на фронте, а многие уже погибли в боях), когда

после такого пробуждения им подали команду: "На кладбище!" Да, да! Какой-то дьявольски изощренный ум придумал назначить сборные пункты именно на кладбищах.

Затем погрузка в скотские вагоны, многодневный путь по железной дороге без еды и организованного питания — в 30-40-градусную жару — и выгрузка в резервациях или, как их называли в СССР, в спецкомендатурах, как правило — в полупустынной голой степи. Люди вымирали в пути и еще больше в резервациях.

Но довольно эмоций. Обратимся к цифрам. Иногда они красноречивее самых эмоциональных фактов.

В ту прохладную ночь и наступивший день 18 мая 1944 года — "Черный день крымско-татарского народа", как называли впоследствии этот день сами крымские татары, в товарные эшелоны было загнано 112078 семей или 423100 человек, из которых 89,5% — женщины и дети. Вообще в эшелонах было половина детей — 200 тысяч. Из них 120 тысяч сироты. Вот с кем воевали "доблестные" войска НКВД, когда отцы и братья этих детей сражались за Родину и 57 тысяч из них погибли в боях, а 80 тысяч и в ту страшную для их народа ночь продолжали выполнять свой воинский долг на фронтах борьбы с фашизмом.

Жуткую трагедию переживали выселенные семьи. Эшелоны медленно продвигались, усеивая свой путь трупами. Затем началась жизнь в пустыне. Лето пронеслось быстро. Пришла голодная зима. Народ, погибавший летом от недоедания, ограниченности воды и плохого ее качества, от желудочно-кишечных заболеваний и непривычного климата, начал гибнуть от голода и холода. Вымирали целыми семьями, люди сходили с ума. Но обратимся еще раз к цифрам. За время нахождения в эшелонах и в первые два года комендантского надзора вымерла почти половина (46.2%) привезенных из Крыма: вывезено было 423100, умерли 195471.

Это был *геноцид* — убийство нации, самое страшное преступление против человечности. Так об этом преступлении и было сказано с трибуны XX съезда КПСС.

Но одно дело произнести слово осуждения, другое — ликвидировать допущенный произвол, наказать виновников. Ни то, ни другое сделано не было. При выселении у крымских татар отобрана личная собственность на 2 млрд. 440,2 млн. рублей (по курсу 1961 года) и коллективная (колхозная) собственность

на 1 млрд. 400,5 млн. рублей. Это был явный грабеж. Никакого, даже частичного возмещения, не произведено.

На сегодняшний день этот многострадальный народ продолжает оставаться лишенным своей национальной территории, языка и культуры. У него нет даже права называться своим именем. Веками существовавшей нации крымских татар в СССР теперь нет. Указ Президиума Верховного Совета СССР (1957 г.), которым с крымских татар сняты политические обвинения, одновременно лишил их своей нации, назвав "гражданами татарской национальности, ранее проживавшими в Крыму". Вот так! Были крымские татары и вдруг исчезли. Этак ведь венгров, если выселить из Венгрии, можно будет назвать "граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Венгрии". А как же быть с тем, что за многие века у крымских татар, как и у венгров, выработался свой собственный генотип? Особенно резко отличаются южнобережные крымские татары — высокие, стройные брюнеты с греческими чертами лица, но только чуть скуластее греков.

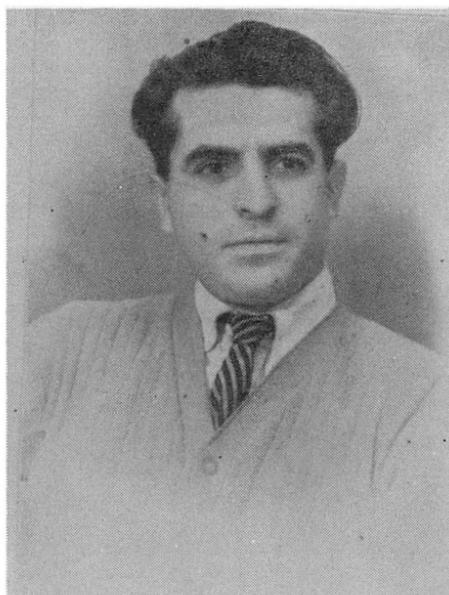
Характерно, что когда в Москве организуются вылавливания представителей крымских татар, приезжающих с народными письмами в центральные учреждения, то московская милиция безошибочно определяет крымских татар по внешнему виду, никогда не смешивая их с другими восточными народами. Я помню лишь один случай, когда среди задержанных оказался один венгр-турист. Но он был так похож на крымского татарина (южнобережного), что задержанным крымским татарам пришлось долго доказывать милиционерскому лейтенанту, что милиция задержала иностранца. Тот все не верил.

Итак, нация без национальной территории, лишенная своего названия, без собственной культуры и языка. Крымский татарин может учиться на русском, узбекском или еще каком угодно языке, кроме своего собственного. Он может жить, где хочет, но не в Крыму. Но это же насильственная ассимиляция, т.е. тот же геноцид, против которого говорилась возмущенная речь на XX съезде КПСС. Нацию продолжают убивать, но только другими методами — путем ассимиляции.

А она умирать не хочет. Она живет и борется за свое возрождение. Специальные выборные от народа вскрывают и обобщают факты произвола властей. В ЦК КПСС уже направлено 207

Генрих АЛТУНЯН.

Решат ДЖЕМИЛІЕВ.

томов документов, показывающих, как подавляется крымско-татарский народ. Специальные уполномоченные производят перепись крымских татар, поскольку официально статистика нацию крымских татар не учитывает. Что же показывают эти переписи? Они свидетельствуют, что нация охраняет сама себя и численно растет. На 1 января 1964 года она достигла довоенной численности — 571100 человек, на 1 января 1975 года ее численность — 838834 человека.

Во второй половине прошлого года нашу страну посетил герцог Люксембургский Жан — глава государства с шестидесяти-тысячным населением. Герцогу была организована торжественная встреча на самом высоком уровне. Его возили по нашей стране, оказывали почести как главе великого государства.

Советские газеты частенько публикуют, как важные, сообщения о рождении новых и годовщинах недавно родившихся государств. Среди них не так много таких, где численность населения перевалила бы за 500 тысяч. Например, в сентябре прошлого года было опубликовано о провозглашении независимости Островов Зеленого Мыса. Население этого государства 250 тысяч.

9 января 1976 года "Правда" опубликовала корреспонденцию о Мальдивских островах. А жителей в этом государстве 120 тысяч.

Наша печать провела широкую кампанию против выселения жителей с острова Диего-Гарсия. А жителей на этом острове было — 1 тысяча человек.

Я говорю это, разумеется, совсем не для того, чтобы взять под сомнение право малых народов на полное уважение. Нет, именно за это. И я искренне возмущен выселением тысячи жителей с острова Диего-Гарсия. Но у меня возникает вопрос, чем объяснить подчеркнутое уважение наших властей к названным выше и другим малым нациям? Что наше государство признает равными все народы, независимо от их численности?

Но тогда почему же 850 тысяч крымских татар не имеют права не только на самостоятельность, но и на автономию и даже на проживание на земле предков?

Или, может, дело в том, что с шестидесятитысячным Люксембургом, который находится под НАТОвским зонтиком, надо в разрядку играть, а 850-тысячному крымско-татарскому народу

можно глотку заткнуть и сказать, что такого народа вообще нет?

Во всяком случае, отношение советского правительства к крымским татарам ни в коей мере не соответствует духу Хельсинки. И народы Европы не должны с этим мириться. Особенно это относится к малым народам. Если они теперь не встанут на защиту крымских татар, то в будущем они сами могут оказаться в сходном положении. Приглянутся, например, кому-нибудь швейцарские горы и долины и появятся вместо швейцарцев немцы, французы, итальянцы, ранее проживавшие в Швейцарии. Для малых народов, особенно расположенных вблизи могучих тоталитарных государств, такая угроза всегда реальна, если они не будут дружно поднимать голос в защиту любой малой нации.

Если же они будут дружны в защите суверенитета малых народов, то достигнут полного успеха. Ведь они — великая сила. Они составляют подавляющее большинство в Организации Объединенных Наций.

Я призываю все народы, но особенно малые нации, потребовать от советского правительства прекратить политику геноцида крымско-татарского народа. Возвратить ему историческую родину, предоставить национальную автономию и возможность компактного расселения.

Естественно было бы ожидать, что эти требования предъявят прежде всего мои соотечественники. Но мой народ, к несчастью, не знает о продолжающемся геноциде по отношению к крымским татарам, советским немцам, месхам (кавказским туркам) и некоторым другим малым народам. А рассказать ему об этом трудно. За это власти жестоко преследуют, как сами эти малые нации, так и тех отдельных представителей других советских народов, которые пытаются оказать помощь подвергающимся геноциду или дискриминации.

В частности, я сам за выступления в защиту крымских татар, советских немцев и месхов был арестован и провел пять лет и два месяца в тюрьме и специальной психиатрической больнице.

За смелые выступления в защиту прав своего народа подвергся жестоким репрессиям и Мустафа Джемилев. Сейчас жизнь его в большой опасности. Он согласился прервать голодовку протеста только на время кассации. Если жестокий и несправедли-

* — См. примечание на стр. 77. (Прим. — А.Г.)

вый приговор будет утвержден Верховным Судом РСФСР, Мустафа снова объявит голодовку. А это для него равносильно смерти. Почти десятимесячная голодовка, которую он прервал 15 апреля, пойдя навстречу мольбам родных, привела к частичной атрофии печени и желудка, к резкому сокращению размеров сердца.

Ясно, что дальнейшее голодание — смерть.

Не допустить этой трагедии, спасти мужественного борца за права малой нации — долг в всех честных людей мира.

Петр Григоренко

*Вручено корреспондентам
на пресс-конференции у А.Д. Сахарова
18 мая 1976 года*

Известны также другие выступления в защиту Мустафы Абдулджемиля как в СССР, так и за его пределами (см., в частности, приложение к этой книге — А.Г.)

Мать Мустафы обратилась с криком о помощи к женщинам мира:

К женщинам мира

Мой сын Мустафа Джемилев осужден в пятый раз. В первый раз без всякого суда он был приговорен со всем нашим крымско-татарским народом к выселению с родины...

С малых лет Мустафа мечтал вместе со своим народом вернуться на родину отцов. Этому он посвятил всю свою жизнь... Я была на заседании суда в Омске..., я сама видела, что все обвинения и весь суд построены на лжи и что единственная цель суда — расправиться с сыном за его любовь к нашему народу.

Ничего, кроме мести, на этом суде не было...

Помогите мне спасти моего сына!

*Махфуре Мустафаева-Джемилева
Узбекская ССР, Сыр-Дарьинская обл.,
г. Гулистан, Октябрьская ул., 16*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

3 октября 1976 года сестра и брат **Мустафы Абдулджемиля** посетили его в лагере, расположенном в Приморском крае, на Дальнем Востоке Советского Союза.

С первого же дня перевода **Мустафы** в лагерь его родственники пытались добиться свидания с ним. Однако долгое время все попытки оставались тщетными. Положение было осложнено и тем, что **Джемилев** находится в лагере, расположенном вблизи советско-китайской границы, в так называемой пограничной зоне. Для проезда в пограничную зону в СССР требуется специальный пропуск, выдаваемый Министерством Внутренних Дел и Управлением Пограничных Войск.

Наконец было получено разрешение посетить **Мустафу** его сестрой **Васфие** и братом **Асаном**.

Васфие и **Асан** прибыли в расположение лагеря № 267 вблизи станции Приморск 3 октября 1976 года.

Перед началом свидания один из офицеров лагерной администрации в звании капитана внутренних войск потребовал у родственников **Мустафы** расписку в том, что у **Джемелева** не имеется претензий к лагерной администрации. Капитан заверил, что только в том случае, если он получит такого рода письменное заявление, **Мустафе** будут переданы привезенные его сестрой и братом продукты питания, сигареты, книги и тетради. **Васфие** и **Асан** были вынуждены принять условия администрации и дали требуемую у них расписку. После получения этих расписок приехавшие были допущены на свидание и заверены, что все привезенное можно будет оставить после свидания.

Во время свидания выяснилось, что расстройство всех жизненно важных функций организма **Мустафы**, вызванное беспримерным по длительности голоданием, достигло катастрофического предела.* Даже ложка жидкого бульона вызывает у него нестерпимые боли, перекашивающие лицо. Все зубы **Мустафы**

* — Наиболее длительной голодовкой до этого была голодовка политического заключенного Владимирской тюрьмы, украинского историка и публициста Валентина Мороза — 6 месяцев. В настоящее время Валентин Мороз находится в лагере.

поражены кариозом, но в этом лагере стоматологическая помощь никому не оказывается за отсутствием специалиста. Прохождение пищи вызывает болезненные, труднопереносимые спазмы желудка, сопровождаемые резкими болями в области печени и почек. Последнее время у Джемилева наблюдается постоянное кровотечение при мочеиспускании. Несмотря на все это медицинская помощь ему не оказывается и его заставляют выходить на работу.

Первоначально свидание было предоставлено на трое суток, но по прошествии двух суток оно было прервано без объяснения причин.

После свидания брат и сестра Мустафы были подвергнуты личному обыску. Их также заставили раздеться догола и провели гинекологический обыск. В завершение этого унижительного досмотра, и вопреки первоначальному обещанию, им было запрещено оставить что-либо из привезенного для передачи.

Таким образом, власти всем своим поведением показали, что они не заинтересованы в выходе Мустафы Абдулджемиля на свободу по окончании этого срока.

Джемилев подал в порядке прокурорского надзора на отмену заведомо неправосудного приговора.

Есть серьезные опасения, что в случае отказа он снова объявит голодовку, которую он уже вряд ли способен выдержать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ № 115 представителей крымско-татарского народа о работе, проделанной ими в г. Москве с 20 ноября 1975 года по 5 декабря 1975 года

Выполняя волю крымско-татарского народа, его полномочные представители привезли в Москву для вручения в ЦК КПСС, Совет Министров, Президиум Верховного Совета СССР, союзные республики, а также в другие центральные органы ряд важных документов. Данная информация также является документом, заверенным подписями трудящихся, крымских татар, скрепляющих данные документы.

В ЦК КПСС на имя предстоящего XXV съезда в составе 207 томов сданы:

**I. Требование, непреклонная воля
крымско-татарского народа
(основной документ)**

Народ, требуя немедленного решения своего национального вопроса, выразил надежду, что руководство партии оценит всю серьезность положения, созданную беспрецедентной оттяжкой решения вопроса и, представляя XXV съезду волю крымско-татарского народа, выступит на съезде с готовым проектом по немедленному восстановлению исторического и революционного статуса нации крымских татар.

II. Исторические справки:

Часть 1. Историческая справка о численности народонаселения Крыма из глубины веков до наших дней.

Часть 2. Историческая справка о мерах и условиях по насильственной ликвидации крымских татар как нации с материалами проведенной в 1973-1974 гг. народом переписи крымских татар, исчисления и учета полного ограбления нации во всех сферах жизни.

По результатам народных переписей 1966, 1971 и 1973-1974 гг, обработанных по единой методике, численность загнанных в эшелоны ночью 18 мая 1944 года крымских татар составляла 112.078 семей или 423.100 человек, из которых 89,5% — женщины и дети. В эшелоны были заключены более 200 тысяч детей, 120.000 из которых — сироты. К этому моменту в борьбе с фашизмом уже погибло свыше 57 тысяч и продолжало сражаться более 80.000 крымских татар старше 18 лет.

Число крымских татар, погибших в системе особого режима комендантского надзора в Уз. ССР — 195.471 человек.

Данные государственной переписи 1970 года отрицают существование крымско-татарского народа и его языка. В этом гробовом молчании "статистики" не только упрятано страшное преступление врагов социализма — гибель 195.471 человека и его отпечаток на возрастную и половую структуру нации крым-

ских татар. Языком цифр материалов государственной переписи провозглашается, что ликвидация малой социалистической нации крымских татар, ее истории, достоинства и революционных завоеваний, ее языка и культуры в социалистическом государстве успешно завершена.

Крымско-татарский народ, проведя в 1973-1974 гг. народную перепись, учет и исчисления и обработав эти материалы и материалы народных переписей 1966 и 1971 гг. по единой методике, языком цифр документально опровергает лживую, провокационную версию о гибели народа и, следовательно, об "успешном завершении" неосоциалистического эксперимента.

Численность всей нации крымских татар, проживавших в Крыму на 18 мая 1944 года, включая сюда 57.217 человек, погибших в борьбе с фашизмом, равнялась 560.000 человек.

Несмотря на гибель 46,2% от высланной (423.100) нации, численность крымских татар составила:

на 1 января 1961 года — 515.097 человек

на 1 января 1964 года — 571.100 человек, т.е. сравнялась с довоенной;

на 1 января 1971 года — 726.626 человек

на 1 января 1975 года — 833.834 человек, в том числе мужчин — 423.707 человек, женщин — 410.127 (1,03 : 1).

Число семей — 212.439. Численность семьи — 3,46.

Если бы не было выселения и "особого режима" комендантского надзора, то численность нации крымских татар при тех же коэффициентах естественного прироста на 1 января 1975 года составила бы 264.681 семью, или — 1.298.523 человека, то есть фактический урон, нанесенный численности нации особым экспериментом, составляет :

$264.681 - 212.199 = 52.482$ семьи, или

$1.298.523 - 833.834 = 464.669$ человек.

Акцией выселения и ликвидации Крымской АССР крымско-татарский народ ограблен: личная собственность трудящихся крымских татар — 2 млрд. 440,2 млн. рублей (по курсу 1961 года), т.е. каждая семья в среднем на 21.8 тыс. руб. Коллективная собственность крымско-татарских колхозов — 1 млрд. 400, 5 млн. рублей.

При выселении у народа захвачено 25 млн. экз. книг стоимостью 18 млн. руб. на родном языке. Стоимость книг, выпущен-

ных на крымско-татарском языке за 30 лет высылки в Уз. ССР — около 130 тыс. руб., в расчете на одного татарина в год составляет 0,7 коп./чел. год.

За три десятилетия ссылки в среднем за год в пересчете на одного человека для крымско-татарского народа издано меньше, чем за тот же период для русского народа по тиражу издаваемых книг — в 506 раз меньше, по числу наименований — в 210 раз меньше, по стоимости всего книжного тиража — в несколько тысяч раз меньше (Справка исторического анализа. О судьбе крымско-татарской литературы. Док. № 7 ист.).

Выселением и ликвидацией Крымской АССР захвачено 640 начальных и 221 средних школ в крымско-татарских колхозах. Вследствие ликвидации системы просвещения и высшего и среднего специального образования на родном языке, крымско-татарский народ за три десятилетия ограблен на 1 млрд. 428 млн рублей, которые через систему просвещения направляются на принудительную русификацию крымских татар.

В состав документа "Исторические справки" (часть 2-я) входят семь актов крымско-татарского народа, составленных им на основании результатов переписи, исчисления и учета 1973-1974 гг.:

Акт 1. О непосредственных исполнителях основной задачи комендантского надзора — гибели 195.471 крымского татарина в системе спецпоселений Уз. ССР.

Акт 2. О захвате национальной территории крымских татар с ее недрами и природными богатствами, о ликвидации социалистической государственности и исторических наименований.

Акт 3. О ликвидации для крымско-татарского народа колхозов, совхозов и захвате коллективной собственности как экономической основы социализма и национального существования.

Акт 4. О захвате личной собственности трудящихся крымских татар.

Акт 5. О ликвидации экономической и социально-политической основы существования и материальных носителей языка, культуры и образования нации крымских татар.

Акт 6. О беспрецедентном вандализме и варварстве — уничтожении кладбищ нации крымских татар. О захвате, уничтожении и утилизации надгробий.

Акт 7. О неошовинистической диверсии против ленинизма.

О литературе клеветы, фальсификации истории, пропаганде межнациональной розни и ликвидации равноправия и существования малых народов.

Акты, историческая справка "Об условиях и мерах по насильственному уничтожению национального существования крымско-татарского народа" составлены на основании:

1. Справок экономического анализа и сводных справок:
 - а) по разряду коллективной собственности народа (№ 1–1с Общ. Соб. – 16–16 с. Общ. Соб.).
 - б) по разряду личной собственности 112.078 семей крымских татар (1–1 с Лич. Соб. – 16–16 с Лич. Соб.).
2. Справок Исторического анализа №№ 1–10 Ист., в том числе:

Документ № 4 Ист. "О территории, границах и столице национального государства крымских татар".

Документ № 6 Ист. "Количество и стоимость надгробных камней на крымско-татарских кладбищах. Площадь и число кладбищ".

Документ № 7 Ист. "О судьбе крымско-татарской литературы".

Документ № 9 Ист. "О размерах бюджетных ассигнований на просвещение, захваченных за три десятилетия ссыльного статуса нации крымских татар по воле и планам неошовинизма".

Документ № 10 Ист. "О погромной неошовинистической литературе, ее истоках и носителях".

Документ "Требование, непреклонная воля крымско-татарского народа" и "Исторические справки" составляют книгу первую тома № 207.

В качестве приложения к 207 тому документов национального движения крымских татар народ направляет фотоэкземпляр документов, сданных в ЦК КПСС за период 1964-1974 гг.

Том 207. Книга II

Обращение крымско-татарского народа к ленинской партии, советскому правительству.

Всенародный запрос крымско-татарского народа.

Запрос-требование крымско-татарского народа о своей национальной судьбе в связи с 50-летием СССР.

Крым — арена разгула великодержавного шовинизма и украинского национализма.

Узбекистан — форпост национальной дискриминации, жестокого преследования и угнетения крымско-татарского народа.

Заявление женщин, молодежи, детей — всего крымско-татарского народа о своем неравноправном положении в семье народов СССР в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Обращение коммунистов крымских татар в Политбюро ЦК КПСС.

Том 207. Книга III

Крымско-татарский народ осуждает "Отзыв" М. Вахабова — подрывную деятельность буржуазной идеологии в национальном вопросе.

Обращение крымско-татарского народа к коммунистическим и рабочим партиям.

Обращение к Президиуму XXIV съезда, ко всем делегатам съезда.

Материалы 207 тома и приложения к нему направляются народом на имя XXV съезда за 20.046 подписями трудящихся крымских татар или по областям: от Ташкентской — 6.520, от Анджанской — 1.480, от Самаркандской — 2.530, от Ферганской — 6.316, от Наманганской — 1.540, от Херсонской и Крымской областей и Аз. ССР — 1.060, от Казахской ССР — 600.

Направляя XXV съезду документы, объединенные 207 томом, крымско-татарский народ требует рассмотрения всех 207 томов материалов национального движения скрепленных более тремя миллионами подписей.

Аналогичные, объединенные в том 208 (книга 1 и 2) материалы за 10.740 подписями крымских татар были предназначены для вручения в ЦК КПСС на имя предстоящих региональных и мировых международных совещаний Братских партий.

Принципиальный характер крымско-татарского вопроса как вопроса о судьбах малых народов в социалистическом государстве и малых государств в системе социализма и во всем мире не оставляет братским компартиям иного вывода, как выступить и добиваться марксистско-ленинского решения этого вопроса.

В Президиум Верховного Совета СССР указанные материалы направлены 209 томом (книга 1 и 2) за 4.482 подписями крымских татар. Народ доверил Президиуму Верховного Совета СССР – государства члена ООН и постоянного члена Совета Безопасности представить Совету Безопасности эти материалы на предмет рассмотрения крымско-татарского вопроса в аспекте восстановления исторического статуса –КВО крымско-татарского народа.

В обращении к Совету Безопасности ООН крымско-татарский народ еще раз подчеркнул тот факт, что удар по ряду малых народов Крыма и Кавказа не диктовался ходом и исходом Второй мировой войны.

Ликвидация коренного на территории Крыма населения – крымских татар как непреложного условия превращения его в стратегический плацдарм экспансии на юг, запад и восток являлась стержнем политики царизма на протяжении всей его истории.

Она составляла программу-минимум германского милитаризма в планах 1-й и 2-й мировых войн в стратегии большой аннексии на Ближний и Средний Восток.

Восстановление исторического статуса – КВО крымско-татарского народа, статуса, гарантированного революцией – таким образом составляет уставной долг Совета Безопасности ООН в его задачах охраны международного мира от аннексий и геноцида.

В ЦК КПСС предназначены также два документа, не вошедшие в тома:

1. Письмо ветеранов Великой Отечественной войны – крымских татар в связи с тридцатилетием победы над фашизмом, в котором ветераны войны требуют ленинского решения национального вопроса крымских татар – 331 подпись.

2. Документ "Дадим отпор расистам", заверенный 598 подписями трудящихся крымских татар г.Маргилана – по поводу бесчинств властей Крыма, чинимого против крымских татар (погромы, выселения, паспортный произвол), фактически превративших национальную родину крымских татар в спецпоселение особого рода, с особым режимом насилия без комендантов и комендатур 40-х годов. Трудящиеся крымские татары заявляют, что они самым решительным образом поддержат протесты

против нарушений социалистической законности, где бы эти нарушения не имели место.

Представителями привезены также более 160 писем трудящихся, которые требуют немедленного решения национального вопроса крымских татар.

Сотрудниками органов КГБ и МВД была установлена слежка за представителями народа. 20 ноября 1975 года в Ташкентском аэропорту был снят с самолета вылетающий в Москву представитель народа Халилов Мустафа.

23 ноября 1975 года все вышеуказанные документы были насильственным путем изъяты сотрудниками органов КГБ и МВД города Москвы из камеры хранения Казанского вокзала.

По поводу совершенной акции представителями народа были направлены телеграммы протеста в Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с требованием передать все документы по назначению и принять решительные меры по отношению к нарушителям социалистической законности.

1 декабря 1975 года представителями народа был вручен в ЦК КПСС дополнительный 210-й том, содержащий документ "Требование, непреклонная воля крымско-татарского народа" с приложениями и с 2.265 подписями трудящихся.

Другие экземпляры этого же документа с приложениями 2 декабря 1975 года были направлены на имя сессии 7-го созыва Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, Союз писателей СССР, Союз журналистов СССР, ЦК ВЛКСМ.

23 ноября 1975 года на Новодевичьем кладбище состоялся митинг, посвященный открытию надгробного памятника славному сыну крымско-татарского народа Дважды Герою Советского Союза, Заслуженному летчику-испытателю, Лауреату государственной премии Аметхану Султану.

Митинг открыл генерал-лейтенант тов. Чанышев.

Тов. Чанышев в своем выступлении ярко осветил заслуги Героя перед народом, партией и правительством. На митинге выступили также представители авиационного института. Памятник возведен за счет средств народа и института.

Данная информация разослана во все места проживания крымских татар, в центральные партийно-государственные инстанции, органы печати и общественности.

Ваши представители: *Османов Мухсин, Меметова Зоре, Хаялиев Нури, Матросов Сергей (Ферганская обл.); Абдураманов Амет, Халилов Мустафа, Сейдаметов Аппаз, Ильясов Умер, Ибрагимов Ибраим (Ташкентская обл.); Дадой Дилляра (Крымская обл.); Велиуллаева Айше, Абдурешитов Аким (Андижанская обл.); Мухтеремов Шевки, Аметов Кадыр (Самаркандская обл.)*

МАТЕРИАЛЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ 3 ДЕКАБРЯ 1975 ГОДА, МОСКВА

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ И РАДИО

В застенках Омской тюрьмы шестой месяц голодает Джемилев Мустафа — мужественный борец за права крымско-татарского народа. Он вынужден был пойти на этот шаг потому, что в советских условиях голодовка — единственный способ протеста против расправы за убеждения, против фабрикации заведомо ложного обвинения.

Столь длительная голодовка опасна для жизни любого человека. Для Мустафы опасность усугублена тем, что организм его ослаблен многими годами тюрем и лагерей строгого режима. Он исхудал до скелетного состояния, сердце работает с перебойми, часто теряет сознание.

Родители и наша семья обращались в прокуратуру РСФСР с просьбой отпустить М. Джемилева, до суда, на поруки. Ответа фактически нет. Есть отписка о перефутболивании нашего заявления в Омскую прокуратуру. А она отказывает.

Это вынуждает нас просить мировую общественность поднять голос протеста против настойчивого стремления властей умертвить честного и мужественного человека.

Кто же такой Мустафа Джемилев?

Он человек необычно трагической судьбы. В возрасте одного года (18 мая 1944 года) его вместе с семьей и всем крымско-татарским народом обвинили в "измене родине" и, вытащив ночью из постельки, бросили в грузовик и депортировали из Крыма в Среднюю Азию. Детство и юность прошли в резервации — в голоде и унижениях. В 19 лет Мустафе удается, благодаря незаурядным способностям, поступить в институт, но не надолго. За участие в национальном движении своего народа его исключают с третьего курса. А вскоре после этого (1966 год) арест и приговор — "за уклонение от призыва в армию" — 1,5 года лагерей. Не прошло и трех лет после освобождения и снова арест. По стандартному обвинению — "за клеветнические из-

мышления, порочащие советский общественный и государственный строй” — 3 года лагеря строгого режима. Отбыл и этот срок. Неполный год свободы и снова арест. Теперь ”за уклонение от явки на воинские сборы”, т.е., по сути, за то же самое, за что осуждался в 1966 году. Приговор — год лагеря строгого режима. За два дня до выхода на свободу снова предъявлено стандартное обвинение — ”клеветнические измышления”

И опять тюрьма, следствие, голодовка. Власти объявили Мустафу опасным для них человеком, которого, по словам сотрудника Узбекского КГБ ”... надо всегда держать в тюрьме, лагере или спецпсихбольнице”.

Но Джемилев не преступник!

Он верный сын многострадального крымско-татарского народа, борец за восстановление его поправных прав. Мы, его родные и друзья, знаем Мустафу как мягкого, чуткого, отзывчивого на чужую боль и страдание, благородного человека широкого кругозора, талантливого историка и общественного деятеля. Его научный труд ”История Крымско-татарского народа”, написанный в короткие промежутки между лагерными сроками, является выдающимся произведением научного и общественного значения. Узбекское КГБ устроило настоящую облаву на этот труд и мы не знаем, сохранился ли на свободе хоть один экземпляр. К счастью, в Самиздате обращается книга ”Шесть дней” — о суде над Ильей Габаем и Мустафой Джемилевым в 1970 году. Мустафа защищался без адвоката. В его защитительной речи и последнем слове дан на основе краткого изложения содержания ”Истории” блестящий анализ исторического прошлого народа, разоблачены политика геноцида и судебный произвол.

Как фабриковалось дело?

За пять месяцев до окончания срока заключения Джемилева (февраль 1974 года), в лагерь, где он содержался, прибыл представитель узбекского КГБ. Именно ему принадлежит приведенное выше изречение (”Мустафу нельзя выпускать на свободу”...), с которого и началась фабрикация ”дела М. Джемилева”. Прежде всего занялись поисками лжесвидетелей. Один из них — Дворянский В.А. рассказал Мустафе о своей первой беседе с лагерной администрацией и представителем КГБ. Дворян-

скому предложили ряд льгот — перевод в лагерь с более благоприятным климатом, сокращение срока наказания — за то, что он даст компрометирующие материалы на М. Джемилева. По совету Мустафы Дворянский собственноручно записал эту беседу, подписал и переправил ее на свободу. На предыдущей пресс-конференции эта запись предъявлялась корреспондентам.

Сейчас в обвинительном заключении обвинение основывается на показаниях Дворянского о якобы клеветнических высказываниях Джемилева. Какие методы "убеждения" применили к нему следователи, мы не знаем, но ясно, что человек, показывающий в феврале одно, а через полгода — противоположное, человек бесчестный. И вот на показаниях этого бесчестного человека строится обвинение.

Три месяца длилось только официальное следствие. Сколько времени до того велась фабрикация лжеобвинений, нам сказать трудно. Мы только знаем, что в итоге — провал. Даже в преступном мире не нашлось охотников, кроме Дворянского, заслуживать себе льготы клеветой на лагерного сотоварища. Суд не смог принять дело к производству и возвратил его на доследование. В советских судах подобное происходит, лишь когда дело слишком уж явно "шито белыми нитками". Обычно это дипломатическое предложение следствию прекратить дело. Но здесь, очевидно, очень сильная рука давит на следствие и оно, продержав дело у себя месяц, возвращает его в суд, по сути, в том же виде. Это означает, что фактически доказательств вины Мустафы суду не представлено. Что никаких действительных преступлений он не совершал, нам было ясно и до того. Но на него не сумели собрать даже сколь-нибудь убедительных фальсифицированных материалов.

За что же его будут судить фактически?

Два решающих обстоятельства дают на власти, которые принуждают суд на вынесение неправосудного приговора.

*А. Начавшееся оживление
крымско-татарского национального движения*

После жестоких ударов, нанесенных этому движению в 1968-1969 гг., активность его резко снизилась. Но в последнее время началось оживление. В преддверии 25-го съезда КПСС проснулись несбыточные надежды на то, что "Ленинская партия вернет национальную родину".

Снова пишутся коленопреклоненные письма-прошения, собираются подписи под этими письмами. Однако теперь эти письма не пробуждают тех надежд, что до 1969 года. Появилось новое — стихийный протест против таких писем, отказ от молений в адрес всегда молчащего, но санкционирующего репрессии ЦК КПСС. Рядовая масса, особенно после Сахаровских чтений, требует от своих руководителей более решительных организованных действий и более тесной связи с международной общественностью. В этих условиях власти пытаются усилить репрессии, жертвой чего становится и Мустафа.

*Б. Многие влиятельные лица
питают личную неприязнь к Мустафе*

Мустафа никогда не шел на компромисс с органами насилия. Держась сам в рамках законности, он не терпел беззаконий и властей. А власти этого не любят. Они предпочитают беспрекословное повиновение. Мустафа член Инициативной группы, борец за гражданские права в СССР. Но больше всего злы на него власти Узбекистана за поведение на суде в 1970 году, где он совместно с Ильей Габаем буквально "загнал суд в тупик". Мы не знаем другого такого процесса, где обвинение провалилось бы так позорно. Провал властей на этом суде столь очевиден и так постыден, что все, кого этот позор хотя бы задел, жаждут отмщения. Габая нет. Он из жизни ушел. Тем свирепее власти набрасываются на оставшегося в живых Мустафу.

Чего можно ждать от суда

Можно ли надеяться, что суд еще раз вернет дело или что будет вынесен оправдательный приговор? Нет! Ни того, ни другого не будет. Ленин писал: "Суд есть орган власти... Марксисту

грех забывать это". И мы не забываем. Наоборот, мы уверены, что данный суд, каков бы ни был его состав, выполнит повеление власти и осудит Мустафу, даже если у суда не будет никаких обвинительных материалов. Чтобы спасти Джемилева, надо добиться, чтоб власти изменили свое отношение к его делу, что вполне возможно.

Дело в том, что следствие в усердии не по разуму включило в обвинительное заключение документ, который никак не может быть криминальным. Речь идет о документе из личных записей Мустафы, который называется: "Декларация принципов крымско-татарского национального движения (КТНД)". Даже с чисто правовой точки зрения следствие было неправомочно включать этот документ в обвинение по ст. 190-1, т.к. это не документ действия, а запись (для себя) своих взглядов на определенное, существующее в реальной действительности, явление. Но главное в другом: следствие предаст суду конституционное право целого народа. Это становится ясным из первых же статей "Декларации".

В ст. 1 говорится, что цель КТНД — борьба за возвращение на национальную родину — в Крым. Во второй — указывается, что КТНД действует в строгом соответствии с законами своей страны. Если за борьбу законными средствами против произвола властей в национальном вопросе можно судить уголовным судом, то наша Конституция, декларирующая национальное равноправие всех народов СССР и право на самоопределение — простая фикция. Власти должны либо прекратить процесс, посягающий на законные (конституционные) права нации, либо распяться в собственном лицемерии. И тут уж лжесвидетели не помогут.

Что же делать?

Защищая Мустафу, надо не забыть, что заведомо ложное обвинение фабрикуется не только против него, как свободной личности, но и против всего крымско-татарского национального движения. Если осудят Мустафу за то, что он написал проект "Декларации принципов КТНД", то это будет означать, что осудили само это движение. Это будет, по выражению Ленина, "юридическое убийство из-за угла" целого национального движения.

Такого еще не бывало. И не дай Бог, чтобы случилось. Ибо это будет удар не только по крымским татарам. Это будет прецедент для немаскируемого подавления любого национального движения.

Но, когда речь идет не только о личности, но и о стоящем за нею общественном движении, суд, представляющий противостоящую движению власть, не может быть беспристрастным. Ленин утверждал, что в таком случае следует назначать *следственную комиссию*, с участием в ней и представителей движения, которое стоит за обвиняемым: "... обязанностью следователей" такой комиссии "... было бы устроить гласный, открытый для публики допрос свидетелей по этим вопросам с немедленной публикацией протоколов допроса" (Ленин. Т. 25, 4-е издание, стр. 192).

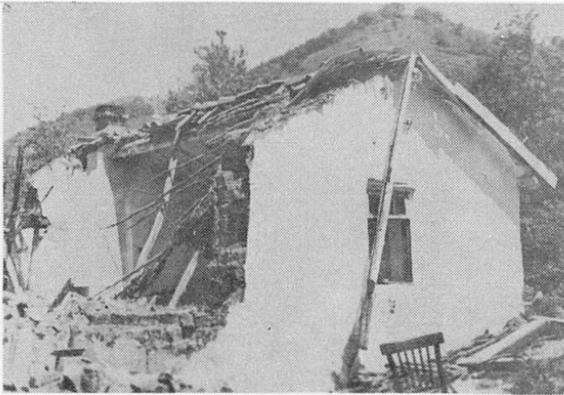
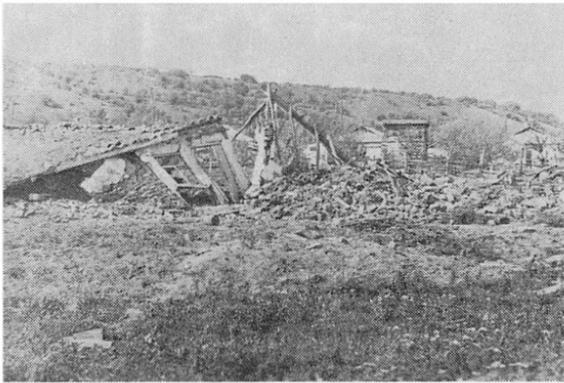
Вот мы и будем требовать создания такой комиссии по делу Мустафы. И надеемся, что мировая общественность поддержит нас. Это не значит, разумеется, что мы не станем добиваться справедливости в суде. Наоборот, мы будем ориентироваться на честных людей, которые не побоятся воспользоваться своим конституционным правом и докажут, что их "Суд независим и подчиняется только закону".

Но суд может решить только данное дело. Он не может выяснить, как и за что искалечена вся жизнь Мустафы, почему она пропущена через жернова резерваций, лагерей и тюрем, через жестокую дискриминацию. Суд не сможет решить, по каким причинам подвергается дискриминации и геноциду целый народ. Только следственная комиссия, включающая представителей заинтересованной нации, может разобраться в этом, а заодно выяснить и другие весьма странные противоречия в нашей жизни.

Например, следующие.

Не так давно нашу страну посетил герцог Люксембургский Жан — глава государства с шестидесятитысячным населением. Ему была организована встреча на самом высшем уровне. Его возили по стране, оказывали почести как главе великого государства.

Далее. В наших газетах публикуются, как важные, сообщения о рождении новых государств. Возьмем не самые мелкие — Острова Зеленого Мыса — 250 тысяч населения, Суринам — 420 тысяч.

Фотографии разрушенных милицией домов. Приложение к "Экстренному информационному сообщению..." (см. стр. 190 – 193).

А недавно наши газеты провели довольно шумную кампанию против выселения одной тысячи человек с острова Диего-Гарсия.

Мы не хотим умалить ни одно из перечисленных событий. Все закономерно и правильно, но у нас возникает вопрос: почему 600 тысяч крымских татар, лишенных национальной территории — не только не имеют самостоятельной государственности, но у них нет автономии и даже права жить на земле предков? Почему этот народ за одно стремление вернуться в Крым теряет таких людей как Мустафа Джемилев — золотой фонд нации?

29 ноября 1975 года

*Зинаида Григоренко
Петр Григоренко*

СООБЩЕНИЕ ИЗ КРЫМА

18 ноября у здания облисполкома (Симферополь) собрались 150 человек крымских татар с тем, чтобы обратиться к председателю облисполкома Чемодурову по поводу прописки и трудоустройства. Но он никого не принял. Прибывшая милиция забрала двоих: Османова Мустафу, проживающего: Советский р-н, совхоз Шалфейный, демобилизовался в 1972 году из рядов советской армии и до сих пор не прописан. Второй — Сервер, проживающий: Белогорский р-н, село Белая Скала. Остальных направили в областное управление МВД, где начальник управления Гайдамак принял 4-х человек. Остальные идти на прием к нему отказались и потребовали освобождения двух задержанных. После этого требования, те были освобождены.

22 ноября в 20 часов были задержаны и сняты с поезда Симферополь — Харьков Чобанов Мамеди и Куртвапов Ведат. При обыске у Мамеди Чобанова изъяты письма (около 700 подписей), адресованные в ЦК КПСС, Сахаровский комитет защиты прав человека в СССР, министерство юстиции СССР в защиту Мустафы Джемилева.

24 числа Чобанов был доставлен сотрудниками КГБ домой — село Журавки, Кировский р-н. В доме был обыск, но при обыске ничего не найдено и ничего не изъято. Обыск вели: сотруд-

ник областного управления МВД Илинов, два сотрудника КГБ из г. Феодосии и участковый ст. лейтенант милиции Голорев. Работник КГБ, который назвал себя Иваном Тимофеевичем, сказал: "Если вы и дальше так будете продолжать борьбу за возвращение на родину в Крым, то может случиться то, что случилось с крымскими татарами в 1944 году".

Начальник КГБ Крыма генерал Петров вообще отрицал существование крымских татар в СССР.

В Симферополе осуждена Мустафаева Аджимилек на 1,5 года высылки из Крыма.

*Генеральному секретарю ООН
Курту Вальдхайму
Генеральной Ассамблее ООН*

КО ВСЕМ, КОМУ ДОРОГИ ЖИЗНЬ И ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

В мае 1944 года, на исходе Второй мировой войны, крымско-татарский народ был депортирован со своей исторической родины — Крыма — и поставлен на грань вымирания. Это, по определению Двадцатого съезда КПСС, был *геноцид* — одно из самых тяжких преступлений против человечества.

Одним из основных обвинений на Нюрнбергском суде над главными военными преступниками было совершение преступления геноцида. В международные следственные органы и в состав международного трибунала, судившего этих преступников, входили и представители Советского Союза.

Между тем, виновники таких преступлений в СССР не были привлечены к ответственности. Хуже того, тех, кто пытается бороться против остатков и последствий геноцида, всячески терроризируют и осуждают по лживым обвинениям на длительные сроки заключения.

Сейчас в Омской тюрьме умерщвляют одного из наиболее активных участников движения крымских татар за возвращение на землю предков, талантливого тридцатидвухлетнего историка и общественного деятеля Мустафу Джемилева (Абдулджемиля). Против него выдвинуто явно лживое обвинение в распростра-

нении "клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй". Фактически, после пяти месяцев следствия главным пунктом обвинения является найденная у Джемилева черновая личная запись, согласно которой задачей крымско-татарского национального движения является борьба за возвращение на родину в строгом соответствии с законами страны.

Джемилева убивают, чтобы сломить это законное движение, запугать крымско-татарский народ. Суд над Джемилевым — это не только акт мести честному и мужественному человеку, но и провокация, направленная против законности в нашей стране, против тех принципов, которые все народы торжественно обещали соблюдать. Мы беремся доказать это.

Но доказывать можно только беспристрастным судьям. Беспристрастной в этом деле может быть только специальная следственная комиссия, образованная (паритетно) из представителей как властей, так и крымских татар. Эта комиссия и должна провести гласное расследование дела Мустафы Джемилева.

Один из нас — А. Сахаров — дважды обращался к Генеральному Секретарю ООН с просьбой о вмешательстве в дело Джемилева. Мы сегодня повторяем этот призыв. Речь идет о спасении жизни человека, ставшего национальным героем, о защите принципов национального самоопределения и равноправия, провозглашенных Уставом ООН.

Люди мира, советские люди — прежде всего!

Требуйте немедленного освобождения Мустафы!

Он страшно изнурен почти шестимесячной голодовкой, и мы опасаемся за его жизнь.

Поддержите требование о проведении гласного расследования его дела!

Зинаида Григоренко, Решат Джемилев, Андрей Сахаров, Васфие Хаирова (сестра Мустафы), Петр Григоренко

Обращение родных Мустафы Джемилева

ЛЮДИ ДОБРЫЕ!

ВСЕ, ВСЕ, КТО МОЖЕТ СОСТРАДАТЬ ЧУЖОМУ ГОРЮ!

Помогите спасти нашего Мустафу, пока еще не поздно.

Он не преступник. Вся его вина в том, что он очень любит свой многострадальный крымско-татарский народ и хочет счастья для него, хочет, чтобы прекратилась дискриминация, геноцид, чтобы народ вернулся на свою землю. Те, кому это не нравится, снова, уже в четвертый раз, хотят ложью заточить его на годы в тюрьму и лагерь. Протестуя против этого, он голодает в Омской тюрьме – уже шестой месяц! Он исхудал и обессилел настолько, что мы боимся за его жизнь. Мы просим: возвысьте свой голос для его спасения!

Мы просим Международный Красный Крест, Эмнести Интернешенел – дибиться права навестить Мустафу и сделать все, что в ваших силах для спасения его жизни.

Отдельно мы взываем к руководителям компартий: обратитесь к партийно-государственному руководству нашей страны, может, они хоть к вашему голосу прислушаются.

Люди! Помогите нам!

Мустафаева Махфуре – мать Мустафы Джемилева, Мустафаев Абдулджемиль – отец; Асанова Шевкие – сестра; Хаирова Васфие – сестра; Абдураманова Гульзар – сестра; Сеитвелиева Дилляра – сестра; Джемилев Асан – брат; Джемилев Анафи – брат.

СПРАВКА СПЕЦИАЛИСТА О ДЛИТЕЛЬНОМ ГОЛОДАНИИ*

(передано гласности на пресс-конференции в Москве
на квартире академика А. Сахарова, 3 декабря 1975 года)

Как известно, длительное голодание приводит к тяжелым, опасным для жизни последствиям.

У голодающих развивается ухудшение работы сердца, приводящее к недостаточности кровообращения, может произойти внезапное прекращение сердечной деятельности. Значительно нарушается работа желудочно-кишечного тракта, нередки упорные рвоты, непроходимость кишечника или изнурительные поносы. Наблюдается падение функции всех эндокринных желез (желез внутренней секреции), нарушения со стороны нервной системы (судороги, полиневриты).

Могут развиваться психические расстройства. Одновременно появляется витаминная недостаточность (в виде цинги или пеллагры и т.д.). На фоне нарастающего истощения, интоксикации и присоединившихся осложнений может наступить смерть.

(Большая медицинская энциклопедия, 2-е издание, том 1, статья "Алиментарная дистрофия")

Искусственное питание через зонд не может вполне заменить естественного. Кроме того, насильственное введение зонда травмирует пищевод и может вызвать явление эзофагита, развитие эрозии, язв, приводить к пищеводным и желудочным кровотечениям.

Суммируя все сказанное, следует указать, что длительное многомесячное голодание, даже при искусственном кормлении, может оказаться опасным для здоровья и даже для жизни голодающего.

* — Справка поступила без подписи.

РАССКАЗ ХАИРОВОЙ ВАСФИЕ

Мой брат Мустафа с малых лет, видя все несправедливости, обрушенные на крымских татар, их страдания и вымирание в местах ссылки, не смог молчать. Он стал протестовать против беззаконий, творимых в отношении его нации. За это власти его невзлюбили. Ему не дали учиться в институте, исключили с третьего курса. Затем его осудили и заточили в тюрьму на полтора года. С 1966 года он не видел ни дня хорошей жизни. По поводу и без повода его сажают и осуждают на разные сроки. Уже четвертый раз суд висит над ним.

В те короткие промежутки времени, которые он бывает на воле после 1966 года, Мустафу травили бесконечными вызовами в КГБ и милицию, угрозами и издевательствами, арестами на 15 суток.

Сейчас жизнь его в страшной опасности. Мама была у него с братом моим, так они говорят, что физически он очень слаб, но дух его непреклонен. Он предпочитает смерть жизни в постоянных заключениях.

Вот такой он был всегда. Добрый и ласковый, когда имеет дело с хорошими людьми, но суровый и непреклонный, когда встречает несправедливость. Мама приехала со свидания вся в слезах, она боится за его жизнь. При ней он дважды терял сознание.

По нашей просьбе Петр Григорьевич написал в Прокуратуру РСФСР, чтобы Мустафу выпустили до суда к нам на поруки, чтобы мы могли его подкормить. Из Прокуратуры ответили: "Ваше заявление направлено в Омскую прокуратуру для решения по существу. Ответ контролирует Прокуратура РСФСР." Но в Омске с мамой говорить не стали. Я пошла в Прокуратуру РСФСР. Там надо мной даже посмеялись: "Что Вы! Какой Вам еще ответ! Никто его освобождать не будет. А истощен — так сам виноват: зачем голодает?"; "Если бы мы выпускали голодающих, все бы начали голодать". Вот так-то: на бумаге вроде внимание оказывают, "берут под контроль", а с глазу на глаз издеваются.

Немного о том, как я ехала сюда. В аэропорту меня обыска-

ли. Заявили, что ищут взрывчатку. Я спросила: "Почему же ищите только у меня, а остальных пропускаете без обыска?", но членораздельного ответа не получила. Когда обыскивали мою сумочку, вынули из нее записную книжку и всю перелистали, перечитывая записи. Я спросила: "Разве взрывчатку можно вложить в записи этой книжечки?" Тоже пробормотали что-то невнятное.

После этого в зале ожидания за мной установили наблюдение. Наверное, думали, что мне что-то принесут. Наблюдающий иногда подходил ко мне вплотную. Часа в два ночи я сказала ему: "Напрасно мучаешься, не спишь!" Он сказал: "За вами, татарами, смотреть да смотреть. Но только напрасно ты летишь в Москву. Мы предупредили. Тебя там встретят. Ваших там уже половину пересажали." Но я поехала и благополучно прибыла.

А вот у других бывает хуже. Амет Абдурманов рассказал, что его и еще трех татар задержали в Ташкентском аэропорту. Они везли два чемодана с тысячами подписей крымских татар в ЦК КПСС. У них эти письма и подписи изъяли. Отобрали и авиационные билеты. Деньги, правда, вернули. Вот такую "свободу передвижения" по собственной стране устроили власти нам — крымским татарам.

Хаирова Васфие

ОБРАЩЕНИЯ В ЗАЩИТУ МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА НА ЗАПАДЕ

В защиту Мустафы Абдулджемиля неоднократно выступали западные и восточноевропейские интеллигенты, проживающие в изгнании. В ряде западно-европейских, северо-американских и турецких газет публиковались статьи и материалы, освещающие "дело Джемилева". Среди выступивших в защиту Джемилева такие известные люди, как немецкие писатели Генрих Бель и Карл Амери, французские — Раймон Арон и Пьер Эммануэль, чехословацкие — Ота Филип и Габриель Лауб, редактор украинского журнала Богдан Кордюк, редактор чешского журнала Павел Тигрид, русский поэт Александр Галич, известные деятели "Пражской весны" Иржи Пеликан и Антонин Лим, русский

церковный писатель Анатолий Левитин-Краснов, а также ряд других деятелей культуры и общественных деятелей разных стран.

Вот одно из обращений в защиту Мустафы Абдулджемиля, подписанное совместно представителями западно- и восточно-европейской интеллигенции:

ОБРАЩЕНИЕ К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Мустафе Абдулджемилю (Джемилеву) грозит четвертое заключение. Советские власти строят новое обвинение на ложных показаниях солагерников Джемилева, полученных методом подкупа и шантажа. 32-летний Мустафа Джемилев, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, один из лидеров движения крымских татар за право возврата на родную землю, трижды был приговорен к заключению в исправительно-трудовых лагерях на сроки от одного до трех лет за свою правовую и гражданскую деятельность. 19 июня этого года, за два дня до окончания очередного срока, ему было предъявлено обвинение "в распространении клеветнических измышлений, порочащих советскую систему." С этого же дня Джемилев объявил голодовку, которую он держит в Омской тюрьме. Его здоровье, подорванное многими годами заключения, находится в катастрофическом состоянии.

Мы обращаемся ко всем с призывом выступить в защиту Мустафы Джемилева. Международная солидарность неоднократно помогала облегчению участи свободомыслящих людей в СССР и в других странах. Сегодня в ней нуждается Мустафа Джемилев.

Андрей Григоренко, Александр Галич, Богдан Кордюк, Ота Филип, Анатолий Левитин-Краснов, Иржи Пеликан, Вадим Белоцерковский, Габриэль Лауб, Павел Тигрид, Генрих Бель, Антонин Лим, Павел Литвинов, Карл Амери, Василий Франк.

В Соединенных Штатах Америки был создан Комитет защиты Мустафы Джемилева. Адрес Комитета:

THE MUSTAFA DZHEMILEV DEFENSE COMMITTEE
Room 414,853 Broadway, New York
N.Y. 10003, U.S.A.

*В Международную организацию
"Амнистия", Лондон – Нью Йорк
В Европейскую комиссию по правам
человека, Страсбург*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАТЕРЕЙ И ЖЕН ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Дорогие друзья!

К вам обращаются матери и жены политзаключенных Советского Союза.

Вам безусловно уже известны бесчеловечные условия содержания политзаключенных, в частности, узников Владимирской тюрьмы. Но теперь администрации мало прежних мер – мало пытки голодом, мало того, что она лишает заключенных дневного света и воздуха; мало мучительного наказания карцером, от которого необратимо теряют здоровье; мало наказания трудом в условиях, грубо нарушающих нормы охраны труда.

С недавнего времени администрация стала *отнимать* у наших близких, томящихся в заключении, последнее, что они имели, – *право писать и получать письма от своих друзей и близких*. Редкие свидания, предоставляемые узнику по закону, местные власти лагерей и тюрем все чаще и грубее отбирают. *С потерей возможности писать и получать письма – обрывается последняя связь человека с близкими*. Он обрекается на абсолютную изоляцию от внешнего мира. И для оставшихся на воле – полная, непроходимая изоляция от близкого, дорогого человека.

До крайней степени отчаяния доведена мать Владимира Буковского, тяжело заболела мать Габриэля Суперфина, с сердечными приступами слегла мать Олеся Сергиенко.

Еще бы! Мать Буковского не имеет писем от сына с ноября прошлого года; мать Суперфина около четырех месяцев лише-

на известий о сыне; то и дело задерживают письма Олеся Сергиенко к матери.

За последние месяцы более сорока писем друзей и родственников не передано Крониду Любарскому. Среди них более десяти писем священника С.А. Желудкова, посвященных религиозно-этическим проблемам, письма искусствоведа М.С. Бернштама по вопросам искусствоведения и философии, письма астрономов Н.П. Ольховой и Б.М. Владимирского, освещающие вопросы астрономии (Любарский — астроном), письма математика Ю.А. Шихановича. Не пропустили даже письма школьницы Анастасии Подъяпольской с портретом ее отца — друга Любарского, который девочка нарисовала.

Письмо, написанное самим заключенным, конфискуется и не пропускается до тех пор, пока оно не станет пустым по содержанию и не сократится в объеме в 10-20 раз, буквально до нескольких строк.

И без этого — по закону — заключенный имеет право отправить из тюрьмы только одно письмо в месяц (а то и одно письмо в два месяца — на строгом режиме). И этого единственного его лишают!

”Никакой философии, никаких размышлений, никаких особенных изъяснений чувств — все должно быть примитивно и коротко”, — вот новое самочинное требование цензоров.

А ведь письма от заключенного это — и утешение матери, и поддержка жены, и сообщение хотя бы незначительных сведений о себе (эти сведения жестко лимитируются цензурой), и ласковые слова детям; ответ другу; и научное исследование по структуральной антропологии Г. Суперфина, и размышления по философско-этическим вопросам К. Любарского, и биологическое эссе В. Буковского, и отечески наставляющие обращения к маленькой дочери Г. Давыдова.

Но... — ”... Я делаю третью попытку написать письмо. На этом с моей стороны переписка прекращается, — пишет Любарский. — Это письмо последнее. Всякое терпение имеет предел.”

Письмо Габриэля Суперфина матери пропустили лишь после того, как он четыре раза переписал, сократил и изменил его; 4-й вариант письма цензор пропустил, отправил матери.

Наши близкие беззащитны против издевательских требований тюремщиков. Цензура придумала и использует ”универсаль-

ный” повод конфискации писем: ”подозрительное по содержанию” — тут полный произвол для администрации: возможность ”воспитывать”, мстить за жалобы и протесты.

Ссылки на законы вызывают у этих ожесточенных чиновников только циничные реплики. ”У нас есть законы, а есть и подзаконы, — заявил заместитель начальника Владимирской тюрьмы по режиму Федотов матери Буковского. — Пишите жалобы, куда хотите, но сознайтесь: ведь вам ни разу не удалось добиться хоть каких-нибудь результатов”.

Тщетными, безрезультатными остаются все наши заявления, жалобы в прокуратуру и другие контролирующие инстанции. Тюремщики пытаются физически и духовно убить наших родных, оборвать последние нити связей: письма и свидания. И так долгими месяцами мы не видим наших близких, и так дети забывают своих отцов (а то и матерей, если политзаключенный — женщина), а теперь все труднее получить редкую встречу.

Большого отца заключенного Менделевича уже два года лишают свидания с сыном. У приговоренного к 15 годам лагеря Юрия Федорова два раза отнимали свидание, и он не видел жену и маленькую дочь более года. Богдана Ребрика (лагерь особого режима) лишили свидания с малолетней дочерью. Старенькая мама Мустафы Джемилева, держащего более восьми месяцев голодовку, приехала к нему в Омскую тюрьму с другого конца страны и умоляла хоть издали показать ей сына, чтобы знать, что он жив, но Мустафу она так и не увидела.

Кто же положит конец этим новым беззакониям, этому усиливающемуся произволу, этой жестокости?! Кто избавит наших сыновей и мужей от невыносимых страданий?!

Неужели для того, чтобы кто-то наконец помог, нужно дожидаться голодной смерти Владимира Буковского, Мустафы Джемилева или Валентина Мороза?!

Матери и жены политзаключенных:

Н. Буковская, О. Мешко (Сергиенко), Г. Салова (Любарская), Н. Бузырева (Федорова), В. Исакова (Давыдова) и другие.

* * *

**РУКОВОДИТЕЛЯМ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И
РАБОЧИХ ПАРТИЙ
ВСЕМ КОММУНИСТАМ, СОЦИАЛИСТАМ
ДЕМОКРАТАМ
ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ ЗЕМЛИ!**

От себя лично и по поручению еще восьми советских коммунистов обращаюсь к вам со следующим.

Сегодня Верховный Суд РСФСР утвердил жестокий незаконный приговор, вынесенный Омским областным судом 33-летнему крымскому татарину Мустафе Абдулджемилю (Джемилеву).

За последние десять лет это ему уже четвертый свирепый приговор. И ни один из них не основан на законе. Но сегодняшней перекрыл все, что нам известно о судебном произволе в СССР в послесталинский период. На этот раз человек брошен на 2,5 года в лагерь строгого режима даже без тех фальшивых оснований, к которым обычно прибегают в политических процессах.

Единственный свидетель обвинения — солагерник М. Джемилева Дворянский В.А., — которого сотрудники КГБ и лагерной администрации "обрабатывали" более полугода и принудили к даче показаний против Джемилева, на суде заявил, что все сказанное им на предварительном следствии — ложь, на которую его вынудили угрозами, посулами, шантажом и физическим воздействием.

Почти три часа прокурор и судья пытались вернуть Дворянского к его досудебным показаниям путем угроз, казуистических вопросов и подсказок, но он твердо стоял на своем.

Что же суд? Оправдал Мустафу? Вынес частное определение о расследовании незаконных методов следствия?

Нет! *Осудил* Мустафу, опираясь на показания Дворянского, данные им... на предварительном следствии.

Ну, а как насчет частного определения? Вынесено!.. О привлечении к уголовной ответственности... Дворянского... за дачу ложных показаний... в суде. Без проверки, без следствия — просто выдача строптивного свидетеля на расправу тем, кто принудил его к ложным показаниям.

У нас нет возможности полно изложить допущенные судом процессуальные нарушения. Укажем лишь на грубейшие. Суд отклонил все ходатайства защиты и подсудимого, в том числе о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании важных

для защиты документов и о предъявлении для осмотра в суде нескольких листов, изъятых из дела следствием. Судья неоднократно перебивал подсудимого, мешал доказывать нелепость обвинений, особенно разоблачать фальсификации; препятствовал произнесению последнего слова.

Любому беспристрастному человеку, если ему показать протоколы судебного процесса, станет ясно, что суда в данном случае не было. Имело место юридическое оформление, кем-то другим вынесенного, бессудного приговора. А вот *Верховный Суд* этого не заметил! *Не заметил?! А может действовал, подчиняясь той же воле, что и Омский суд?*

Джемилева судили все четыре раза не за то, что предъявлялось в обвинительном заключении, а за то, за что по закону судить нельзя.

Мустафа Джемилев — участник общедемократического движения в СССР; один из членов-основателей демократической "Инициативной группы" и вместе с тем активный участник движения за ликвидацию национального неравноправия крымских татар.

Известно, что этот народ в 1944 году был депортирован из Крыма в полупустыни Средней Азии и Казахстана, и там рассеян и поставлен в условия вымирания и ассимиляции. 20-й съезд КПСС осудил эту акцию, назвав ее *геноцидом*. Но за 20 лет, прошедших после этого съезда, в Крым смогли возвратиться (по официальным данным) только 4,5 тысячи (выселено 423.100) крымских татар.

Почти все возвратившиеся смогли закрепиться в Крыму, перенеся тяжкие мытарства и многократные административные и судебные репрессии. Организованного возвращения нации на Родину не производится, а десятки тысяч, приезжавших по собственной инициативе, насильственно выдворяются из Крыма.

Вот об этом и говорил Джемилев. Он заявлял, что его народ имеет право жить на своей исторической родине, называться своим историческим именем (сейчас советская статистика крымских татар не учитывает, а само их наименование изгнано из советского лексикона), иметь компактное расселение, свой язык, культуру и государственность, т.е. все то, на что имеют право все народы, что и крымские татары имели до того, как их зверски депортировали в 1944 году.

Может ли коммунистическое сознание и совесть человеческая допустить, чтобы за это умерщвляли человека? А сегодняшнее решение суда равносильно смертному приговору, т.к. оно выносится после *десятимесячной* голодовки М. Джемилева.

Эту голодовку он провел протестуя против незаконного ареста и заведомо ложного обвинения. Прервал он ее, вняв мольбам родителей, на время до рассмотрения кассации. Утверждение приговора автоматически повлечет за собой продолжение голодовки. А ведь он и после десяти месяцев уже находился при смерти: угрожающее жизни похудение, резкое сокращение объема сердца и желудка, частичная атрофия печени. До конца срока при любом искусственном кормлении он не дотянет.

Можно ли мириться с таким произволом?!

Если нет – *протестуйте!!!*

В ваших силах добиться амнистии политзаключенных и прекращения незаконных судов в СССР.

Добейтесь!!

В ваших силах спасти Джемилева Мустафу.

Спасите!!

Только так можно прекратить произвол, защитить жизнь и достоинство людей.

25 мая 1976 года

Петр Григоренко

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР ДЛЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ, ТЕЛЕВИДЕНИЯ, РАДИО АПРЕЛЬ–МАЙ 1975 ГОДА *

Всему миру известно, что крымско-татарский народ 18 мая 1944 года весь был выселен со своей родины – Крыма и был обречен на истребление и ликвидацию как нация, но народ выжил в жесточайших условиях, вот уже почти 20 лет ведет борьбу, упорно и настойчиво добивается своего возвращения на Родину. Те, в чьих руках судьба нашего народа, не подчиняясь никаким законам, поступают с нами так, как им захочется.

Чтобы увековечить аннексию Крыма без крымских татар, они жестоко расправляются с теми, кто активно участвует в этом

* Сохранена орфография подлинника.

движении и с теми, кто возвращается в Крым. Все наши просьбы и требования объявляются советскими органами как антисоветизм и клевета.

За вышеуказанный период свыше 200 человек, якобы за "распространение документов, порочащих существующий общественный политический строй" были брошены в тюрьмы, один из которых, Мустафа Джемилев, за свое активное участие в национальном движении обречен на верную гибель. В апреле этого года он в четвертый раз осужден ИТК строгого режима на 2,5 года.

Основываясь на Указе Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, народ начал возвращаться в Крым, но вскоре выяснилось, что Указ был издан не для нас, а для иностранной прессы, а параллельно с ним прибыли секретные циркуляры о всяческом препятствии возвращению крымских татар на Родину.

Органы используют все и устраивают всякие провокации, всякими путями препятствуют въезду крымских татар в Крым, не считаясь ни с чем.

Бесчинства руководителей Советского района под руководством председателя райисполкома Пасюты, начальника милиции Побережняка, по их указанию руководители колхозов и предприятий всячески препятствуют и издеваются над приезжими. У пятерых семей в селе Восточном отобрали приусадебные участки, отрезали свет и воду, даже запретили в магазине продажу керосина, долгое время дети не могут попасть в школу, а если попадают, то их в класные журналы не записывают. Аналогично это делается в селе Маковка и в других селах, куда приезжают крымские татары. Более 2,5 лет издеваются над семьей Халич Абдулкадыра (семеро детей), село Пушкино, которых несколько раз пытались выселить.

Райисполком и начальник милиции на приемах говорят, что делом крымских татар ведают органы КГБ.

Хуже обстоят дела в Белогорском районе.

4 мая трое в гражданском ворвались в дом Зенабаддинова Ремзи, втолкнув в милицейскую машину, увезли в неизвестном направлении. То же было и в селе Богатом, увезли одинокую женщину Аджире, 52 года, в неизвестном направлении. Судьба их пока неизвестна.

11 мая в селе Мелехово, узнав, что дом продан крымскому татарину, руководство бульдозером снесли дом, купленный

Аметовым Энвером, не дав ему даже заселиться.

Этим же сельским советом был снесен дом гражданина Анохина за то, что он хотел продать дом крымскому татарину.

12 мая группой бандитов в сопровождении пяти машин под руководством председателя сельского совета Николаева Г., участкового милиционера, комсорга Шкуркина пытались выселить семью Чакаловой Шавер (четверо детей). Взломав двери ломами, связали ей руки, заткнув рот тряпкой, загнали в чулан, чтобы она не кричала и не звала на помощь. На шум сбежались соседи, но бандиты делали свое дело, одни грузили вещи, другие шарили по комнатам. Прибывшую на шум Тохлу Сарие (мать 12 детей) сшибли с ног, 70-летнюю старуху сбили с ног, ребенку 4-х лет разбили ухо. Один в гражданском стал угрожать pistolетом, крича, если не замолчат, перестреляют всех до одного. Видя, что операция (тайная) не удалась, председатель колхоза вынужден был прекратить дело.

Кроме морального и физического насилия, семье Чакаловой был причинен ущерб более чем на 800 рублей.

13 мая 18 дружинников под руководством председателя сельского совета Тальным, председателем колхоза Плехановым, партгоргом Сидоровым была попытка выселения семьи 72-летнего старика, под давлением односельчан им пришлось убраться.

В тот же день в селе Горлинка Богатинского сельского совета ими же была совершена акция выселения семьи Сеитвели Мемета. Они выбросили вещи на улицу, а дом опечатали, оставив людей под открытым небом (семья из пяти человек), ночью маленькая дочь начала замерзать, благодаря соседям она была спасена, все же утром ребенок был доставлен в больницу.

Затем они заявили в селе Красная слобода развалить дом Умуш Усеина (семья из девяти человек), но, благодаря интернациональному русскому и украинскому населению, преступление удалось предотвратить, многие из которых на следующий день не были допущены к своим работам.

Были отстранены от своих работ и прописанные крымские татары, которые были на местах происшествий.

Все это сходится с тем, о чем говорила председатель горисполкома Крутова, приводим ее выражения:

”Партийные органы, милиция и органы КГБ изучают вопрос о новом выселении крымских татар, вернувшихся в Крым”.

– “Не забывайте 1944 год”.

Он думает, что закон и правда это он сам?!

Советское правительство не хочет разрешить наш вопрос, видимо и ООН не в состоянии помочь нашему народу, так как наши неоднократные обращения остаются безответными. Поэтому мы обращаемся к людям доброй воли поднять свой голос в защиту справедливых требований нашего народа. Пусть все народы мира знают, в каких условиях находится коренное население Крыма – крымские татары.

Речь идет о спасении нации, о защите принципов национального самоопределения и равноправия, провозглашенных Уставом ООН.

Копии этого документа с 295 подписями направлены:

Прокурору по надзору Комитета государственной безопасности
Облесполкому Крымской области и
райисполкому Белогорского района.

Фотокопии этого документа направлены во многие инстанции.

16 мая 1976 года

Симферополь– Белогорск

170 подписей.

О Б Р А Щ Е Н И Е *

**ко всем людям доброй воли
и прогрессивной общественности**

В этом документе мы, на примере сотен семей, беремся доказать еще раз о ярой национальной дискриминации крымских татар – одной из малых наций Советского Союза, борющихся за возвращение на свою родину – Крым, восстановление своих национальных и человеческих прав. Речь идет о спасении нации, о защите принципа национального самоопределения и равноправия, провозглашенных Конституцией и Уставом ООН.

* – Сохранена орфография оригинала.

Перейдем к фактам. Вот хроника событий, происходящих в эти дни в Крыму:

1. В селе Мазанка Симферопольского района купил дом **Мурадасилов Дилявер**. Семья состоит из 4-х человек. 3 июня 1976 года они обратились в сельский совет по поводу оформления дома и прописки. В ответ домой к Диляверу явились председатель колхоза Гаранин, председатель сельсовета Шкворец, начальник паспортного стола Сафонов, участковый милиционер Сапрыкин и стали угрожать, что если они не уедут, то его и жену посадят в тюрьму, а детей отдадут в интернат. После этого Сафонов трижды приезжал с подобными угрозами. В четвертый раз он увез всю семью Мурадасилова в сельский совет, где в течение 2-х часов над ними издевались начальник милиции Денисов и прокурор района. Денисов стучал по столу и кричал, что — это вам не 1943 год, что он все равно выселит их за пределы Крыма.

На следующий день, 4-го июня к нему домой с оперативной группой явились Гаранин, Сапрыкин, Шкворец. Взломали ломом двери дома, вынесли вещи и погрузили на машину. Жене скрутили руки и выволокли на улицу с детьми, нанеся телесные повреждения. Затем, забив досками двери и окна, дом опечатали. Вещи отвезли на товарную станцию и потребовали от Мурадасилова отправить их куда-нибудь за пределы Крыма.

В это время Гаранин приказал бульдозеристам колхоза свалить дом, обещая магарыч, но те отказались.

Заставить Мурадасилова выехать за пределы Крыма не удалось.

2. 2-го июня 1976 года в селе Дивное Белогорского района были произведены выстрелы по окнам дома **Файзулаева Вейса**. К счастью, кроме вещей, никто не пострадал. На его жалобу начальник милиции Бабич ответил: "Так вам и надо, не будете сюда приезжать".

В ночь на 18 июня Файзулаева с семьей и вещами вывезли. Где они находятся, пока неизвестно.

Руководил высылкой председатель сельского совета Пономаренко и парторг Воротилов.

3. Ранее сообщалось, что 14 мая 1976 года в селе Горлинка Белогорского района бульдозерами был снесен дом **Сейтвелиева Мемета**. Он с женой и парализованным ребенком после этого жили в палатке, в своем дворе. Угрозы и требования выезда

за пределы Крыма продолжались со стороны Сельского Совета и милиции.

1 июня группа работников милиции и дружинников под руководством председателя сельского совета Тального, парторга колхоза Сидорова насильно погрузили их с вещами в автомашины, вывезли за Красногвардейский район и выгрузили прямо в степи вдали от населенных пунктов и дорог. Только через два дня семья сумела вернуться к своему разрушенному дому.

15 июня с помощью людей восстановили одну комнату. Во время работы явились заместитель начальника милиции майор Писклов, инспектор паспортного режима лейтенант Сияговский и участковый милиционер. Они потребовали от Сеитвелиева прекратить восстановление дома и убираться отсюда.

15 июня председатель сельского совета Тальный, Сидоров с работниками милиции и дружинниками пригнали бульдозер, выгнали из дома семью и сравняли с землей дом. Семья Сеитвелиевых осталась снова без крова.

4. 18 мая 1976 года из села Пионерское Симферопольского района выселена из купленного дома семья **Рефатова Решата**. Акцией руководили председатель сельского совета Капустин, председатель райисполкома Тарашук, начальник милиции Денисов; последний кричал при этом:

"Вы воры и бандиты, награбили в Узбекистане и приезжаете сюда нахально покупать дома".

Семью вывезли на контейнерную станцию, погрузили вещи в контейнер и потребовали отправить из Крыма. Решат отказался. Угрозами прежнего владельца заставили вернуть деньги Рефатову. Через несколько дней он купил второй дом в г. Белогорске и опять начались вызовы в милицию, протоколы, оскорбления и т.д. 17 июня майор Писклов, Сияговский с командой пригнали бульдозер с целью развалить дом (новый, даже не достроенный). Собравшиеся люди не дали совершиться преступлению, но Писклов пригрозил: "Погодите, мы сделаем вам хуже, чем в 1944 году".

5. 18 июня 1976 года в селе Вишенное председатель сельского совета Мунтяев, участковый Самойлов с дружинниками явились в дом **Мустафаева Сервета** (семья из 5 человек, 10 месяцев не может добиться прописки).

Мунтяев заявил: "Мы прибыли насильно с применением фи-

зической силы выселить вас". Хозяин дома потребовал от них решение суда или санкцию прокурора, но ее у Мунтяева не оказалось. Сервету и его брату Лютфи скрутили руки, схватили за волосы и втащили в дом. Жене Сервета (беременной женщине) стало плохо, 2-летний ребенок выпал у нее из рук. Мустафаеву удалось через окно и соседние двери уйти и сообщить о происходящем татарам, проживающим за 8 км в г. Белогорске. К месту преступления стали съезжаться возмущенные люди, и операция сорвалась.

6. В этот же вечер в селе Чернополье Белогорского района произошел аналогичный случай с семьей **Куртнезирова Рефата**. На этот раз их отстояли совместными усилиями русские, татары, украинцы. Операцией руководили председатель сельсовета, парторг колхоза, работники милиции.

7. Одновременно из села Подгорное Белогорского района насильно вывезли семью **Асанова Дервиша**, оскорбляя, унижая, с применением физической силы. Руководители — председатель сельсовета и участковый милиционер. При этом похищено 1800 рублей денег, а также пропало и повреждено ряд домашних вещей. Семья Асанова была брошена посреди степи в Нижегорском районе.

В подобном бедственном и бесправном положении находятся сотни непрописанных крымско-татарских семей. Одним из приемов выдворения татар являются уголовные суды.

Осуждены к различным срокам высылки десятки людей:
Мустафаев Иззет — к трем годам высылки (г. Старый Крым);
Османова Аджире — к двум годам высылки (село Богатое);
Зенабаддинов Ремзи — к двум годам высылки (г. Белогорск);
Ибрагимов Исмаил — к двум годам высылки (село Богатое);
Аметов Веис — к одному году высылки (село Журавки);
Сейтмамбетов Джантемир — к двум годам высылки (село Журавки);
Шабалинов Аблялим — к пяти годам высылки (село Льговка) и многие другие.

Приведя живые примеры грубого нарушения наших человеческих и национальных прав, мы требуем:

1. Немедленно прекратить национальную дискриминацию нашего народа.

2. Навести порядок в органах власти Крымской области и прекратить их бесчинства.

3. Отмены приговора над безвинно осужденными людьми, в том числе одним из лучших сынов нашего народа — Мустафы Джемилева, не жалеющего здоровья и жизни в борьбе за равное правие нашего народа.

Мы обращаемся ко всем людям и прогрессивной общественности поддержать справедливые требования крымско-татарского народа.

К данному обращению прикладываются списки количества 136 непрописанных семей, проживающих в пяти районах из 12 районов, где проживают крымские татары.

Обращение подписали 717 людей

Выражаем возмущение национальной дискриминацией, издевательствами над представителями крымско-татарского народа, пытающимися вернуться на свою родину — в Крым.

Июль 1976 года

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:

*Т. Великанова, Т. Ходорович,
М. Ланда*

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

В апреле 1976 года в Омске состоялся суд, приговоривший 33-летнего крымского татарина Мустафу Джемилева, ранее проведшего восемь лет в лагерях, — еще к двум с половиной годам лагеря строгого режима.

Джемилев обвинялся по статье 190-1 Уголовного Кодекса РСФСР за "заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй". Непосредственно в вину Джемилеву ставились его высказывания о национальной политике в СССР — именно, о положении

крымско-татарского народа, депортированного с исторической родины в 1944 году и до сих пор не имеющего возможности вернуться на Родину из-за противодействия властей.

Обвинение Джемилева строилось на показаниях двух свидетелей, причем показания второго из них были косвенными — пересказом слов первого и главного свидетеля — солагерника Мустафы — Владимира Дворянского. Но сам первый и главный свидетель — Дворянский — от своих показаний, данных в ходе предварительного следствия, на суде полностью и целиком отказался, заявив, что показания следствию он дал в результате незаконных методов ведения следствия — шантажа, нажима, угрозы уничтожения.

Тем самым обвинение на суде не подтвердилось. Тем не менее Джемилев не был оправдан. Суд объявил истиной данные предварительного следствия, несмотря на заявление Дворянского о незаконных методах ведения следствия. Более того, судья во время процесса повторял со ссылкой на органы следствия аналогичные угрозы Дворянскому, и суд вынес частное определение о привлечении Дворянского к суду как лжесвидетеля — за разоблачение следственного беззакония.

По состоянию здоровья Джемилева, после восьми лет заключения и только что оконченной десятимесячной голодовки, тюремные врачи не гарантируют, что Джемилев доживет до конца срока.

* * *

Изучив многочисленные материалы — документы, стенограммы, заявления родных Джемилева, его друзей, письма крымских татар, личные свидетельства и другие источники — Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР *отмечает:*

а) Инкриминирование Мустафе Джемилеву распространения его взглядов по каким бы то ни было вопросам и осуждение его за высказывание этих взглядов противоречит пункту VII части А первого раздела Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то есть пункту "Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений" и пункту 19 Всеобщей Декла-

рации прав человека, гласящему о свободе распространения информации, — тем более, что Всеобщая Декларация прав человека заявлена как основа действий государств — участников Хельсинкского совещания (Раздел 1, часть А пункт VII Заключительного Акта).

б) Осуждение **Мустафы Джемилева** за высказывание взглядов о ненормальном положении крымско-татарского народа, то есть осуждение за борьбу за права крымских татар, противоречит пункту VIII части А первого раздела Заключительного Акта — пункту "Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой":

"Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Государства-участники ... напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа" (Пункт VIII части А первого раздела Заключительного Акта).

Осуждение **Мустафы Джемилева** за борьбу за национальные права крымско-татарского народа есть как раз прямое нарушение указанного принципа.

Суммируя отмеченное выше, Группа содействия считает, что осуждение **Джемилева** — независимо от наличия или отсутствия его высказываний по национальному вопросу — противоречит духу и букве Заключительного Акта Хельсинкского совещания.

в) **Мустафа Джемилев** осужден в обход и в нарушение всех норм советского права, по которому никто не может быть осужден без вины и состава преступления. Дело **Джемилева** является полной фальсификацией, так как обвинение построено на вынужденных лжесвидетельских показаниях, которые разоблачены на суде самим свидетелем. Тем самым процесс **Джемилева** — не только не правовой акт, не только акт беззакония, но и заведомо приготовленная расправа.

г) Состояние здоровья **Джемилева** столь тяжело, что проведенная под видом осуждения расправа является актом физического уничтожения.

д) Тем самым процесс и осуждение Джемилева незаконным путем за национальную борьбу являются частью кампании преследования и нарушения прав крымско-татарского народа.

* * *

Такая квалификация дела Джемилева приводит Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР к двум итоговым выводам по этому вопросу:

1. Осуждение Джемилева полностью и абсолютно противоречит духу и букве гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

2. Необходимо вмешательство международной общественности и правительственных органов подписавших Заключительный Акт государств, так как произошедшее нарушение даже советских законов не позволяет распространить на дело Джемилева статью Заключительного Акта о невмешательстве во внутренние дела, ибо данная статья разъяснена в Заключительном Акте как уважение законов и порядков суверенных государств, но не как уважение беззакония, прикрывающегося фальсификациями.

*Ю. Орлов, Е. Боннэр,
М. Бернштам, А. Гинзбург*

Годн кон под обрацаннем "Информационноя сообщеня крымских татар для зарубежной прессы, радио и телевидения. апрель-май 1976 г.

№ п.с.	Место жительства	Подпись
Мамунова Э	Кривая-7	Маму
Мамунов О.	г. Белогора, г. Св.-ки и старейшая, 17	Мамунов
Мамунова Т.	" "	Мамунова
Мамунов Эзд.	" "	Мамунов
Мамунова Эли.	" "	Мамунова
Мамунова Эзд.	" "	Мамунова
Мамунов Эззар	" "	Мамунов
Измаилов И.	" "	Измаилов
Измаилова И.	" "	Измаилов
Эсатов С.	Экалова 46	Эсату
Эсатов А.	Экалова 46	Эсату
Эсатов Р.	" "	Эсатов
Эсатова Я.	" "	Эсатова.
Беккеров Д.	Кичиорская 8а	Беккер
Беккерова Э.	" "	Беккер
Беккер С.	" "	Беккер
Эмирбекова	" "	Эмирбеков
Эмирбеков В.	" "	Эмирбеков
Идрисов И. И.	Восточная (СВ)	Идрисов
Идрисов М. С.	" "	Идрисов
Камиллов А.	ул. Сторо-аптеки, 27	Камиллов
Камиллова С.	" "	Камиллова
Камиллов М.	" "	Камиллов
Камиллова Э.	" "	Камиллова
Камиллов И.	" "	Камиллов

Факсимиле одного из подписных листов к "Экстремному информационному сообщению..." (см. стр. 190-193).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. "Хроника текущих событий", выпуски 1-27, Москва, Самиздат, 1968-72 гг.; Фонд имени Герцена, Амстердам, том 1-2, 1974 г.
2. "Хроника текущих событий", выпуски 28-41, Москва, Самиздат, 1972-76 гг.; издательство "Хроника", Нью Йорк, 1974-76 гг.
3. "Ленин байрагы", 18 сентября 1976, Ташкент.
4. Ведомости Верховного Совета СССР, № 4, 1954.
5. Уголовное законодательство СССР и союзных республик, Госюриздат, Москва, 1957.
6. "Легенды Крыма", "Крым", Симферополь, 1967.
7. "Всенародный протест". Обзор национально-освободительного движения крымских татар с 1956 по 1969 гг., Ташкент, Самиздат, 1969.
8. Сборник законов СССР, т. 1-2, Москва 1968.
9. Население СССР 1973. Статистический сборник, "Статистика", Москва, 1975.
10. "Шесть дней". Белая книга по делу И. Габая и М. Джемилева. Ташкент-Чирчик-Москва, Самиздат, 1972. В настоящее время готовится зарубежное издание.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, "Юридическая литература", Москва, 1967.
12. Уголовный кодекс РСФСР, "Юридическая литература", Москва, 1966.
13. Конституция СССР.
14. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 1948 г., ратифицировано СССР в 1954 г., "Сборник действующих договоров ...", вып. 15, МИД СССР.
15. XX съезд КПСС, стенографический отчет, Москва, 1956.
16. XXII съезд КПСС, стенографический отчет, Москва, 1962.
17. Ведомости Верховного Совета СССР, № 36, 1967.
18. Т. Давлетшин. "Советский Татарстан", Мюнхен, 1974.
19. П. Григоренко. "Мысли сумасшедшего", Фонд Герцена, Амстердам, 1973.

20. Всеобщая декларация прав человека.
21. "Ташкентский процесс", Фонд Герцена, Амстердам, 1977.
22. Островский Я.Я. "ООН и права человека", "Международные отношения", Москва, 1968.
23. Дадзиани Л.Я., Яковлев И.И. "Международная защита прав человека", "Знание", Москва, 1968.
24. Моральный кодекс строителя коммунизма, "Политическая литература", Москва, 1965.
25. Павел Литвинов. "Процесс четырех", Фонд Герцена, Амстердам, 1971.
26. Анатолий Марченко. "Мои показания", "Посев", Франкфурт/М., 1969.
27. Жизнь национальностей, № 23 (121), 25 октября 1921.
28. "Национальный вопрос в СССР", составитель Р. Купчинский, "С учасність", 1975.
29. Наталья Горбаневская "Полдень", "Посев", Франкфурт/М., 1970.
30. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР, "Юридическая литература", Москва, 1973.
31. Анатолий Марченко "От Тарусы до Чуны", "Хроника", Нью Йорк, 1976.
32. "Советская Россия", 22 января 1971.

СПИСОК ИМЕН

- АБДЕННАНОВА Алимe – 143
АБДУЛАЕВА – 107
АБДУЛГАЗИЕВ Энвер – 25
АБДУЛДЖЕМИЛЬ Мустафа –
III, 5-11, 25-34, 36-39, 42-49,
51, 52, 77, 86-96, 99-104,
106-138, 141-153, 160-163,
171-180, 182-184, 187-191,
197-200
АБДУЛЛАЕВА Гулизар – 121
АБДУРАМАНОВ Узеир – 143
АБДУРАМАНОВА Гульзар –
180
АБДУРАМАНОВА – 107
АБДУРАШИТОВ Мунвар
Кары–64
АБДУРЕШИТОВ Аким – 170
АБДУРРАУФ Фитрат – 64
АБЛАЕВ Ремзи – 46, 121, 131
АБУШАЕВ – 36, 49
АДЖИРЕ – 191
АКИМОВ – 30
АКСЕНОВ – 71
АЛЕКСЕЕВА Людмила – 113
АЛЕТОВ И. – 107
АЛИМ – 9
АЛИМШАЕВА – 46
АЛТУНЯН Генрих – 38, 42,
47,79
АМАЛЬРИК Андрей – 91,
109, 112
АМАЕВА Э. – 107
АМЕРИ Карл – 183, 184
АМЕТОВ –46
АМЕТОВ Веис – 196
АМЕТОВ Ильми – 122, 130,
134, 138
АМЕТОВ Кадыр – 170
АМЕТОВ Энвер – 192
АМЕТХАН Султан – 8, 170
АМЗАЕВА Роза – 131
АНДРЕЕВ – 108
АНДРОПОВ Юрий – 39, 59,
104, 109
АНОСОВ Ю.И. – 116, 118-
120
АНОХИН – 192
АПАЗОВА – 46
АПАЗОВА З. – 46
АРАГОН Луи – 70
АРЗЫ – 9
АРОН Раймон – 183
АСАНОВ Ахмед – 16, 18, 73
АСАНОВ Дервиш – 196
АСАНОВА Зампира – 43, 47,
74
АСАНОВ Энвер – 74
АХМАДУЛЛИНА Белла – 71
БАБИЦКИЙ Константин –
73
БАБИЧ – 194
БАБУСЕНКО – 49
БАЕВ Гомер – 18, 25-26

- БАЕВА Татьяна – 43, 45, 47, 72
 БАРИЕВ Айдер – 62
 БАРРО Жан Луи – 72
 БЕКБУДИ – 64
 БЕКИРОВА – 46
 БЕЛОГОРОДСКАЯ Ирина – 41, 47
 БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Вадим – 184
 БЕЛЬ Генрих – 183-184
 БЕРЕЗОВСКИЙ Б. – 36, 48-49
 БЕРНШТАМ М.С. – 126, 200
 БЕРНШТЕЙН С. – 43
 БЕЛЯЛОВ Февзи – 65
 БОГОРАЗ Лариса – 40, 73
 БОДУНОВ – 50
 БОННЭР Елена – 119-121, 136, 139, 141-142, 147, 200
 БОРИСОВ Владимир – 42, 47
 БОЧАРОВ – 51-52, 62
 БРАТАШ – 98
 БРЕЖНЕВ Леонид – 48, 52, 55, 68, 74, 81, 85
 БУЗЫРЕВА Н. – 187
 БУКОВСКАЯ Нина – 187
 БУКОВСКИЙ Владимир – 38, 147-148, 185, 187

 ВАЛЬДХАЙМ Курт – 88-89, 94, 109, 117, 178
 ВАСИЛЬЕВ Леонид – 43, 47
 ВАХАБОВ М. – 168
 ВЕЛИКАНОВА Ксения – 113
 ВЕЛИКАНОВА Татьяна – 42, 47, 90, 110, 113, 197
 ВЕЛИКАНОВ Кирилл – 47
 ВЕЛИУЛЛАЕВА Айше – 170
 ВЕРГАСОВ Илья – 66, 71
 ВИНТОВСКИЙ С. – 43
 ВИШНЕВСКАЯ Юлия – 43, 45, 47
 ВЛАДИМИРСКИЙ Б.М. – 186
 ВЛАСЕНКО – 98
 ВОЛЬПИН Александр – см.
 ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН
 ВОРОБЬЕВ Олег – 43, 47
 ВОРОТИЛОВ – 194
 ВОРОШИЛОВ – 57
 ВРАГОВ – 34

 ГАБАЙ Галина – 43
 ГАБАЙ Илья – 38-39, 42, 45, 47, 49, 52, 55, 61, 66, 71, 84, 86, 91-92, 142, 147, 153, 172, 174
 ГАБРИЭЛЯН – 29-30
 ГАЕК Иржи – 83
 ГАЗИЕВ Велит – 14-15
 ГАЙДАМАК – 177
 ГАЙДУКОВ Е.Е. – 43
 ГАЛАНСКОВ Юрий – 40, 71-72, 78, 147
 ГАЛИЧ Александр – 183-184

- ГАРАНИН Владимир – 106, 108, 194
 ГАСПРИНСКИЙ Исмаил-бей – 64-65, 127
 ГАФАРОВ Басыр – 122, 130-131, 143, 138
 ГЕНДЛЕР Юрий – 41
 ГЕОРГАДЗЕ – 58-59
 ГЕРЦЕН Александр – 84
 ГЕРШУНИ Владимир – 38, 43, 47
 ГИНЗБУРГ Александр – 40, 71, 72, 78, 200
 ГИНЗБУРГ Людмила – 47
 ГОДЖЕНОВ Рефат – 16, 18
 ГОЛАН Джон – 70
 ГОЛОВЕНКО – 30
 ГОЛОРЕВ – 178
 ГОРБАНЕВСКАЯ Наталья – 42, 45, 47, 78
 ГРИГОРЕНКО Андрей – 1, 5, 10, 33, 38, 43, 47, 50, 93, 96, 113, 184
 ГРИГОРЕНКО Зинаида – 43, 45, 47, 110, 113, 114, 119, 177, 179
 ГРИГОРЕНКО Петр – 5, 11, 33, 35-38, 42, 49, 61, 76-79, 114-115, 117, 119, 124, 127, 139, 142, 144, 177, 179, 182, 190
 ГУСАК – 84
 ГУСЕЛЬНИКОВА – 106, 108, 112, 127
 ДАВЫДОВА В. – см.
 ИСАКОВА
 ДАВЫДОВ Г. – 186
 ДАГДЖИ Абдулла – 143
 ДАДОЙ Диляра – 170
 ДАНИЭЛЬ Александр – 47
 ДАНИЭЛЬ Лариса – см. БОГОРАЗ
 ДАНИЭЛЬ Юлий – 25, 40, 69, 70-71
 ДВОРЯНСКИЙ Владимир – 95-96, 112, 120-128, 131-134, 137-138, 144-145, 147, 151-153, 172-173, 188, 198
 ДЕЛОНЭ Вадим – 73
 ДЕНИСОВ – 194-195
 ДЖЕЛЯЛОВА – 46
 ДЖЕМИЛЕВА Гульзар – 116
 ДЖЕМИЛЕВ Анафи – 120, 137, 180
 ДЖЕМИЛЕВА Роза – см.
 АМЗАЕВА
 ДЖЕМИЛЕВ Асан – 120, 135, 162, 180
 ДЖЕМИЛЕВ Мустафа – см. АБДУЛДЖЕМИЛЬ
 ДЖЕМИЛЕВ Решат – 31, 34, 43, 47, 80, 99-100, 116, 121, 131, 179
 ДЖИМГАЛОВ – 107
 ДИКОВ Юрий – 47
 ДРЕМЛЮГА Владимир – 73, 91, 112
 ДУБЧЕК Александр – 83

ЕМЕЛЬКИНА Надежда – 43, 45, 47, 80
 ЕСЕНИН–ВОЛЬПИН Александр – 43, 47
 ЕФИМОВ Борис – 48

 ЖЕЛУДКОВ Сергей, священник – 186
 ЖУГИКОВ Л. – 43

 ЗЕЙТУЛЛАЕВ Айдер – 74
 ЗЕНАБАДДИНОВ Ремзи – 191, 196
 ЗОЛОТУХИН Б.А. – 24

 ИБАТУЛАЕВА – 46
 ИБРАГИМОВ Исмаил – 196
 ИБРАИМОВ Ибраим – 170
 ИБРАИМОВ Эскандер – 18, 22
 ИЛИНОВ – 178
 ИЛЬИН – 71
 ИЛЬЯСОВ Дильшат – 37
 ИЛЬЯСОВ Умер – 170
 ИСАКОВА В. – 187
 ИСКАНДЕР Фазыл – 71
 КАДЬЕВ Ролан - 36, 62, 66
 КАЛИНОВСКИЙ А. – 43, 48
 КАЛЛИСТРАТОВА Софья – 24
 КАЛНИНЫШ – 41
 КАЛУЦКИЙ – 120, 132
 КАМИНСКАЯ Дина – 24, 26, 52, 62
 КАПЛАН Александр – 43
 КАПУСТИН – 195
 КАПЛУН Ирина – 113
 КАРАСИК Софья – 43
 КАСТРО Фидель – 73
 КАЦ Людмила – см. КУШЕВА
 КВАЧЕВСКИЙ Лев – 41
 КИМ А. – 44
 КИМ Юлий – 43, 80
 КИСЕЛЕВ Юрий – 43
 КОВАЛЕВ Сергей – 42, 45, 90, 148
 КОЖАРИНОВ Вениамин – 43
 КОЗЛОВ А.Д. – 106, 108
 КОЛОБОВ – 120
 КОЛПАК – 49
 КОПЕЛЕВ Лев – 5, 71, 144
 КОРДЮК Богдан – 183-184
 КОРНИЛОВ Л. – 43
 КОРШУНОВ – 19-21
 КОСТЕРИНА Елена – 110-113
 КОСТЕРИН Алексей – 34-35
 КОСЫГИН Алексей – 59
 КОЧУБИЕВСКИЙ Борис – 41
 КРАВЦОВ Б.В. – 97
 КРАСИН Виктор – 42, 45, 47, 80
 КРУТОВА – 192
 КУБЕДИНОВ Сейран – 22
 КУДРЯШОВ Анатолий – 116
 КУЗНЕЦОВА Валентина – 48
 КУЗНЕЦОВ Виктор – 42
 КУРТВАПОВ Ведат – 177
 КУРТНЕЗИРОВ Рефат – 196
 КУШЕВА Людмила – 43, 48
 КЫРЫМАЛ Эдиге – 143

- ЛАВУТ Александр – 43, 47, 110, 113
ЛАНДА Мальва – 113, 197
ЛАПИН Владимир – 43, 48
ЛАУБ Габриэль – 183, 184
ЛЕВИН Аркадий – 43
ЛЕВИНА Тамара – 43
ЛЕВИТИН-КРАСНОВ
Анатолий – 43, 45, 47, 80, 90, 184
ЛЕНИН Владимир – 14, 99, 125, 174, 176
ЛЕОНТОВИЧ – 54
ЛИЗОВСКИЙ – 19, 22
ЛИМ Антонин – 183-184
ЛИСОВСКАЯ Нина – 113
ЛИТВИНОВ Павел – 40, 71, 73, 184
ЛИФШИЦ Д. – 43
ЛОБОДА Виктор – 141
ЛЮБАРСКАЯ Галина – см. САЛОВА
ЛЮБАРСКИЙ Кронид – 186
- МАЛЬЦЕВ Юрий – 43, 47
МАРКОВ – 121, 125-126
МАРКС Карл – 99, 125
МАРТЫНОВ Муаррем – 80
МАРЧЕНКО Анатолий – 41, 43, 72, 76, 83, 91, 112
МАТРОСОВ Сервер – 170
МЕДИЕВ Решит – 64
МЕМЕТОВА Зоре – 170
МЕНДЕЛЕВИЧ – 187
МЕЧНИК – 120
МЕШКО Оксана – 187
- МИЛАШЕВИЧ Владимир – 48
МИХАЛКОВ Сергей – 71
МОЛОТОВ – 50
МОЛЬЕР Жан Баптист – 65
МОРИАК Франсуа – 72
МОРОЗ Валентин – 187, 162
МОЧАЛОВ – 49
МУЕДИНОВ Мемет – 143
МУЗАФАРОВ Алим – 131
МУЗАФАРОВ Решид – 131
МУНТЯЕВ – 195-196
МУРАДАСИЛОВ Дилявер – 194
МУРТАЗАЕВ Алим – 121
МУСТАФАЕВ – 107
МУСТАФАЕВА – 46
МУСТАФАЕВА Аджимелек – 178
МУСТАФАЕВ Абдулджемиль – 180
МУСТАФАЕВА Махфуре – 8, 120, 180
МУСТАФАЕВ Изет – 196
МУСТАФАЕВ Люьфи – 196
МУСТАФАЕВ Сервет – 195-196
МУХТЕРЕМОВ Шевки – 170
МЮГЕ Сергей – 43
- НАВОИ Алишер – 11
НАВРУЗОВ – 49
НАЗАРОВ – 134
НАЙМУШИН – 16
НЕДОБОРА Владислав – 43, 79
НЕКРИЧ Александр – 5, 146
НИКАНОВИЧ – 27

- НИКОЛАЕВ – 192
- ОБРАЗЦОВ – 49-50
- ОЛЬХОВА Н.П. – 186
- ОМЕРОВ Марат – 16, 18, 20, 23-25
- ОРЛОВ Юрий – 110, 113, 146, 200
- ОСМАН – 106
- ОСМАНОВА Аджире – 196
- ОСМАНОВ Мустафа – 177
- ОСМАНОВ Мухсин – 170
- ПАВЛИНЧУК Валерий – 76
- ПАКИЗ – 116
- ПАЛАХ Ян – 84
- ПАСТЕРНАК Борис – 70
- ПАСЮТА – 191
- ПЕГОВ – 57
- ПЕЛИКАН Иржи – 183-184
- ПЕТР I – 12
- ПЕТРОВ – 178
- ПЕТРОВСКИЙ Леонид – 43, 45
- ПИНСКИЙ Леонид – 48
- ПИСАРЕВ Сергей – 76
- ПИСКЛОВ – 195
- ПЛЮЩ Леонид – 43, 45, 47
- ПОБЕРЕЖНЮК – 191
- ПОДГОРНЫЙ Николай – 88, 111
- ПОДОЛЬСКИЙ С. – 43
- ПОД'ЯПОЛЬСКАЯ Анастасия – 186
- ПОД'ЯПОЛЬСКИЙ Григорий – 43, 45, 47, 90, 110, 113
- ПОНОМАРЕВ Владимир – 43, 48, 79
- ПОНОМАРЕНКО – 194
- ПУШКИН Александр – 65
- РАДЧЕНКО – 138-139
- РАКИТЯНСКИЙ Владимир – 43
- РАССЕЛ Бертран – 72
- РАШИДОВ – 73
- РЕБРИК Богдан – 187
- РЕФАТОВ Решат – 195
- РЕШИТОВ Абдураим – 143
- РИББЕНТРОП, фон – 50
- РОММ Михаил – 54
- РУДАКОВ Иван – 43, 48
- РУДЕНКО, Ген. Прокурор СССР – 37, 48, 59
- РУДЕНКО, лейтенант – 97-100, 103
- САГАН Франсуаза – 72
- САЛОВА Галина – 183
- САМОЙЛОВ – 195
- САНИЕ – 136
- САПРЫКИН – 194
- САФОНОВ – 194
- САХАРОВ Андрей – 5, 26, 50, 54, 71, 89, 90, 93-95, 102, 108-110, 114, 117-121, 124, 127, 136, 139, 141-144, 147, 179, 181
- СВАЛОВ – 31
- СЕЙТВАНОВ – 121
- СЕЙТВЕЛИ Мемет – 192, 194
- СЕЙТВЕЛИЕВА Диляра – 107, 180
- СЕЙТВЕЛИЕВ Сейтнафе – 143

- СЕЙТМАМБЕТОВ** Джантемир – 196
СЕЙТМУРАТОВА Айше – 131
СЕЙДАЛИЕВА Гульнар – 131
СЕЙДАЛИЕВ Февзи – 74-75
СЕЙДАМЕТОВ Аптаз – 170
СЕЙТУМЕРОВ – 46
СЕРВЕР – 31, 177
СЕРГЕЕВ – 131
СЕРГИЕНКО Оксана – см. **МЕШКО**
СЕРГИЕНКО Олесь – 185
СЕРОВ – 104, 129
СЕФЕРОВ Энвер – 116
СИДОРОВ – 195
СИНЯВСКИЙ Андрей – 25, 40, 69-71
СИНЯГОВСКИЙ – 195
СИТНИКОВ – 29
СМРКОВСКИЙ Йозеф – 83
СОКОЛОВ – 121-122, 124-125, 131, 133-134
СОЛЖЕНИЦЫН Александр – 10, 124, 127
СОЛЯДИМОВ – 46
СТАЛИН Иосиф – 56,57
СТРОЕВА Елена – 48
СУПЕРФИН Габриэль – 148, 185
СУРОВ – 114, 119, 127, 139
ТАЛЬНЫЙ – 192, 195
ТАРАШУК – 195
ТВЕРДОХЛЕБОВ Андрей – 119
ТЕЛЕСИН Юлиус – 48
ТЕРНОВСКИЙ Леонард – 43, 45, 48, 113
ТИГРИД Павел – 183-184
ТИТОВ Юрий – 48
ТИХОНОВ – 50
ТОХЛУ Сарие – 192
ТРУБНИКОВ – 104, 129
ТУРЧИН Валентин – 76
УБОЖКО Лев – 112
УМЕРОВ Сеит Амза – 16, 18, 20-21, 23-25
УМУШ Усеин – 192
УРБАН Роксана – 48
УСЕИНОВ А. – 107
ФЕДОРОВА Н. – см. **БУЗЫРЕВА**
ФЕДОРОВ Юрий – 187
ФЕДОТОВ – 187
ФЕДОТОВ Анатолий – 100, 121, 125, 143
ФЕИЗУЛЛАЕВ Веис – 194
ФИЛИП Ота – 183-184
ФРАНК Василий – 184
ХАДЖИМЕТОВ – 46
ХАДЖИМЕТОВА – 46
ХАИРОВА Васфие – 107, 115-116, 120, 122, 136, 162, 179, 180, 182-183

- ХАИРОВ Изет – 25-26, 35-36, 60, 75
ХАЙРИ Изет – см. ХАИРОВ
ХАКИМОВ – 23
ХАЛАДЖИЕВА – 46
ХАЛИДОВ Мустафа – 170
ХАЛИЧ Абдулкадыр – 191
ХАУСТОВ Виктор – 40
ХАЯЛИЕВ Нури – 170
ХОДОРОВИЧ Татьяна – 43, 47, 90, 113, 197
ХОЛАПОВ Ибраим – 74
ХРУЩЕВ Никита – 75
- ЧАКАЛОВА Шавер – 192
ЧАКОВСКИЙ – 71
ЧАНЫШЕВ – 170
ЧЕМОДУРОВ – 177
ЧЕРНОВОЛ Вячеслав – см.
ЧОРНОВІЛ
ЧОБАНОВ Мамеди – 177
ЧОРНОВІЛ Вячеслав – 41, 43, 48, 71
ЧУКОВСКАЯ Лидия – 5, 148
- ШАБАДИНОВ Аблядим – 196
ШАБАНОВ Эльдар – 121
ШВЕЙСКИЙ В. – 114, 116, 118, 120, 133-134
ШЕМСУДИНОВА – 46
ШЕМЬИ-ЗАДЕ Эшреф – 131
ШЕРАЛИЕВ – 62
ШИК Ота – 83
ШИХАНОВИЧ Юрий – 186
- ШКВОРЕЦ – 194
ШКУРКИН – 192
ШОСТАКОВИЧ Дмитрий – 54
ШТЕЙН Юрий – 43, 48
ШТЕЛЬМАХ – 72
- ЩЕЛОКОВ – 59
- ЭБАЗЕР – 107, 121
ЭММАНУЭЛЬ Пьер – 183
ЭНГЕЛЬС Фридрих – 99, 125, 131
- ЮСУПОВ Ремзи – 24
- ЯКИР Иона – 80
ЯКИР Ирина – 43, 45, 48, 113
ЯКИР Петр – 43, 45, 47, 80
ЯКОБСОН Анатолий – 43, 45, 47
ЯКУБОВИЧ – 97-103, 105
ЯМБАТРОВ – 104-105
ЯХИМОВИЧ Иван – 42, 75-76, 79

ФОНД "КРЫМ"

готовит к печати Самиздатовский сборник

ШЕСТЬ ДНЕЙ

(Белая книга по делу Ильи Габая и Мустафы Джемилева)
Январь 1972 года

ТАШКЕТ – МОСКВА – ЧИРЧИК

"Шесть дней" – книга уникальная даже для советского САМИЗДАТА, который довольно широко освещает политические процессы в СССР.

Уникальна она прежде всего своей полнотой. Во всех других описаниях политических процессов главное внимание сосредотачивается на самом судебном процессе. О материалах предварительного следствия сообщается в самых общих чертах. В силу этого у неискушенного читателя может возникнуть сомнение – а нет ли в материалах предварительного следствия чего-нибудь важного, что описатели случайно или намеренно не осветили при описании хода суда. Здесь такого вопроса не может быть. В руки читателю дали весь материал предварительного следствия..."

Из Самиздатского предисловия к сборнику "Шесть дней".

Предварительные заказы можно направлять по адресу:

CRIMEA FOUNDATION
24 Greene Drive Commack, N.Y. 11725, U.S.A.

Сделавшим предварительные заказы будет обеспечена отправка сразу же по выходе книги из печати с оплатой после доставки книги заказчику.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР КРЫМСКИХ ТАТАР
COMMITTEE FOR THE RETURN OF EXILED CRIMEAN TATARS
TO THEIR HOMETLAND

ОБРАЗОВАН ФОНД

” К Р Ы М ”

Фонд "КРЫМ" ставит перед собой задачи:

- распространять информацию о положении, в котором находятся крымские татары и другие национальные и религиозно-этнические группы Крыма;
- предавать гласности факты политических и административных репрессий против участников Крымского национального движения;
- способствовать сохранению и развитию материальной и духовной культуры Крыма.

В своей деятельности Фонд "КРЫМ" не руководствуется соображениями экономической или иной выгоды и в силу этого нуждается в общественной поддержке.

Добровольные пожертвования можно направлять по адресу:

CRIMEA FOUNDATION
24 Greene Drive Commack
New York 11725, U.S.A.

или на банковский счет Фонда:

LINCOLN Savings Bank
Queens Office
46-13 Greenpoint Avenue
Sunnyside, N.Y. 11104
Account No. 08-44-237-10.7

Фонд "КРЫМ" основан на добровольных пожертвованиях следующих лиц: Фикрет ЮРГЕР, Ибраим АЛТАН, Исмаил АЛТАН, Мубейин АЛТАН, Андроулло АНАСТАСИ, Арлин АСТАРИТА, АХМЕДША АЛИ, Абдурман ЭМЕК, Абдурман ГОДОЛ, Андрей ГРИГОРЕНКО, Мухаммед ЛАДАЛИ, Фатих ДЖАНБОГА, Мария ДЖОЗЕФ, ЙЕ ЧЕНГ, Марио КОНСТАНТИНИДС, Анатолий ЛЕВИТИН-КРАСНОВ, Павел ЛИТВИНОВ, Юнус МОЛБАЙ, Эдем МУЕДИН, Сергей МЮГЕ, Аблякям САРАЙЛЫ, Мемет СЕВДИЯР, Мидат ТИМУР, Борис ШРАГИН, Елена ШТЕЙН.

A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR

VALERY CHALIDZE
- EDITOR-IN-CHIEF

EDITORIAL BOARD:
EDWARD KLINE
PAVEL LITVINOV

LONDON CORRESPONDENT:
PETER REDDAWAY

AUTHORS OF ARTICLES
AND STATEMENTS:
ANDREI SAKHAROV
LYDIA CHUKOVSKAYA
VLADIMIR BUKOVSKY
ANDREI TVERDOKHLEBOV
JOSEPH BRODSKY
ANDREI AMALRIK
VALENTIN TURCHIN
YURY ORLOV
ROY MEDVEDEV

ANNUAL SUBSCRIPTIONS (4 ISSUES-1977)

☐ <i>Individual subscription</i>	\$ 15	☐ <i>Numbers 1-6 (1973)</i>	\$15
☐ <i>Students</i>	\$10	☐ <i>Numbers 7-12 (1974)</i>	\$15
☐ <i>Institutional subscription</i>	\$20	☐ <i>Numbers 13-18 (1975)</i>	\$15
☐ <i>Sponsors subscription</i>	\$100	☐ <i>Numbers 19-24 (1976)</i>	\$15
☐ <i>Airmail, additional charge</i>	\$5		
- English-language edition*
 Russian-language edition

NAME _____

ADDRESS _____

ZIP _____

AMOUNT ENCLOSED: \$ _____

KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y., 10018

KHRONIKA PRESS IS A NOT-FOR-PROFIT CORPORATION
CONTRIBUTIONS ARE TAX-DEDUCTIBLE

KHRONIKA PRESS DOES NOT ACCEPT SUPPORT FROM ANY
GOVERNMENT OR POLITICAL ORGANIZATION

ГРИГОРЕНКО Андрей (р. 1945) по образованию инженер.

Начиная с 1961 г. работал слесарем, грузчиком, техником и инженером, совмещая работу с учебой.

В 1964 году арест за принадлежность к нелегальной организации и исключение из университета. Дело судебного развита не получило. С 1965 г. до эмиграции из СССР в 1975 г. А.Г. – участник Движения за права человека в СССР. За участие в этом движении подвергался увольнениям с работы и иным репрессиям административного характера.

После избития агентами КГБ в 1969 г. ему неоднократно угрожали физической расправой и одновременно заключением в специальную пси-

хиатрическую больницу – СПб на основании "дурной наследственности". (Отец Андрея – бывший генерал Советской Армии Петр Григоренко – дважды отбывал заключение в СПб за выступления в защиту прав человека в СССР.)

А. Григоренко – автор нескольких статей Самиздата.

В эмиграции А.Г. продолжает выступать в защиту прав человека.

Книга "А когда мы вернемся..." несколько необычна по построению. Авторский текст и подлинные документы, перемежаясь друг с другом, воссоздают жизнь и образ Мустафы ДЖЕМИЛЕВА – одного из наиболее ярких представителей Движения за права человека в СССР и лидера Движения крымских татар за репатриацию. Книга дает читателю возможность проследить шаг за шагом формирование демократического правосознания в условиях советского режима.

The work, "And When We Return..." is unusual in its composition. The author's text and the original documents are woven into each other, recreating a portrait of the life of Mustafa Dzhemilev – one of the most brilliant representatives of the Movement for Human Rights in the USSR and a leader of the movement of the Crimean Tatars for repatriation. The work gives the reader the possibility to follow, step by step, the evolution of a sense of right under the conditions of the repressive Soviet system.